ЮРИЙ ПАНЮШКИН
НЕ ПРОСИТЕ НАС СОЛГАТЬ...

ЮРИЙ ПАНЮШКИН

НЕ ПРОСИТЕ НАС СОЛГАТЬ...

«ТОЛЬЯТТИНСКИЕ БИБЛИОТЕКИ» И ФОНД ИМ. ВАЛЕРИЯ ГРУШИНА: ПРОЕКТ «ГИТАРА ВРЕМЕНИ. ИЗБРАННОЕ»

ОПОРНЫЙ ВУЗ

ТОЛЬЯТТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ #ТЛТТГУ САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Уважаемые читатели!
Вы держите в руках книгу о жизни известного тольяттинского автора-исполнителя, творчество которого отражает эпоху молодости и творческих надежд целого поколения.
Юрий Панюшкин был ярким представителем своего времени, он посвятил свой жизненный путь поэзии и бардовской песне. Произведения Юрия Михайловича знают по всей стране, все они – о многообразии человеческих судеб, о простых людях, чьи заботы и радости понятны каждому.
Он любил жизнь. Он верил в порядочность и доброту. Душа компании, оптимист, друг, с которым всегда можно было поделиться самым сокровенным – таким запомнят Панюшкина все, кому повезло идти по жизни рядом с этим удивительным человеком.
Слова благодарности хочется выразить друзьям и коллегам Юрия Михайловича, вышедшим с инициативой издать эту книгу в год празднования 50-летия Грушинского фестиваля, историю которого уже невозможно представить без имени Юрия Панюшкина.
Мы всегда будем помнить его редкий талант и трогающие до глубины души строки:

Не просите нас солгать – те, кого мы оставляем.
Никогда не уезжать никому не обещаем.
Просто нужно уходить нам порой под непогоду
Так же просто, как делить меж друзьями хлеб
и воду…

С уважением, глава г.о. Тольятти
Сергей Анташев

Дорогие читатели!
Как опорный вуз, Тольяттинский государственный университет считает своим долгом обеспечивать сохранение исторической памяти о выдающихся земляках и способствовать развитию культурной среды региона.
Поэтому мы с энтузиазмом откликнулись на предложение оказать содействие изданию книги, посвящённой прославленному тольяттинцу, известному во всей России барду Юрию Панюшкину.
Личность Панюшкина имеет особое значение для Самарской области и особенно Тольятти: его жизнь и творчество сыграли важную роль в становлении и расцвете здесь бардовского движения. Поэтому данная книга для нас ещё и очень личная: сотрудники ТПИ-ТГУ, члены их семей и друзья были и остаются преданными поклонниками бардовской культуры и активными участниками Грушинского фестиваля, ярчайшей звездой которого Юрий Панюшкин являлся на протяжении нескольких десятилетий. Многие наши коллеги были знакомы с ним лично.

Ректор
Тольяттинского государственного университета,
доктор физико-математических наук,
профессор Михаил Криштал

Юра Панюшкин – это имя мы повторяем много раз на дню и уже много лет. Его песни оживают в душе всякий раз, когда мы задумываем сделать какой-то интересный шаг в жизни.
Если собираемся посетить родные Жигули, сразу вспоминаем – «Здесь начало далеких маршрутов, середина грядущих дорог»...
В Самарском политехническом институте вот уже более полвека проходят знаменитые туристские вечера. Об этом помнят и говорят тысячи людей – их участников из многих уголков страны. И сразу же вспоминаешь его греющие душу строчки: «У нас все наше не отнять, нам память, чтобы вспоминать тебя систематически. И, словно птицы по весне, мы будем прилетать к тебе, родной Политехнический»!
Нам в жизни повезло: какую радость каждый раз мы испытываем на легендарной фестивальной Горе!
Стихи и песни Юры всегда с нами – и в горе, и в радости. Я особо это ощутил, участвуя в потрясающем душу Бессмертном полку!
Глядя на море фотографий участников войны, слушая знаменитую фронтовую «Катюшу» в исполнении их детей и внуков, я не мог не вспомнить и стихи Юры:

«Над крестом склонилось человечество.
Дирижер кивнул – оркестр затих.
Об одном прошу тебя, Отечество:
Помни о защитниках своих!».

Спасибо тебе, Юра! Твои прекрасные стихи и песни, а значит, и ты – всегда с нами.
«С нами ничего не случится!»

Президент Клуба им. В. Грушина
Борис Кейльман

НЕ ПРОСИТЕ НАС СОЛГАТЬ...

ЮРИЙ ПАНЮШКИН

Тольятти, 2018

УДК 82-1(08)
ББК 83.3,445я44
П168

Проект Фонда им. Валерия Грушина и Библиотек Тольятти
«Гитара Времени. Избранное»
Авторы проекта: В. Шабанов и О. Вавилина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.К. Шабанов, О.А. Вавилина — руководители проекта,
В.И. Шемшученко, В.И. Вихорев, А.П. Волошин, А.М. Городницкий, М.Н. Добындо,
Б.Р. Кейльман, О.Г. Митяев, Ю.М. Поляков, А.Я. Розенбаум, К.Б. Тарасов

К 50-летию Грушинского фестиваля. 35-е юбилейное издание Проекта Фонда
им. Валерия Грушина и Библиотек Тольятти «Гитара Времени. Избранное»

В книге использованы фотографии из личных архивов
Татьяны Панюшкиной, Виталия Шабанова, Ольги Вавилиной, Григория Эстулина,
Вячеслава Сучкова, Вячеслава Смирнова. Иллюстрации В. Резникова

П-16 Панюшкин, Ю.М. «Не просите нас солгать…» : антология /
Ю.М. Панюшкин ; под ред. В.К. Шабанова. — Тольятти : Изд-во ТГУ,
2018. — 227 с. : ил. : пер. + суперобл. — (Гитара Времени. Избранное).

УДК 82-1(08)
ББК 83.3,445я44
П168

© Панюшкин Ю.М., 2018
© Фонд им. Валерия Грушина и «Библиотеки Тольятти»: проект «Гитара Времени. Избранное»
© Оформление. Издательство ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», 2018

ОСУЩЕСТВЛЯЯ ЗЕМНЫЕ МЕЧТЫ

Перебирая босыми ногами,
Время теряется где-то вдали.
Но не становятся люди богами
И не становятся боги – людьми.

Наши желанья, некстати и кстати,
И под дождем, и под ветром горят.
«Трудно быть богом» – заметил писатель,
Но Человеком трудней во сто крат.

К облаку листик осенний прилипнет,
А на Олимпе, видать по всему,
Кто-то по-детски тихонечко всхлипнет:
Осень земная приснилась ему...

А человек устремляется в выси,
Осуществляя земные мечты.
В скромном своем ненавязчивом смысле,
Видимо, хочет быть с Богом «на ты».

Так и живут человеки и боги –
Тратя сердца, потрясая умы.
Но на одной повстречаться дороге
Не суждено, извините, увы.

Землю свою с небесами не мерьте,
Там не про нас и уклад, и расклад.
Трудно быть Богом – писатель заметил,
Но Человеком – трудней во сто крат.

СТАЛЬНОЙ ГИГАНТ

Юрий Панюшкин… Если кто-то в стране не знает это звонкое имя, то хотя бы несколько песен его обладателя слышали, думаю, все. Ну, например, «На бронетранспортёре» или «С нами ничего не случится». Среди бардов таких поэтов и мелодистов, как он, очень мало. Сходу могу назвать разве что имя Юрия Визбора, с которым они в давние 1980-е годы дружили. Солидная разница в возрасте им не мешала. У Визбора есть песня на музыку своего младшего товарища, а у того — очень тёплое посвящение старшему другу. Кстати, Панюшкин был прекрасным исполнителем и аранжировщиком визборовских песен. В творчестве их сближало бережное, вычисляемое почти математически точно, отношение к слову. Впрочем (хоть я и имею тоже какое-то отношение к поэзии), ни давать оценок, ни делать анализ творчества этих двух великих авторов не собираюсь, так как считаю, что не имею на это никакого права. И неважно при этом, что какие-то темы и рифмы были мной и тому, и другому когда-то подсказаны.

Вместо этого мы будем, не очень долго, говорить о Юре Панюшкине (так как это его книга) как о человеке. В середине 70-х годов Господь сблизил нас и наши семьи. Не буду вдаваться и в подробности о том, «какой глубокой и бескорыстной» была наша дружба и сколько взаимного добра она каждому из нас принесла. Постараюсь просто рассказать о Юре — о таком, каким его мало кто видел.

Люди, не знавшие или знавшие его поверхностно, путая автора с лирическим героем, обычно считали Юру, как говорил Визбор, «стальным гигантом» — каковым, в действительности, тот никогда не был. Вся необычность и сложность этого выдающегося барда заключалась в его душе и таланте, к внешним проявлениям которого он относился строго и бережно.

Не секрет, что авторская песня со времён её основоположников, небольшое количество которых (Александр Городницкий, Валентин Вихорев, Борис Полоскин, Александр Тимофеев, Валерий Боков, Сергей Никитин), к нашему счастью, продолжает творить и сегодня, сильно изменилась. Все её основоположники имели профессии и работу, ни для кого из них песня не была основным источником средств к существованию; то есть, проще говоря, они жили не «на это», и песни писались ими не на продажу. Большинство же нынешних бардов живёт по-другому, не считая для себя зазорным брать в разработку «правильные» жареные темы и спекулируя на текущей политике. Почти все они ревностно относятся к организации гастролей и выбиванию гонораров.

Всё это абсолютно не было свойственно Юре. У него не было менеджера по продажам песен и концертов. Переговорами об этом занимался кто угодно, но только не он. Этим активно пользовались, зная, что Панюшкин торговаться никогда и ни с кем не будет. Меня поражало, как этот хронический бессребреник, получив небольшой гонорар, тут же, стараясь всех опередить, начинал угощать хозяев. Так много раз бывало на фестивалях в Челябинске и Норильске. Бороться с этим у меня не получалось.

Юру знал весь город, и все власть предержащие любили посидеть с ним и послушать в узком кругу новые песни и стихи. Казалось бы, этим можно было широко пользоваться. Он не пользовался: ни у кого ничего не просил и так и прожил всю жизнь в маленькой двухкомнатной квартире не в самом престижном районе. А деньги на издание книг, магнитофонных кассет, а позже дисков давались ему не высокопоставленными начальниками и учреждениями культуры, а друзьями.

Кроме песен, главным увлечением Юры по жизни был водный туризм. Четыре больших месячных похода на плотах он прошёл в моей группе. Два из них посвящались памяти Валерия Грушина и проходили по последней его реке — Уде. В обоих этих походах участвовали Анатолий Головин из трио «Поющие бобры» (организованного в своё время Валерием) и Евгений Недосеков, бывший комиссаром трагически закончившегося в 1967 году похода Грушина. Надо ли говорить, что значили для Юры общение и дружба с этими людьми...

Второй из походов по Уде, в августе 1988 года, стал рекордным для нас по сложности. Это был маршрут самой высокой из существующих категории сложности — шестой, начинавшийся с высочайшей точки Восточного Саяна пика Поднебесный. В этом суперсложном походе мы преодолели несколько порогов, запрещённых для прохождения обычным группам, которые и в нём положено было обносить по берегу. И Юра видел всё это и во всём участвовал. Понимая, что все остальные участники группы опытней его, он делал всё, чтобы не быть обузой группе, ни минуты не сидел без дела, добровольно брался за любую работу, не спорил, когда вместо интересного порога ему приходилось идти на страховку или фотосъёмку, и каждый вечер в тайге своими песнями превращал в праздник для нас.

Человек мирный и доброжелательный, Панюшкин в 1990-е годы не расставался с газовым пистолетом «Макаров». Не знаю, доводилось ли ему применять оружие по прямому назначению, но несколько раз видел фонари у него под глазами. Истории их появления всегда были одинаковыми.

— Подрался на автобусной остановке (или в автобусе)! — объяснял он.

Дело в том, что Юра не терпел хамского отношения к женщинам, вступался за них, время от времени попадая за свои благородные порывы в милицию, где его обычно узнавали стражи порядка и отпускали. В таких переделках наш поэт мог вступиться и за молодую, и за пожилую, и за красивую и не очень женщину. Выходя из общественного транспорта, он всегда подавал женщине, даже не самого презентабельного вида, руку.

К счастью, ездил в общественном транспорте Юра не очень часто. Между районами города он предпочитал передвигаться пешком: из Комсомольского района в Центральный — через лес, где у него существовали любые маршруты, а в Автозаводский — тоже по лесу, вдоль шоссе, параллельно волжскому берегу. Итогами этих марш-бросков очень часто становились новые песни.

Одним из его любимых занятий на досуге был просмотр по телевидению старых художественных фильмов. Он мог смотреть их по многу раз и знал всех артистов советского кино. Двигал им, я думаю, профессиональный интерес артиста. Не чурался Панюшкин и просмотра футбольных и хоккейных матчей, особенно если

играли сборные страны. В таких случаях он очень часто звонил мне по телефону во время игры или после, чтобы выразить свои восторги или возмущение. Спорт он любил и разбирался в нём, да и сам неплохо играл в футбол: несколько раз на Грушинских фестивалях участвовал в знаменитых матчах «сборная СССР — сборная САМАРЫ», выступая то за одну, то за другую команду. Жаль, что с годами это стало случаться всё реже.

В отношениях с друзьями он был безотказен. Любой мог попросить его о чём угодно — от выступления за «спасибо» на каком-нибудь мероприятии, до написания поздравления в стихах или помощи по хозяйству. У меня на даче он однажды вилами очень быстро перебросал через деревянный забор высотой в человеческий рост целый КамАЗ конского навоза, внеся и в этот процесс поэтическую струю. По его версии, через забор он переместил «Монблан дерьма».

Внешне Юра был человеком лёгким и весёлым, самым неприятным для него было — разочаровать в чём-нибудь друзей, которых у него было великое множество. Со всеми он умел находить общий язык, всем умел поднять настроение, для всех находил понятные им шутки и, подозреваю, перед всеми разыгрывал шуточные мини-спектакли, которые придумывал, ставил и играл моментально. Вот сценарий одного из них.

Мы отдыхаем на природе. Рядом с нами о чём-то ссорится и громко орёт стая ворон. Юра хватает большую еловую шишку и запускает её в стаю, вороны с гвалтом улетают. Юра поднимает мечтательный взгляд в небо, потирает руки и поёт:

— Посмотри, как апрель распогодил распустившую крылья весну!..

Способен он был и на поступки неожиданные и рискованные. Об одном из них мне рассказали сразу несколько человек, а потом и он сам. Дело было на Северном морском пути, когда целая группа куйбышевских туристов участвовала в проводке судов из Архангельска на сибирские реки. Ребят распределили по одному-два человека на разные суда каравана. Попасть с судна на судно во время движения можно было только на катере. Ребята этим пользовались, наведываясь друг к другу в гости. Как-то такое рандеву совершил и Юра с товарищем. Посидели, пообщались, Юре пора было на вахту. Но время шло, а катера, чтобы вернуться на свой борт, не было. Борт был рядом, всего в паре десятков метров, и Юра пошёл на авантюру: он решил просто переплыть на свой корабль. Одежду оставил другу, снял кеды и попробовал их перебросить на свою палубу. Один «кед» завершил воздушное путешествие благополучно, второй же поглотили воды Баренцева моря. Настало время совершать «подвиг» вахтенному матросу Панюшкину, и он прыгнул в ледяную воду. Если кто-то ещё не понял, то поясню, что оба корабля были на ходу, направление течения нашему герою было неизвестно, и его запросто могло пронести мимо судна в открытый океан, найти в котором одинокого человека было бы невозможно.

Осталось загадкой, как Юре удалось зацепиться за якорную цепь своего судна и выбраться на палубу. За этот «беспримерный подвиг» по морским законам победителя стихии положено было списать на берег. Ребята еле уговорили капитана этого не делать.

Не буду ничего говорить о Юриной семье и взаимоотношениях внутри неё. Не буду не потому, что не знаю этого, а потому, что касается это только самой семьи. И ещё скажу, что это была настоящая семья. С людьми сложными и творческими, с людьми талантливыми жить непросто. И это надо понимать, и с этим надо мириться. Скажу только, что с семьёй Юрию Михайловичу, на мой взгляд, очень повезло. Если бы не жена Татьяна и дочь Саша, был бы Юра совсем другим человеком, для всех, кто его любил, менее интересным.

Бывало, казалось, что Юра исписался. Я полагал, что в наше быстро меняющееся и летящее вперёд время ему нужно больше писать песен социальных, выражать свое отношение к событиям в стране, а он всё об осени да об осени… Когда же готовил эту книгу к печати, вдруг обнаружил, что свою гражданскую позицию — в песнях и стихах — он всё же выражает, и выражает, хоть и неброско, но очень чётко и однозначно. И что тема эта в его творчестве занимает далеко не последнее место. Просто ему претят плакатность и горлопанство.

И ещё. Он написал огромное количество лирических песен. Здесь и любовь, и романтика, и история. Всё это о вечном и всё сделано так добротно, что не устареет никогда. Это нетрудно доказать: возьмите его ранние и поздние песни. Если под ними не стоят годы написания (а я сознательно этого старался не делать), выяснится, что все песни современны, и что определить, когда какая написана, практически невозможно. Более того, при каждом новом прочтении и прослушивании в них находится что-то новое, ранее не замеченные смысл и глубина. И это наводит на очень интересные выводы. Получается, что мы, прожив рядом с Юрием Панюшкиным долгие годы, зная его как облупленного, восхищаясь им и осуждая его, так и не разобрались до сих пор, кто он и что у него было внутри, что побуждало его к творчеству. Значит, это понимание ещё должно к нам прийти. Значит, мы ещё не простились с ним, значит — он ещё многого не объяснил нам, хоть и очень старался сделать это. Вот и делай после этого вывод о том, что не был он стальным гигантом… А, может, был? Может, не надо гордиться тем, что в бытовом отношении многие из нас были удачливее, чем он? Может, гордиться надо тем, что какой-то период своей жизни находились рядом с ним — и он позволял нам быть с ним на равных?

Виталий ШАБАНОВ,
президент фонда имени Валерия Грушина (Тольятти),
заслуженный путешественник России

Я НЕ БЫЛ НИГДЕ, КРОМЕ ПЕСЕН

1997. Олег Митяев
и Юрий Панюшкин

1998. Норильск.

1989. Грушинский.
Сборная СССР перед матчем

ЮРКА, ЮРКА...

Юрка, Юрка... Всё только начиналось... Запахло перестройкой. Для авторской песни открылось какое-то пространство. Появились молодые авторы, которые писали и писали: «Чёрная смородина, где сажали красную», «С нами ничего не случится», «Вишневое варенье», «Хочется жить и любить всех подряд»...

Все ждали новых песен. И песни появлялись: под внимательным прищуром Окуджавы, прямым образованным взглядом Городницкого, сопровождаемые едкими «вахнючками» Бориса Вахнюка. Фестивали заполыхали по всей стране, возродился из кустов знаменитый «Грушинский». Всё было объято свободой и предвкушением чего-то нового, разумного и доброго.

Заговорили про какого-то парня из Куйбышева, которого запела вся страна.

Конечно, хотелось с ним познакомиться — и встреча состоялась на каком-то фестивале. Было такое ощущение, что мы никогда и не расставались. Братское сердце!

Потом пошли у каждого свои семейные истории, которые тоже наполняли наши песни. Походы, переезды, встречи, фестивали. Так и катилась у каждого своя жизнь. Но в мыслях и письмах мы всегда были вместе.

Как-то я написал песню про город Тольятти, где жил Юрка. Песня была заказная, но ведь от этого не зависит её судьба? Я её посвятил Панюшкину. Но почему-то до сих пор неудобно. Эту песню должен был сделать он.*

Чего никогда было не отнять у этого человека, так это мощной мужской харизмы и надежности, на которую, конечно же, откликались женщины и за которую ценили его друзья. В общем, я счастлив, что в моей жизни был и есть и всегда будет Юра Панюшкин.

Светлая ему память!!!

Олег МИТЯЕВ,
Народный артист России

** В 1983–84 годах Юрием Панюшкиным был написан «Городской вальс», звучавший на многих городских мероприятиях как своеобразный гимн городу Тольятти.*
Опубликован в городской газете в 1996 году.

Не подражайте – да неподражаемы будете...*

** Здесь и далее – афоризмы Ю. Панюшкина*

Я НЕ БЫЛ НИГДЕ, КРОМЕ ПЕСЕН

Я не был нигде, кроме песен,
Что сам сочинял.
Но по утру лодка без вёсел
Качала меня.

Я не был нигде, кроме воли
Любить не за страх.
Я не был нигде, кроме боли
В любимых глазах.

Я не был нигде, кроме мая
С весною в душе.
Я не был нигде, кроме рая
В чужом шалаше.

Я не был нигде, кроме мыслей
О наших долгах,
Где падают мёртвые листья
На мокрый рукав.

Закат притворится рассветом,
А птицей – змея.
И кто-то уверует в это,
Но только не я.

И дважды Христос не воскресе –
Поймите меня!

Я не был нигде, кроме песен,
Что сам сочинял.

ДРУЗЬЯМ

Престол богат и власть огромна.
Но рвётся золотая нить,
И стул, что называют троном,
Спешит хозяина сменить.

Короны царствующих бестий
Спешат, готовые упасть.
На свете лишь Любовь и Песня
Имеют истинную власть.

Нам никуда от них не деться,
Не скрыться ни в какой дали:
От песен, что запали в сердце,
От непридуманной любви.

ПОСВЯЩЕНИЕ ГОРОДУ КУЙБЫШЕВУ

Стоит на пригорке мужик, (*)
Поднявши на крепких руках
Два очень блестящих крыла,
Парящих почти в облаках.

Он хочет за ними вдогон,
Его не пускают туда,
Поскольку является он
Олицетвореньем труда!

Он смотрит в простор голубой –
На Волгу, леса и цветы,
Олицетворяя собой
Высокие наши мечты.

Я что-то в своем далеке
Пытался олицетворять.
И в память о том мужике
Крыло над башкою поднять.

Но, стоя пред этой горой,
Я искренне вам говорю:
Без вас ничего я собой
Ни в жизнь не олицетворю...

(*) Монумент «Слава Труду!» в Самаре

НЕТ, НЕ СЛУЧАЙНО И НЕ ВДРУГ

Нет, не случайно и не вдруг
Приходишь к этому ответу:
Что спички гаснут на ветру,
Костры – еще сильней от ветра.

Сердца, ну чем вы не костры!
И дан приказ расправить крылья –
Да, перед нами мир открыт,
Да, перед нами мир открыт,
Мы сами для себя его открыли.
Да, перед нами мир открыт...

Его мы видели в окно,
Встречали каждый день у школы,
Когда гурьбою шли в кино
И грели руки волейболом.

Но все, что было, все – вчера,
Сегодня время бьет тревогу:
Ну что же, мальчики, пора!
Ну что же, мальчики, пора!
Ну что же, девочки, в дорогу!
Ну что же, мальчики, пора!

И СНОВА – МИЛУЙ И КАЗНИ

И снова – милуй и казни...
Еще в пути плохие вести.
Какая правда нас рознит,
Какая ложь нас сводит вместе!

Какие нежные слова,
И вдохновенья одночасье,
И близкой ночи синева...
И снова ложь – в обмен на счастье.

РАССКАЖИ МНЕ, ВЕТЕР

Расскажи мне, ветер, почему так много
Под ногами листьев, сорванных тобой,
И куда уводит млечная дорога,
И зачем кому-то думать головой?..

Расскажи, охотник, но не лги при этом:
От кого зайчишка прячется в кустах;
Объясните, листья, сорванные ветром,
Что ж вам не живётся на своих местах?

Расскажи мне, вечер, кто спешит за нами,
Чтобы ненароком что-то совершить,
Объясни мне, книга, умными словами,
Как прожить неделю и не согрешить?

Расскажи мне, лодка, что такое море
И зачем погоды ждать на берегу,
Объясни мне, радость, что такое горе –
Лучше покороче, но не на бегу.

Расскажи мне, клоун, кто над кем смеётся
И какого цвета добрая молва,
Объясни мне, сердце, что неровно бьётся, –
Есть ли в этой песне нужные слова?

Расскажи мне, ветер...
Объясните, листья...
Расскажи мне, море...
Объясни мне, сердце...

1978. С Александром Красноперским

К СПЕКТАКЛЮ ПО ПЬЕСЕ А. АРБУЗОВА «ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ»

Сумерки дверь открывают бесшумно,
В комнату входит чье-то дыханье,
И воскресает свеча, и безумно,
Как по привычке, тянется к тайне.

Припев: А тайны вовсе нет –
Есть лишь картина на стене,
Где мяч двухцветный
В поле средь ромашек,
Да чей-то детский силуэт
Рукой кому-то машет...

Кончилась пляска свечи с темнотою,
В комнате тихо, за окнами пусто.
Жутко молчанью вдвоем с немотою,
След от ладони на зеркале тусклом.

Припев.

Бьются в часах мгновения,
Гулкие, как пророчества, –
День своего рождения
Празднует одиночество...

Припев.

ЧЕЛОВЕК УХОДИЛ

Человек говорил: здесь меня ничего не держало.
Человек уходил от вчерашних бессонниц и снов.
Он себе доверял, и вчерашнее солнце дрожало
На багровых перилах сегодня сожженных мостов.

Он себя проверял – на судьбу обижаться не вправе.
Он друзей выбирал, забывая вчерашних, когда
Словно на смех, судьба подвела его к той переправе,
От которой однажды он, казалось, ушел навсегда.

Вроде не был неправ, так откуда ж оно – это «вроде»?
И листвою молчал за бесценок распроданный сад,
Где, сжигая мосты, человек не подумал о броде
И о том, что ему возвращаться придется назад.

ПЕСНЯ О ПЕСНЕ

В привычной дороге на жизненном круге
Ты вдруг замечаешь, весьма не пространно,
Что песня имеет оттенки и звуки,
И сердце имеет, как это ни странно.

Вот море – как песня, вот песня – как горы,
И вот уж она – словно птица в полёте.
Есть песня на счастье и песня на споры,
Лишь нету о том, что уже не поймёте...

И если кому-то в достаточной мере
Покажется, будто он с песней в разладе,
Я в шутку такую, возможно, поверю.
Хотя, если честно – чего это ради.

Далёкая, близкая, добрая, злая –
С ней что-то получится, что-то случится,
Но, право своё за собой оставляя,
Тебя догонять никогда не помчится.

Кому-то для битвы, кому-то для лести,
Того веселит, а тому докучает.
Молчание – тоже по-своему песня,
Где кто-то живёт и совсем не скучает...

Лишь только б в дороге на жизненном круге
Успеть нам заметить, весьма не пространно,
Что песня имеет оттенки и звуки,
И сердце имеет – как это ни странно.

Вот море – как песня, вот песня – как горы,
И вот уж она – словно птица в полёте.
Есть песня на счастье и песня на споры,
И та – что не спели, и та – что споёте.

КОГДА ПОСЛЕДНИЙ БОГ...

Когда последний бог, устав от доброты,
Которой никому не надо и задаром,
Посмотрит сверху вниз – и с этой высоты
Негромко скажет «нет»... и молодым, и старым.

И жизни мутная река мутнее станет во сто крат
И, размывая берега, рассвет смешает и закат.
И, не дождавшися зари, съедят друг друга пескари,
А вместо песен у Реки – лишь только зубы да клыки!

Когда последний бог, устав от доброты,
Которой никому не надо и задаром...
Когда последний бог, когда последний бог,
Когда...

ОБ ЭТОМ МУЗЫКУ СПРОСИ

И снова ноты не молчат,
Рождая музыку на свет.
А в ней по-своему звучат
И барабаны, и кларнет.

Чудесный миг, волшебный звук –
Судьбы незримый поворот.
Как жаль, что мы порой, мой друг,
Не понимаем этих нот.

Но почему, когда грустим
И если веселы когда,
Нас непременно навестит
Знакомых песен череда.

Об этом музыку спроси,
Она расскажет от и до
Про «до, ля, ми, фа, соль, ля, си»,
Про «си, ля, соль, фа, ми, ре, до».

Я, ВИДНО, ГДЕ-ТО ШИБКО СОГРЕШИЛ

Я, видно, где-то шибко согрешил,
Но все молчат, никто не скажет: нет.
И как бы я сегодня ни спешил –
Опять передо мною красный свет.
И все молчат, никто не скажет: нет!
А друг мой разогнался под запрет –
С татуировкой ангела на лбу –
И пересек, не глядя, красный свет,
И переехал встречную судьбу,
С татуировкой ангела на лбу.

Вчера скромнее не было его,
А вот теперь попробуй разберись:
И друга нет, и след простыл его,
Лишь эхо донеслось – поберегись!
И вот теперь попробуй разберись...

А может, мне, как другу, с этих пор –
Поскольку, мол, на всех не угодишь –
Не стоит уповать на светофор,
Тем более, когда ты так спешишь?!
Поскольку, мол, на всех не угодишь.
Но, может быть, мой грех, моя беда –
Что для себя в других ищу ответ?
И если мне порой не светит «да» –
Я выбираю лучшее из «нет».
И для себя в других ищу ответ.

А может – это блажь и ерунда...
Быть может, это блажь и ерунда.
Но если это – блажь и ерунда,
То пусть вернется друг и скажет – да!

МЕЧТАТЕЛЬНОЕ

В кучевых облаках
Тополиного пуха
Мне б лежать беззаботно,
Как дохлая муха.

Конопатое солнышко –
Горсткой пшена.

Никого,
Ни души,
Ни хрена,
Тишина-а-а...

ФЕСТИВАЛЮ ТРИНАДЦАТОМУ ГРУШИНСКОМУ

Такая ночь – она как самый крепкий чай,
И не уснуть, и сердце бешено стучит.
Сегодня песнями на песню отвечай –
И даже тот поёт, кто вроде бы молчит...
И к нам торопится удача по земле,
И рядом все, кто был и есть, и нет тоски.
А память давняя синиц и журавлей
Из темноты крылом касается щеки.

Мой друг, всё реже наши встречи невзначай.
И потому, пока гитара под рукой,
Пусть будет эта ночь, как самый крепкий чай,
Чтоб не уснуть душе до следующей такой.

Да будет эта ночь, как самый крепкий чай,
Да не уснёт душа до следующей такой!

ТАЙМЫРСКОМУ ФЕСТИВАЛЮ

Тундра моей лыжнёю зимнюю книгу пишет,
Лыжи бегут по строчкам зимних её страниц,
А в переплёте неба северный ветер дышит,
Чтоб, перепутав строчки, вьюгой сорваться вниз.

Здравствуй, в снегах по пояс, ночь за Полярным кругом!
Не от лихой напасти мы забрались сюда.
Только послушать песни, только понять друг друга,
В этом коротком счастье – наша почти судьба.

Снова в избе от печки будет тепло струиться,
Снова поленья эти так и не догорят.
Утро неумолимо перевернёт страницу
Там, где слова «до встречи» в первой строке стоят.

С кем ты сегодня, тундра? Как там твои метели?
Знаешь, а ты мне снилась. Видно, забыть не смог,
Как через ветки ёлок звёзды на нас глядели
И отвечал пахучий добрым теплом дымок.

О ЗАТЕЯХ И ГРЕХАХ

Грехи замаливать – да полноте!
Нас не избавить от затей.
Всё потому, что в тихом омуте
Русалок больше, чем чертей.

1997...

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ

Блестит дождиночка-слеза,
А на меня твои глаза
Глядят оптимистически.
Кто полысел, кто стал седым,
Лишь ты остался молодым –
Родной Политехнический.

И нам с тобою, дорогой,
Тот самый корпус над рекой
Забыть нельзя практически.
А коль порой, сменив маршрут,
Не появлялись долго тут –
Прости, Политехнический.

Распределенье не страшит,
Пусть на меня в упор глядит
Большой медведь арктический.
Мы побеседуем «за жизнь»,
И он из Арктики сбежит
К тебе – Политехнический!

У нас всё наше не отнять,
Нам память, чтобы вспоминать
Тебя систематически.
И, словно птицы по весне,
Мы будем прилетать к тебе –
Родной Политехнический!

КСТАТИ, О СОМНЕНИЯХ

Как кошка для мышки страшнее всего,
Так для человека сомненья его.
Сомненья хоть, в общем, не гланды и грипп,
Но действуют очень – на облик и вид.

Ты стал сомневаться, что брат твой хорош –
Теперь ты у братца трояк не займёшь...
Был с дамой в сомненье вчера тет-а-тет,
Сегодня есть мненье, что ты – импотент.
И нет от сомненья
Удовлетворенья.

Мужчину сомненья – собаки в тиши –
Глодали, пока он жену не пришил.
Потом на коленках прощально поржал,
Поплакал маленько – и лёг на кинжал.

Жена же могла ему прямо сказать:
Прочь руки с горла, эфиоп, твою мать!
Но дама кивала: мол, муж – гегемон…
Но это ли право – душить Дездемон?!
Давно уже бродит
Сомненье в народе.

Мы недругов наших друзьями подчас
Зовём, потому что сомненья у нас:
Не все же плохие – была, не была! –
Попробуем миром уладить дела.

Не ищем мы драки, к тому же – усвой:
За нас не поляки, так чехи горой.
Боюсь только, недруги нас не поймут
И нашим сомнениям так п… …т!!!
Что сразу рассеют
Все эти сомненья...

И лет через сто усомнится пострел:
А был ли тот дядька, что песенку пел,
О том, что, ребята, покуда живём,
Стоим под сомнением – как под ружьём.
Пока нас не сменят
Другие сомненья…

2012. С Сергеем Анциновым

ПРОЩАНИЕ

Кто нас понимает, когда мы в печали
Считаем дни.
Кто нас обнимает, когда мы бываем
Совсем одни.
Опять не про то я, но был же готовым
На всё ответ.
Но кончилось лето, и повода нету
Сдавать билет.

И дальний край – не ближний свет,
Простите мне, друзья,
Что грустною стала весёлая самая
Песня моя.

Хочу быть уверен, что, выйдя за двери
В урочный час,
Пусть очень устану, но хуже не стану
Для вас, для вас.
Не всё, что бывало, пургой заметало –
Куда ж от бед.
И, как не старался, да вот попадался
В силки побед.

Но дальний край – не ближний свет,
Простите мне, друзья,
Что грустною стала весёлая самая
Песня моя.

Тому, кто придумал, что шарик наш круглый, –
Поклон земной.
Где б нас ни качало, но ваши причалы –
В душе со мной.
Пусть лайнер крылато несётся куда-то
В такую грусть!
Поверьте, ребята, что к вам я когда-то
Вернусь, вернусь.

Пусть дальний край – не ближний свет,
Мы встретимся, друзья.
И станет весёлою грустная самая
Песня моя.

Тольятти – Магадан. 1984

ДУШЕНЬКА

Зачем тебе, душенька, запахи лета
Да голос реки?
Зачем так спешат на огонь, будто к свету,
Твои мотыльки?

Зачем тебе, душенька, это?

Зачем тебе счастье, которое зыбко
И кратко, как миг?
И только качается звёздная зыбка
В ладонях твоих.

Зачем тебе, душенька, это?

Зачем тебе, душенька, свет из окошка,
Погасший давно?
Зачем тебе горе, хотя бы немножко, –
Лишь было б оно?

Зачем тебе, душенька, это?

Не всё ли равно, коли знаем заране,
Что будет без нас.
Зачем тебе истина вечных скитаний –
Ответь мне сейчас.

Зачем тебе, душенька, это?

И слышу я голос над спящей долиной,
Где звёзды и снег:
«На то я душа, понимаешь, мой милый?
А ты – человек...»

КАТЕНЬКА

Моей бабушке посвящается

Зачем ты, детка, да и в сёстры милосердия.
Курсистка Катенька теперь на небесах.
Там с нею все её пятёрки за усердие,
Похвальный лист её и русая коса.
Но был тот дивный вальс,
Была в руке рука,
Кружили голову её духи.
На выпускном балу
Сверкала музыка
И гимназист читал свои стихи...
Склевала ноты скрипок осень злыми птицами.
Прощальный марш у гимназистов во дворе.
А у тебя: с крестом косынка над ресницами
И санитарная сумчонка на бедре.
И снова дивный вальс,
Когда в руке рука,
Где кружат голову её духи.
На выпускном балу
Смеётся музыка.
И гимназист поёт свои стихи.
В полубреду, накинув шаль на плечи узкие,
Не попадёшь ты, детка, Золушкой на бал.
Лишь будут сажею дышать на косу русую
Дымы тифозные да фельдшер-коновал.
И глушат, глушат вальс
Колёса – молоты.
Над Петро-городом старуший вскрик.
И гимназист – пацан
Лежит заколотый.
В груди путиловский холодный штык.

…Но был тот дивный вальс,
Была в руке рука,
Кружили голову её духи.
Там даже, кажется,
Звучала музыка.
Да вот не помню, кто читал стихи…

МОИ ДРУЗЬЯ ОСТАНУТСЯ ДРУЗЬЯМИ

Забвенья дух исходит от навета,
И времени нещадная рука
Стирает надпись под Парижем где-то:
«Поручик Лейб-гвардейского полка...»

Мои друзья останутся друзьями,
Мои долги к другим не отойдут,
Лишь ветер над забытыми крестами,
Да камень на последний наш приют.

Не просим мы прощенья у России –
Она грешна, что с нами и что без,
Но никого еще не воскресили
Чужие голоса с чужих небес.

Мы с ней уходим разными краями,
Но, слава Богу, что – хотя бы тут –
Друзья уже не станут мне врагами
И к ним мои долги не отойдут.

ЧЕТЫРЕ ПО ПЯТЬСОТ

Ах, как уверенно красив
Мой труженик высот!
В трусы зашит аккредитив –
Четыре по пятьсот...

Сейчас, горючки прихватив,
Меня он понесет.
В трусы зашит аккредитив –
Четыре по пятьсот...

Небес заоблачных залив
Отважного зовет.
В трусы зашит аккредитив –
Четыре по пятьсот...

Проходит время на часах –
Встречай меня, родня!
Вот только я не в тех трусах –
Четыре по пятьсот!

ПАЛАТА НОМЕР ШЕСТЬ

В тихой палате под номером восемь
Кто-то упорно под жулика «косит»,
Тырит из тумбочек все, что приносят
В эту палату под номером восемь.

Обидно за родную больницу...

Вот и в палате под номером двадцать
Я вообще не могу разобраться –
Что вы там пьете, что курите, братцы,
В вашей палате под номером двадцать?

Обидно за родную больницу...

В шумной палате под номером сорок
Утром и ночью врубают «Семь сорок».
Мне этот гимн исключительно дорог,
Как и палата под номером сорок.

Обидно за родную больницу...

Только не надо вам думать, ребята,
Будто у нас нет нормальной палаты –
Там, где ни крика, ни шума, ни гама,
Где санитары, как родная мама.

К счастью, такая, конечно же, есть:
Это – палата под номером шесть.

Гордится ею наша больница!

МОИ КОРАБЛИ

Я не заметил, когда
Вдруг корабли повернули.
Вроде бы не было бури
И не стреляли в борта.

И, не доплыв до земли,
Той, что слилась с горизонтом,
Плавно, но так расторопно
Вдруг повернули они…

Ночью ли, днём, впопыхах,
В кровь раздирая ладони, –
Будто от чёрной погони
Прятались на островах.

Всяк торопился на свой.
Мачты трещали, как сучья,
Но абордажные крючья
Каждый держал за спиной.

…Вроде бы не было бури
И не стреляли в борта,
Но корабли повернули –
Я не заметил, когда.

1983. Нижнеудинск

РАНЕНОЙ ВОЛЧИЦЕЮ…

Раненой волчицею ночь скулит за пологом –
Кабы знать до полудня, где заночевать…
На чужом ли празднике – там, где плач за хохотом –
Лечь с чужою радостью да поутру не встать?

Я не сяду на коня –
Ни спереди, ни сзади.
Похмеляйтесь без меня
Вы завтра, бога ради!

Подскулил бы я тебе, серая, да толку-то?!
Нынче мы глаза в глаза – на кого кивать?
Слава богу, не пропить всё, что раньше пропито,
Не пропеть, не пролюбить, не процеловать.

Будто мимо пронеслась
Конница под знамя –
Так, что свечка затряслась,
Да не задуло пламя.

Звёзды жёлтые клыки спрятали к заутрене,
Да и колокол в башке отзвонил своё.
На чужом ли празднике – чем трезвей, тем муторней,
Но и лучше, чем просить на похмелиё.

Ночи не было, как нет,
Что же я боюсь?
Да бегу на ближний свет,
А дальнему молюся.

ПОЛУСТАНОК

Вот на этом полустанке
Остановка три минуты.
Это что за полустанок,
Как название его?
Здесь, наверное, весною
Хорошо сидеть под вишней
С той вон девушкой в косынке,
Что, наверно, тут живёт.

Здравствуй, девушка в косынке!
Нам осталось полминуты –
И уйдёт зелёный поезд,
И уеду вместе с ним.
Хочешь – я с тобой останусь?
Что ответишь мне на это?
– Я отвечу вам на это:
Вас жена зовёт в купе.

До свиданья, остановка
С позабывшимся названьем,
Где весною сад вишнёвый
Зашумит не для меня.
Но уже за поворотом –
Вроде новый полустанок,
Где под яблонькой, наверно,
Хорошо сидеть вдвоём…

1987. В Фестивальной кругосветке. В. и О. Боковы

УЕЗЖАЯ – УЕЗЖАЙ!

То ли Господом наказан,
То ли дьяволом клеймён, –
Я распух, как стол заказов,
От фамилий и имён.
В этот раз – прощай, родная,
Друг единственный, прощай.
Но сказал себе с утра я:
Уезжая – уезжай!
Не серчайте, дорогие,
Притомился ангел мой
Заливать грехи чужие
Газированной водой.
Похмелять с утра утробу,
Проклиная длинный век.
Я ж не золото на пробу,
Я на пробу – человек.
Память-пыль сотрите с полок,
Если вам не всё равно.
Путь хорош, пока недолог,
Свет хорош – пока темно.
Вот и всё – прощай, родная,
Друг единственный, прощай.
Ну, а вместо пожеланья:
Уезжая – уезжай!

ПЛАНЕТА ТАО (*)

Что человеку белый свет,
Когда бы не летал он?
В созвездье северных планет
Живёт планета ТАО.

Хоть до неё недалеко –
По нынешним понятьям,
Бывает очень нелегко
Добраться к ТАО-братьям.

Там холода, там соловью
На веточке не виснуть.
Для них чирикнуть воробью,
Как где-то раку свистнуть.

Но ТАО-планетяне там
В большом уме и силе:
Ну, где б ещё, подумай сам,
Овцу с быком скрестили?!

Там ночью на небо глядят,
Глядят и не дождутся,
Когда же снова прилетят
Летающие блюдца.

Чего они их стерегут –
Ответ элементарный:
Ребята родственников ждут
Со звёздочки Полярной!

Всё это, видно, неспроста,
Коль песня завязалась.
Я видел лучшие места –
Добрей не попадалось.

И пусть, пока я буду жив –
По звёздам ли, по травам, –
За мною шепоток бежит:
«А он летал на ТАО!»

Норильск, 1986

(*) ТАО – Таймырский автономный округ

С КАКОЮ РАДОСТЬЮ НА ЛИЦАХ

С какою радостью на лицах –
Свидетель небо и земля! –
Поймать торопимся синицу,
Закрыв глаза на журавля.

Как непохожи эти птицы,
Когда сойдёт победный хмель:
В руке зажатая синица –
Летящий в небе журавель…

ДРУГУ

Ну, вот и опять не хватило минуты,
И впору солгать: всё нормально, как будто.
Смешной каруселью снежинки кружатся,
А мы не умеем с тобой притворяться.

А мы не умеем, и поздно учиться:
Чего не успели, уже не случится.
Пора нам с тобой по домам и работам,
Тебе электричкой, а мне – самолётом.

Смотрю за снега, постигая пространство,
Нехитрые песни нехитрого братства.
И вижу опять, как склоняется где-то
Сегодняшний день над вчерашней газетой.

Прости, что опять не хватило минуты,
За то, что давно догадаться мне надо б;
К вам почта летит с опозданьем на сутки,
А письма мои с опозданием на год.

Норильск. 1980

1979. Открытие Грушинского фестиваля

ЗЕРКАЛА

Будь благодарен зеркалам –
За необдуманную лживость
И за дарованную милость
Быть здесь – и сразу где-то там…

В лучах последнего огня
Дано увидеть на мгновенье,
Куда уходит отраженье
Тобою прожитого дня.

Там, за мерцающим стеклом –
Другая жизнь и звук приглушен,
И двойники, как наши души,
Нас смотрят под своим углом.

ЧТОБЫ БЫТЬ БОЛЬШИНСТВУ ПОНЯТНЫМ…

Не щади ты меня, молва.
В этом мире, таком занятном,
Я устал подбирать слова,
Чтобы быть большинству понятным.

Снова нянчу свои грехи,
Подрастают они, и вот уж
Переделанные стихи
Бьют во сне по щекам наотмашь.

Но в порыве полночных тем
Понимаю с глаголом внятным,
Что, наверно, живу затем,
Чтобы быть большинству понятным.

СЕЗОН ПОСЛЕДНЕГО ДОЖДЯ

Сезон последнего дождя,
Начало бархатных снежинок,
Два слова – «можно» и «нельзя»
В забавной книжке без картинок.

В ней то намёки в унисон,
То мудрецы мы и невежды,
И полуявь, и полусон,
И наши взрослые одежды.

Там нашим рекам, как ни жаль,
Не впасть в одно и то же море,
А нерожденная печаль –
Всего лишь тень на тёмной шторе.

Дано понять тебе и мне,
Что заврачует время души:
Холодным солнцем по волне,
Шагами детскими по суше.

Последний замок на песке –
Спешит в тепло дитя природы.
И как бы сами по себе
В затон уходят пароходы.

УЛЫБАЛАСЬ УЛЫБКОЙ ВЕСЕННЕЙ

Улыбалась улыбкой весенней,
Говорила, смеясь: «Не горюй!» –
Уходящему в сумрак вечерний,
В летний полдень, и в ночь, и в зарю.

Сколько вёрст от родной до любимой
Уготовит судьба на краю –
Уходящему в сумрак ленивый,
В летний полдень, и в ночь, и в зарю.

Дай нам, Боже, понять изначально
Рук прощальных печальный сонет,
Уходя с неуклюжим молчаньем
В ясный полдень, и в ночь, и в рассвет.

БЕЛЫЕ СНЕГА

Вот и ладно, и никто никому не должен,
Не ищи меня в себе, а во мне врага.
Ах, как раньше был мой долг на любовь помножен! –
Но сошли, растаяли белые снега.

Полиняли, милые, медленно, уверенно, –
Лишь волной ударило в наши берега.
Больше нечего делить – всё давно поделено,
Не достались никому белые снега…

Две дороги – что с того, где какая кончится, –
А с обочин две тропы в поздние луга.
Ни тебя и ни себя мне жалеть не хочется,
Только жаль немного те белые снега.

1979. С Борисом Вахнюком

ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ

Где сама себе не в тягость
Меж лесов живёт река,
Разошлись печаль и радость,
Чтоб не свидеться никак.

Сквозь ветвей переплетенье
Да по собственным следам
Разбрелись порой осенней –
Кто к берёзам, кто к дубам.

Золотая сказка на ночь,
Утро тихое – без слёз,
Облетать бы вам не напрочь
С тех дубов и с тех берёз.

Отгалдел крылатый табор,
Тлеет солнца колесо,
И качается октябрь
На созвездии Весов.

Не сошлись печаль и радость,
Листья трутся о рукав.
Лишь сама себе не в тягость
Меж лесов живёт река.

НЕБО И ЛОПУХ

Под высоким небом, что от века
Отдавалось птицам на постой,
В пыльной яме, будто бы для смеха –
Жил у трех дорог лопух простой.

Всё ему чего-то не хватало,
Что хватает только одному,
А в высоком небе хохотало
Нечто непонятное ему.

И однажды ливень грянул с маху –
Чистый и прозрачный, как из снов,
И под гром, который только ахал,
Затопило яму до краев.

Я не знаю, так ли это было,
Но по большаку гуляет слух,
Будто в яме той, что затопило,
Под водою хохотал лопух.

То печаль в природе, то отрада,
Но достойны музыки и строк
И небес высокая прохлада,
И простой лопух у трех дорог.

2016. С Ириной Лободой

МЕЖДУ СЧАСТЬЕМ И ЗАБОТОЙ

Между счастьем и заботой –
Быть счастливым иль не быть –
До соплей порой охота
Самого себя любить.

Чтоб ни много и ни мало,
Но, через края хлестнув,
Вновь душа б дорогой стала
В ту – единственно – весну.

Где перо не ставит точки
После возгласа «конец!»,
Где в начале каждой строчки
Ты – младенец и мудрец.

Где кому какое дело,
Кто Христос, кто Магомет,
Где не ранит душу тело
И не корчится в ответ…

… Авель Каина прощает,
Но, привычное верша,
Тело душу облекает,
Обличает плоть душа.

1997.
С Юрием Кукиным

УЙТИ, ЗАБЫТЬ, ОСТАВИТЬ

Уйти, забыть, оставить
В той тишине до звона
Октябрьскую наледь
По берегам Юкона,
Меня проём оконный
Запомнивший едва ли
И городишко сонный
В канадском зазеркалье.

Всё дальше дом-игрушка,
Там голос тих и ломок;
Индейская девчушка –
Забавный оленёнок.
Уходят в полдень серый
По кромочке ненастья
И замшевые серьги,
И смуглые запястья.

Где косы расплетая,
Она встречает вечер,
Где я не понимаю
Её английской речи.
И мы хохочем снова
Средь ночи-замарашки,
И ничего другого,
И только кофе в чашке.

… Года переплетают
На лиственницах ветки,
И Млечный путь лакают
Медведицы-соседки.
По берегам Юкона
Октябрьская наледь.
Ту тишину до звона –
Вернуть? Забыть?
Оставить…

Клондайк. 1998

ГДЕ ВЫ СЕНИ, МОИ СЕНИ...

Где вы, сени, мои сени –
Нет сторонушки родней.
Я гуляю вдоль по Сене,
Да и по мосту над ней.

Ах ты, школа, ой ты, парта,
Где учебник мной обжит.
Над могилой Бонапарта
Лист каштановый кружит.

У дороги возле «зебры»
Свет зелёный ждёт народ.
Продают каштаны негры
Или всё наоборот...

Не пойму, о чём болтают
Два французских кореша.
Я-то русский плохо знаю,
А французский – ни шиша!

Мулен Руж щекочет нервы,
Но остаться здесь – шалишь!
Лучше за двенадцать евро
Плюнуть с башни на Париж.

Не шататься вдоль по Сене,
Ностальгии не тая.
Ой вы, сени, мои сени –
Воля вольная моя!

Париж, октябрь 2006

ПОСВЯЩЕНИЕ

Дочке Александре

Пусть весь новогодний учебник
Нам перелистать не успеть,
Где каждый невзрослый волшебник
Так хочет скорей повзрослеть.

Но, в добрую сказку поверив
Однажды по-детски всерьёз,
Он зимнее небо оденет
В мохнатые варежки звёзд.

Припев:
И небо ему отзовётся той сказкой недальней.
Снежинка слетит на ладонь Жигулёвским горам.
И сам под метельной дугой колокольчик хрустальный
О чём-то забытом и нежном поведает нам.

И внучка лесов заповедных
С той сказкою явится к нам, –
Но снова и обыкновенно
Торопимся мы по делам.

Тогда почему и зачем так
По-детски обидно порой,
Что чудо – Снегурочка эта –
Приходит лишь только зимой?..

Припев:
А небо опять отзовётся той сказкой недальней.
Снежинка слетит на ладонь Жигулёвским горам.
И сам под метельной дугой колокольчик хрустальный
О чём-то забытом и нежном поведает нам.

Пусть небо опять отзовётся той сказкой недальней.
Снежинка слетит на ладонь Жигулёвским горам.
И сам под метельной дугой колокольчик хрустальный
О самом волшебном и нежном поведает нам.

ЖИГУЛЯМ – ГОРАМ ЗАВЕТНЫМ

У российского гектара
Снег маячит на глазу.
Но несут к земле болгары
Виноградную лозу.

Голубых небес колодцы,
Зелень пастбищ, солнце дня –
И не замечают овцы
Удивлённого меня.

Переводчицы улыбка,
Есть в запасе пара дней...
Впереди маячит Шипка
С русской церковью пред ней.

Церковь, колокол да плиты,
И витражное окно.
Ни турецкого гамбита,
Ни награды за кино.

Пьём в гостинице ракию,
Славя дружеский уют.
Спой, братушка, про Россию,
Как в Болгарии поют!

Вот и я тебе за это
Добрым словом удружу:
Жигулям – горам заветным –
Про Балканы расскажу.

В ДЕБРЯХ МОЗГА

В дебрях мозга – без огней,
Память – как в засаде.
И очередями дней
Из засады садит.

Ты ли, я ли – ей-то что?!
Щурится в прицеле:
Либо душу в решето,
Либо дырку в теле.

2000-е. Александра и Юрий Панюшкины

Я ПОЮ О ТЕБЕ

2003. Семья Панюшкиных

«ОЙ, КАК ТРУДНО БЫТЬ ГЕНИЕМ!»

Это Юра Панюшкин о себе. И в этой самоиронии немалая доля правды. Помните — у Стругацких «Трудно быть богом»: всё знаешь, всё понимаешь, а исправить несовершенство мира невозможно. И от этого приходится прибегать к известному «русскому лекарству», чтобы хотя бы в нём находить успокоение.

Кто знает, тот меня уже понял. Такова доля всех хороших поэтов. А Юрий Панюшкин несомненно поэт хороший. Не знаю, как в других городах и весях, но он лучший поэт в Тольятти и Самарской области. Войти в ряд известных бардов, любимцев грушинской публики, совсем не просто. Панюшкин сумел. Значит, есть в его творчестве нечто, что трогает душу и волнует сердце.

Он пишет просто и доступно, но не общедоступно, как может показаться. Уровень сложности его поэзии — в интонации, требующей его эмоционального внимания. Для Юры очень важны звуки, его окружающие, во многом именно они источник вдохновения. Панюшкину недостаточно написать текст, он должен еще и звучать. В его стихах — радость творчества, хотя порой сам Юра бывает грустен. Но в этом и есть тайна его живой энергии. Он разносторонен в темах, жанрах, стилистике — это признак мастерства и профессионального чутья. Его поэзия вся в ощущениях, в полутонах, намеках. Отсюда столько иронии и веселой печали, когда он говорит о себе. И стихи получаются как импровизация.

Поэты любят писать «эгоистические» стихи. У кого-то это получается плохо, а у Панюшкина — замечательно. Его лирический герой не страдает, не стремится менять жизнь — он этой жизни радуется! Женщина у него, даже в скверном настроении, всегда права. Читателю легко представить, что ощущает автор, поскольку сам читатель не однажды пережил те же самые чувства. Юра открывает ему его же мир — полный красоты, который надо просто суметь разглядеть…

Поэтическая и человеческая судьба Юрия Панюшкина — игра в благополучие. Вроде бы и признание в кармане, а жить спокойно не получается. Словно не хватает ему пространства. В свое время Юра набродил по свету: Колыма, Магадан, Таймыр… И сейчас не сидится. Он трудно переносит нынешние дрязги, интриги, приспособленчество. Не нравится ему во всем этом быть. По нему — так лучше в лес! Посидеть с друзьями у костра, прочь от суеты сует. Или по известной фразе: «Когда ты с хорошей девчонкой — поэзия ни к чему». Кто-то сказал: «Жизнь поэта измеряется не годами, а женщинами». Панюшкин не исключение. Большинство страдает неумением любить, и поэты этой любви учат. Вот и Юра экспериментирует в жизни, чаще всего не в свою пользу, чтобы другие ошибок не повторяли.

Последние двадцать пять лет мы живем во времена перемен, когда поэзия приглушена и интимна, когда графоманы стихи публикуют в Интернете,
когда талантливые люди чувствуют себя бесприютными,

когда вокруг сплошная борьба. Юре крайности не нужны. Он даже в своих политических заблуждениях не впадает в обличение, а остается добродушно-ироничным. Мол, всякое бывало, и это пройдет. И оттого даже в своих ошибках он предельно искренен. Он может и про любовь, и про революцию — с задорной улыбкой. А это признак здорового оптимизма, которого так не хватает многим сегодняшним молодым (и не очень) поэтам, плохо воспринимающим пространство, в котором живут.

Панюшкин уникально чувствует слово, оно у него всегда к месту и на месте. Почти все его стихи — овеществленные воспоминания, а житейские подробности — как вопросы о смысле жизни.

Поэт не бывает вне контуров своей биографии. Вот и Панюшкин постоянно опирается на события собственной жизни. Но его смысловое поле создается из вечных тем и вопросов, о которых он пишет, легко переключаясь с лирики на почти сатирическую интонацию.

Даже многие великие поэты не умели писать детские стихи. У Панюшкина — получается. Остроумные, разнообразные, запоминающиеся, интересные...

Сорок лет назад приезжавшие знаменитые барды любили захаживать ко мне домой. Пели, оставляли автографы. Одному из них я даже помог книжку в самиздате выпустить. Жаль, что тогда не знал Юру.

Настоящие поэты всегда на первый взгляд безумцы. Они, бывает, уходят в нирвану ритма, в одиночество человеческой души — от страстного желания выразить себя, справиться с вдохновением, которое порой невозможно выразить словами. Юру Панюшкина выручает юмор, ясность мысли и точность образов, которые у него чуть ли не на кончике языка. Так, по крайней мере, кажется. Такая наполненность философичностью не вмещается у Юры в стихи, требует краткости и сжатости мысли.

Афоризмы Панюшкина живут сами по себе, вне всякого контекста. Это такой поток речи, баловства, хохмы, безо всякой эстетической ценности. Они не аккумулируют никакой истины, кроме удовольствия от игры со словом. Впрочем, хватит рассуждений. Читатель, открой книгу — и читай. Уверяю, занятие не скучное.

А от себя скажу в заключение — я Юру Панюшкина люблю и уважаю.

Честное слово!

Сергей ДЬЯЧКОВ,
Почетный гражданин г. Тольятти.
(из вступительной статьи к книге Ю. Панюшкина «Бодрите ветер», 2015)

1978. Свадьба Татьяны и Юрия Панюшкиных

В человеческом учебнике все задачи – первоочередные!

О ТЕБЕ

Татьяне

Я о солнце пою, ночевавшем в горах,
О бесчисленных радугах в горной воде.
Про желанную звёздочку в тёплых руках
Ты, услышав, поймёшь – я пою о тебе.

Я о ветре пою и о глади озёр,
О лавинах, безжалостных к чьей-то судьбе.
Про костёр на снегу, самый добрый костёр.
Это значит – я снова пою о тебе.

Об изведанной радости трудных дорог,
Чудаках, забывающих лишь о себе.
Про того, для кого стал родным мой порог,
О тебе…

ИЗ ВЕКА В ВЕК

Любовь диктует истины свои,
Коснуться их – великое искусство.
Но неприкосновение любви
Рождает в нас, поистине, безумство.

И с высоты небес, не оттого ль,
В сиянии безоблачно счастливом
Любовь нам дарит призрачную роль,
Которую сыграть не всем по силам.

Ах, эта поднебесная игра
Из века в век достойна восхищенья!
Любовь, порой, бывает недобра,
Но не теряет своего значенья.

И пусть кому-то, призрачно легка,
Является она богиней дивной, –
Но тянутся минуты, как века,
В отсутствии земной любви взаимной.

ПТИЦА-ЛЮБОВЬ

Птица-Любовь, в клетке золотой
Не пой.
Птица-Любовь,
Лучше помолчим с тобой.

Голос Любви в клетке золотой –
Не твой.
Птица-Любовь,
Сердце от других закрой.

Птицу Любви как ни назови –
Она
В песнях своих
Лишь самой себе верна.

Может быть, ей так хотелось петь,
Да вот –
Птица моя
Почему-то не поёт.

…Птица-Любовь, в клетке золотой
Не пой.
Птица-Любовь,
Лучше помолчим с тобой…

КОГДА ВИНО ГОРЧИТ

Когда вино горчит, когда оно не лечит,
Прозрачный смех зеркал нам не щадит виски.
И женщина грустит, освобождая плечи,
Увы, мой дорогой, из-под твоей руки.

Когда сквозь решето нерасторопных пальцев
Молитва, просочась, уйдет в сухой песок –
Нет Бога в небесах: ты перед ним не кайся,
Перед самим собой – еще смешней, дружок.

Но есть такой момент: без веры – как без денег,
Врата не отворят и не нальют бокал.
За пыльные столбцы рифмованных безделиц
Не прячься и разбей прозрачный смех зеркал...

ЧТО-ТО БЫЛО

Что-то с нами было вроде,
Да прошло само собой.
Повторятся ли в природе
Эти встречи под луной...

Нам бы снова в те аллеи,
Где с наличием всего
Мы так много захотели –
Аж не вышло ничего.

То ли бубен, то ли лира
Из раскрытого окна, –
То ли снова мимо, мимо
Заполошная весна.

Что она не повторила –
Так бы взял да повторил,
Если б ты меня любила,
Если б я тебя забыл.

МЕЖ ЛИСТЬЕВ ВЕТЕР ТАНЦЕВАЛ

Меж листьев ветер танцевал
Легко и мило,
Он эти листья целовал,
И лето было.

Нам шёпот губ
Цыганка-ночь наворожила,
Мы от земли летели прочь,
И лето было.

Не предъявляли люди счёт
Плохой погоде,
И были тёплыми ещё
Дожди в природе.

Играли локоном моим
Ручьи рассвета,
И ты любил, и был любим,
И было лето...

Я УЕДУ ДАЛЕКО-ДАЛЕКО

Я уеду далеко-далеко,
Стихнут поутру шаги.
Скажешь: будет без тебя нелегко –
Так со мною убеги.
Улыбнись и посмотри на восход,
Чтоб увидеть в этот час
То, как солнце над горами встаёт,
Снова будто в первый раз.
Окружил тебя подруг хоровод,
Слышу я издалека:
Умный в гору не пойдёт, не пойдёт,
А чудак – наверняка.
Ты на них махни рукою сплеча,
Ну, а мне её подай!
Будут нас с тобою горы встречать,
Как никто и никогда.
Где на узенькой тропинке крутой
Рядом радость и беда –
Нас верёвочкой с тобою одной
Свяжут горы навсегда.
И однажды ты поймёшь, как легко
Могут горы стать судьбой.
И поедешь далеко-далеко,
И возьмёшь меня с собой.

1978. Свадьба Татьяны и Юрия Панюшкиных

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Иван-да-Марья: речка и костёр.
Финал печальный у прекрасной сказки.
Её мы с вами помним до сих пор –
Иван-да-Марья: речка и костёр.

Венки девичьи унесёт река,
Коль ты в ладье не поплывёшь навстречу.
И станет – вдруг – осока высока,
Венки девичьи унесёт река.

Пусть каждый век нам дарит свой укор;
Не всем любовь даётся во спасенье.
Но как сердец прекрасен разговор!
Иван-да-Марья: речка и костёр.

Иван-да-Марья: речка и костёр.
Финал печальный у прекрасной сказки.
Её мы с вами помним до сих пор –
Иван-да-Марья: речка и костёр...

ТВОИ ЗЕЛЁНЫЕ ГЛАЗА

Уже притихшие леса
Осенним сполохом клубятся,
А мне опять в ночи приснятся
Твои зеленые глаза.

Росы запутанная нить,
Твои доверчивые плечи
И та единственная встреча,
Которой нам не повторить.

Когда осенняя гроза
И лишь дожди на целом свете,
Напоминают мне о лете
Твои зеленые глаза.

МОЙ ВЕК НЕОБЪЯСНИМ

Мой век необъясним,
Как женщина под утро,
Что хороша, как бог,
И преданна, как друг.
Её не обижал
Я в эту ночь как будто,
А вот она грустит –
С чего бы это вдруг?

Нас вяжет по ногам
Забота быть счастливым
И проживать в раю,
Но не наоборот.
Свой век не объясним
Ни мудрым, ни красивым –
Стреноженных коней
Не примет горизонт.

Спасая дверь свою
От солнечного крика,
Мы медлим быть собой,
Мы любим впопыхах.
В некошеных лугах
Краснеет земляника,
Но долго тает снег
В некошеных лугах.

Качает пароход
В фарватере желаний...
А женщина грустит,
Движения легки.
И век необъясним,
И горизонт скрывает
Мой самый первый флаг
С рисунком от руки.

КАК МЫ ПОРОЮ БЕЗЫСКУСНЫ

Как мы порою безыскусны
Не по летам.
И точный адрес нашим чувствам –
Он где-то там...

Там грешных душ святые выси
Безбожной верой горячи,
И скачет тьма полночной рысью
На тонком пламени свечи.

Там чья-то радость – утешенье,
Как хлеб един.
И от прощанья до прощенья
Там шаг один.

И все желанья и полеты
Там просто так,
И нет сомненья ни на йоту –
Друг или враг...

Там до сих пор не разлюбили –
Те, кто любил.
Да что я вам, ведь вы там были.
И я там был.

ПОЭТ ПОРОЙ БЫВАЕТ НЕЖЕН...

Поэт порой бывает нежен
И даже с собственной женой.
Но он сомнениям подвержен –
Возможно, как никто иной.

То нескончаемая качка
Средь разобщённых островов,
То голова трещит, как мачта
В обломках праздничных штормов.

Но пусть ни паруса, ни вёсел.
Пусть запоздалое добро –
Он верит в будущее вёсен
И в незлобивое перо.

ОХ, НЕ ПАДАЛ Я С САРАЯ...

Ох, не падал я с сарая –
На меня сарай упал.
От тебя я, дорогая,
Как от поезда, отстал.

Вы, титановые печки!
Вы, желтушные чаи!
И колышет вечер встречный
Занавесочки твои.

Догоняю, быть бы живу, –
Вот уже почти успел –
Безбилетным пассажиром
В ваше белое купе.

Дураком в окне по пояс –
Сигаретою с губы.
Как так может один поезд –
В разны стороны судьбы?

Эх, титановые печки!
Что ль, ещё чайку попить?
За сараем было легче
Занавесочки любить.

ПОТОМ ТЕБЯ Я ОБНИМУ

Потом тебя я обниму,
А ты задашь вопрос такой:
Где научился я всему
Тому, что делаю с тобой.

Нигде, представь себе, нигде,
А просто ты ко мне добра,
И потому с тобою мне
Не жалко этого добра.

ПЕСНЬ РАДОСТИ

Удавлюсь я осторожно
Под каштановой свечой,
И споёт мне пташка божья.
И нагадит на плечо.

Уплыву в такое море,
Где ни края и ни дна,
Где ни радости, ни горя –
Только видимость одна.

Там, где чувства невесомы,
Синим пламенем гори,
Короли и управдомы,
Прохиндеи и цари.

Эй! Соседская Маруся,
Голубых глазёнок свет!
Нынче точно удавлюся,
Если снова скажешь: «Нет!».

ШЕЛЕСТ ОСЕННИЙ МЛЕЧНОЙ ДОРОГИ

Шелест осенний Млечной Дороги,
Что-то о людях, что-то о Боге.

Сумерек ставни, звёздная пена.
Пеною станет слово «измена».

В тёмное небо ворон стучится.
Кто потревожил чёрную птицу?

Это за небом в тёплом закате
Зябкие тени наших объятий.

В НАЧАЛЕ ПОВТОРЕНИЯ ПУТИ

В колдобинах асфальтовых теснин,
Где в лужах лишь подобие слюды,
Я снова, как природы чуткий сын,
Ищу твои нечёткие следы.

Там воздух наш в плену прозрачных струй,
Похожих на неведомый исток,
Там губ твоих холодный поцелуй
Подарит мне мальчишеский восторг.

Нам, вероятно, будет хорошо.
(Как жаль, что ты сегодня не со мной.)
Но так как наш роман не завершён,
Спешу к тебе с блаженною струной.

Стремлюсь, как мотылёк за огоньком,
Как новый звук в заветную дуду,
Как старый котелок за кипятком
В ненастном восемнадцатом году...

Надеюсь, что друг друга мы поймём
В начале повторения пути.
Где дважды два стремится к четырём,
Доверчиво мечтая о пяти.

И вместе рассмеемся над строкой.
Но не расслышат сонные дома,
Когда ты тихо скажешь: «Дорогой,
Пойдём со мною, я – твоя Зима».

1976...

МАДАМ

Мечтает какой-то Адам,
Что будет счастливым с получки.
А я уезжаю, мадам,
Пардон и целую вам ручки.

Я вас понимал от души,
О, эти прелестные штучки!
Но поезд к перрону спешит –
Мадам, я целую вам ручки.

За окнами тучи и дождь,
И снова, как водится, тучки,
Получку назад не вернешь...
Мадам, я целую вам ручки.

Мне будет не так хорошо
Без ваших блинов и окрошки,
А значит – пока не ушел, –
Позвольте, мадам, ваши ножки.
И значит – пока не ушел,
Мадам, я целую вам ножки.

ПИРОГИ

Я нынче опоздал к столу, но ждал меня пирог.
С такой хозяйкой подфартит едва ли вам.
А то, что вы из-за стола – ей будто невдомек,
И я давился пирогом, нахваливал.

За ваши вкусные дела спасибо вам, Танюша,
И за начинку ливера, и за хороший тост,
Спасибо вам, что никогда не лезете мне в душу.
Ах, там такие пироги – спаси тебя Христос!

Я снова опоздал к столу, и подгорел пирог.
Зато хозяйка, как всегда, на высоте:
– Вы опоздали, милый друг, ну что ж, помилуй Бог,
Всего хорошего с собой, и топайте.

За ваши честные дела спасибо вам, Танюша.
Да, здесь не будет моего ни носа, ни ноги...
Спасибо вам, что по утрам не норовили в душу.
Да будут счастливы и вы, и ваши пироги!

ПОДКОЛОДНАЯ ЗМЕЯ

Я был смешным, безусым –
Не вспомнится без слёз.
А ты простой да русой –
Откуда что взялось?
Блуждают мои годы
В твоей кромешной лжи.
Из-под какой колоды
Ты выползла, скажи?

Не думал я, покуда
Не встретился с тобой,
Что звать кого-то буду
Любимою змеёй...
Вокруг тебя такое,
Что умоляю я:
Оставь меня в покое,
Ползучая моя!

Да, ты меняешь шкуры
На дню по десять раз.
Мне эти шуры-муры –
Как вилы между глаз!
Так почему раз к разу,
Как нищий у Креста,
Люблю тебя, заразу,
От жала до хвоста?!

Я был смешной, безусый –
Не надо только слёз,
А ты простой да русой –
Откуда что взялось?
Блуждают мои годы
В твоей кромешной лжи.
Какой же мне колодой
Накрыть тебя, скажи?!

НЕ ЖЕНИТЬСЯ ЛЬ ЕЩЁ РАЗ?!

За окошком, на траве –
Как сплеча рубила –
Головой по голове
Жена мужа била.
Не боится, знать, молвы –
Била да кричала:
Мне не жалко головы –
Все равно пропала!

Эх, раз, еще раз!
Да все чаще между глаз,
Между всем, что было, –
Все давно постыло...

Я хлебну холодный квас,
Я окно прикрою,
Почешу промежду глаз
Гипсовой рукою.
Костылем слезу смахну,
Будто паутину,
И увижу – как засну –
За окном картину.

Эх, раз, еще раз!
Почешу промежду глаз.
По утрам – холодный квас,
Не жениться ль еще раз?!

ХОЛОДНАЯ НЫНЧЕ ВЕСНА

– Холодная нынче весна, дорогой, ты согласен?
– Согласен ли я – да, конечно, весна не на славу.
Моя дорогая, во всём виновата природа.
– Конечно, природа во всём, только я не об этом.

И звёзды над нами,
И небо под нашим крылом,
Так что же мы с вами
То ищем, то ждём.

– Наверное, этим дождям суждено не кончаться,
А может, ненастные вёсны к хорошему лету?
Зачем ты молчишь? Ну, скажи – ты согласен со мною?
– С тобою согласен, но только и я не об этом.

И звёзды над нами,
И небо под нашим крылом,
Так что же мы с вами
То ищем, то ждём?

– Смотри, как сегодня замёрзли живые деревья,
Но ты ведь согреешь меня, как когда-то, ну, вспомни!
– Не плачь, ради Бога, конечно, конечно, согрею –
На светлую память о нашей холодной весне.

1981. С дочерью Сашей

ВЕХИ

В. Сучкову

– Любимый, ты помнишь ли первую встречу,
цветы на столе, за окном непогоду?
– А как же, конечно, тогда ещё в доме
у нас отключили горячую воду.

– Любимая, помнишь, как мы поженились,
когда твои братья набили мне морду?
– А как же, конечно, тот день был прекрасен:
тогда нам включили горячую воду!

– А помнишь, любимый, наш первенец-мальчик
явился на свет продолжением роду?
– А как же, конечно, и мальчика помню:
в тот день нам включили горячую воду.

– А помнишь, серебряной свадьбы веселье:
Как братья опять тебе чистили морду?
– Такое забыть никогда, дорогая,
в тот день отключили горячую воду…

Простите меня, коль в чужое семейство
Я влез ненароком, той рифме в угоду.
А впрочем, пардон, мне пора бы помыться –
Нам, кажется, дали горячую воду.

ЗАСТЫВШИЙ ВОСК СВЕЧИ

Застывший воск свечи – янтарь на шее ночи.
И старая любовь, и тайная печаль.
И неизбывный свет забытой напрочь строчки,
И вера, что пора всё заново начать.

Осенний силуэт в оконном Зазеркалье,
И грешная струна в придуманном раю,
И талые слова перед святым молчаньем –
Последний перелёт из августа в июнь.

Успеть бы, дорогой, добавить в этот список
От будущих надежд – вот новая свеча…
Но нам слепит глаза, имея мудрый смысл,
И старая любовь, и тайная печаль.

НА БЕРЕГУ МОЁМ

На нет сошла ночная тень
На берегу моём.
За утром вновь родился день
На берегу моём.

Реки прозрачная струя
И в два оконца дом.
Любви твоей коснулся я
На берегу моём.

И столько зим, и столько лет
Для нас в раю земном
Хранил Господь очаг и свет
На берегу моём.

Но ветер парус корабля
Задел своим крылом,
Тебя одну оставил я
На берегу моём.

И год прошёл, и на закат
Я свой увидел дом,
Но кораблю никто не рад
На берегу моём.

Лишь падал голос с высоты –
Слезами ли, дождём:
«Зачем меня покинул ты
На берегу своём?».

И только голос с высоты –
Слезами ли, дождём:
«Навек меня покинул ты
На берегу своём».

ЗАЧЕМ ЗАБРЁЛ Я В ЦЕРКОВЬ ЭТУ...

Зачем забрёл я в церковь эту,
Себя кляня,
Где вас венчали не с поэтом,
Сударыня?

Избранник ваш – известный скромник
Преклонных лет.
К тому же, кажется, полковник –
Но не поэт.

Вот так легко на ровном месте –
Без слёз и слов –
Мои вы променяли песни
На шум балов.

МУЗЫКА КАПЕЛИ

Музыка капели – перезвон пасхальный,
На хмельной берёзе птичья карусель.
Раскололось небо, как бокал хрустальный,
Первым чистым громом разбудив апрель.

Он уж той берёзе на ушко – на ушко
О любви-любови станет лепетать...
На гнездо чужое прилетит кукушка,
Ей ведь тоже надо где-то куковать.

Мы себе, родная, сами накукуем
Доброго согласья на грядущий год.
Что же ты сегодня медлишь с поцелуем:
Всё, что не успеем – не произойдёт.

Той зимы счастливой узелки на память
Не спеши, не надо, не руби с плеча;
Где в потёмках снова нам дорогу править,
Даже и огарок, всё равно – свеча.

Ты ль моя отрада, я ль тебе подмога.
Закружил березу баламут апрель.
И пошло по жилам – знать бы, как надолго
Доброе согласье под весенний хмель.

УТОНУЛ В ТУМАНЕ ГОРОД

Утонул в тумане город,
И такое впечатленье,
Что не выбраться оттуда
Никогда уже ему.
Вот и мы с тобой в тумане,
Но из этого явленья
Можно было, к сожаленью,
Выйти только одному.

А навстречу мне троллейбус –
Привидение с рогами.
Жёлтый глаз его в тумане
Ни черта не разберёт.
Далеко твоё окошко,
За которым на диване
Вот такими же глазами
Смотрит наш учёный кот.

Он прищурил глаз лукаво,
Ну, а мы с тобой находим,
Что невольно или вольно,
Но, увы, похожи с ним:
И когда идём направо –
Тоже песенки заводим,
И когда бежим налево –
Тоже сказки говорим.

Не со мною было это.
Всё придумал – только странно,
Что и сам почти поверил
В свой нерадостный обман.
Ни при чём тут спящий город,
И окно, и кот диванный,
Если бродит слишком долго
В голове моей туман.

И ЛЕТО БЫЛО…

На листьях ветер танцевал
Легко и мило.
Я эти листья целовал –
И лето было.

Нам шёпот губ цыганка-ночь
Наворожила.
Мы от земли летели прочь –
И лето было.

Играли локоном твоим
Ручьи рассвета.
И я любил, и был любим,
И было лето.

ШАТЁР КОЧЕВОЙ

И гнули осоку большие стрекозы,
И всё было явью, и всё было сном:
Шатёр кочевой и счастливые слёзы,
Разлука до встречи и встреча потом.

Всё той же походкой по летнему полдню,
По лугу, по небу на берег земной,
А губы и сердце: «Я помню, я помню
Стоял здесь когда-то шатёр кочевой».

Не надо – по небу, не надо – по лугу,
По летнему полдню на берег земной.
Другая пригрезилась милому другу,
Далёко отсюда шатёр кочевой.

Подруга, он песню твою не услышит,
Осока взошла по дороге домой,
Лишь ветер её мимоходом колышет.
Счастливые слёзы. Шатёр кочевой.

23.45

Негромкой музыки тепло
В ладони дышит,
Заиндевелое стекло
Зимы не слышит.

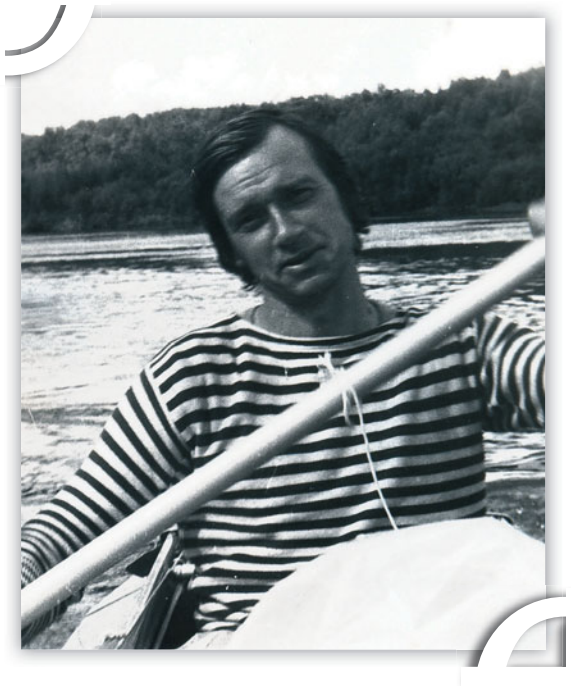
Заключены в шарах на срок
Её осколки,
И улыбается божок
С каминной полки.

Нездешний чудится смешок
В глазах раскосых.
Но как он этот дом нашёл
В снегах и соснах?

Где воздух розовых духов
И нежный локон,
Где губы – истина веков,
И ночь из окон.

Часы луны пробьют: «Пора!» –
И праздник впустят,
Начнётся детская игра
Со взрослой грустью.

И новой будет тишина,
Как снег на крыше,
И эхо зимнего вина
В хрустальной нише.



1980.
На байдарке по Волге

МАРТ

С февралём простятся разом –
Те, кто рад и кто не рад.
Вот уже кошачьим глазом
За окном поводит м а р т.

Глянет в душу день погожий,
Дождь прольётся по весне.
Отпусти нам счастья, Боже,
По умеренной цене.

На весеннем разгулянье
Все мы словно «от сохи»:
Первозданные желанья –
Наши сладкие грехи.

Распахнёт душа пальтишко,
И, сведённые судьбой,
Как девчонка и мальчишка,
Расцелуемся с тобой!

ЛАДОНИ ЖЕНЩИНЫ МОЕЙ

Блажен, кто ощутил подспудно
В дороге века своего:
Привыкнуть к запаху нетрудно –
Трудней отвыкнуть от него.

Там за немереной верстою
Вновь краткий миг благословлю,
Где пахла степь перед грозою
И слово тихое «люблю».

Пусть в том пути внезапной болью
Венчала нас корона дней.
Но пахли степью и любовью
Ладони женщины моей.

КОСЫНКА КОСТРА

Повязана поляна
Косынкою костра.
А нам прощаться рано –
Но близко до утра.

Ещё туманом белым
Не затянуло даль,
Ещё не догорела
В костре твоя печаль.

За кратким расставаньем –
Дорога без конца.
И, словно обещание –
Пальцы у лица.

Со мною будет вместе
Дыхание твоё.
Ты не дари мне песню –
Ты просто спой её.

А нам прощаться рано,
Но близко до утра.
Повязана поляна
Косынкою костра.

А ТЫ ВСЁ ТАК ЖЕ ИЗНАЧАЛЬНО...

А ты всё так же изначально
Самодостаточно печальна.
Глаза классически влажны,
И все тебе должны... должны...

ВЫ ПРЕКРАСНЫ

Сударыня, конечно, вы прекрасны.
Но я скажу, не опуская глаз,
Объятья ваши тщетны и напрасны –
Моя душа открыта не для вас.

Когда в игру небесную играя,
Благословляют звёзды Млечный Путь, –
Ко мне во снах является другая,
Которую встречал когда-нибудь.

И в этом сне так бесконечно мило
Меня её касается рука.
И сами по себе неторопливо
Сливаются минуты и века.

Там ангелы для нас двоих высоко
Поют стихи волшебные свои,
Ведь с нею мы у самого истока
Доселе неизведанной любви.

Не оттого ль, сударыня, не скрою,
Произнося прощальное «увы»,
Что ваших слёз, наверное, не стою.
Даст Бог – ещё полюбите и вы.

ЛЮБВИ ПРОРОЧЕСТВО СБЫЛОСЬ

Она не спрашивает нас –
Ни летним днём, ни зимней ночью.
Приходит, как бы между прочим,
Необъяснимая подчас.

К тебе врывается она,
Как неожиданное счастье –
И ты в пылу волшебной страсти
Ей подчиняешься сполна.

И бесполезно двум сердцам
Уже зачем-то расставаться.
Судьба не даст сопротивляться
Тому, что небо дарит нам.

Вот так и мне не удалось
Самообманом насладиться.
И сердце больше не таится,
Любви пророчество сбылось.

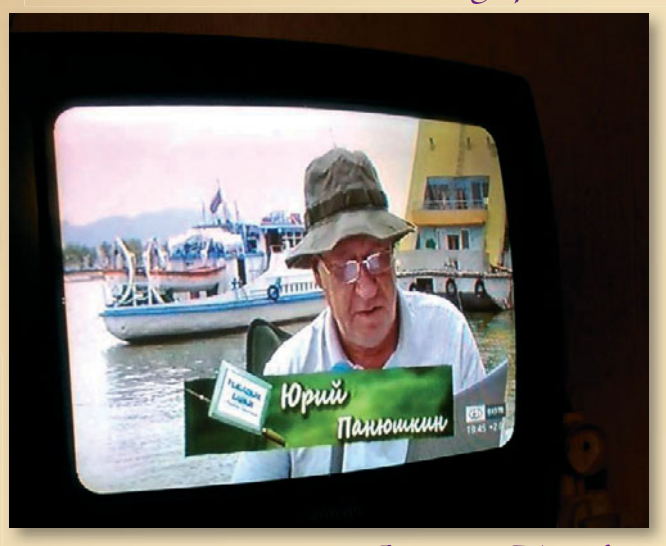
1988. Отъезд семьи Панюшкиных с Колымы

1999. Отец и дочь
на Захаровском слёте

ШЁЛ ПО ГОРОДУ ПОЭТ

2009. г. Тольятти

2010. В телевизоре



2003.
В гостях у тольяттинского туриста Андрея Палёва

2009. На выставке художника
Виктора Минеева

2000-е...

2017. Руслан Ширяев

ВОТ ТАКОЙ ОН БЫЛ, ЮРОК!

Много лет тому ночевали у нас с женой в Сокольниках Борис Кейльман и Юра Панюшкин. Я готовился к горному походу, поэтому по утрам бегал по дорожкам парка свои пять километров. Собираюсь на пробежку, проснулись Боря с Юрой.

Боря напомнил, как мы с ним бегали по Венеции, и попросился со мной. Юра некоторое время размышлял над не совсем радостной перспективой и все же решился — не хотелось оставаться одному.

Спортивной одежды для них не нашлось, поэтому тройка наша выглядела уморительно. Впереди я – в кроссовках и спортивном костюме, за мной Боря – в брюках, белой рубашке и туфлях, Юра же одел даже пиджак.

Подумалось: «дальше магазина не побежит!». Пробежали, однако, мимо. У входа в магазин сидела молодая женщина, совсем недавно, видимо, спившаяся, с выражением утренней вселенской печали на обожженном солнцем лице.

Она равнодушно проводила нас взглядом, и мы углубились в лучевые просеки Сокольников. Встречные бегуны и прогульщики собак с изумлением взирали на странную тройку полубегунов и искали глазами собаку со змеевиком. Очевидно, мы походили на тройку самогонщиков из популярного в то время фильма «Пёс Барбос и необычный кросс».

Я пожалел Юру, пот струился по его лицу, он что-то бормотал – очевидно, проклятия в мой адрес, поэтому вернулись мы, не пробежав и километра. Юра поковырялся в сумке, достал смятые купюры и исчез за дверью. Мы с Борей переглянулись.

Однако, к нашему удивлению, он вернулся через три минуты: «Дал на опохмел этой девке, жалко её стало!».

Вот такой он был, Юрок.

Руслан ШИРЯЕВ,
заслуженный путешественник России

Проект
Библиотеки Автограда
“Тольятти. Избранное”

Ю.Панюшкин

В НАЧАЛЕ ПОВТОРЕНИЯ ПУТИ

Сам себя не успеешь – никто тебя не успеет

ШЁЛ ПО ГОРОДУ ПОЭТ

Брёл по улице поэт.
Отходил осенний день.
У поэта плащ расстёгнут,
Кепка тоже набекрень.

Свет доверчивой строки
В непосредственных очах.
На ладони – лист уставший,
Что упал, но не зачах.

Шёл по городу поэт,
Рядом с ним строка его.
Нюхал лист и улыбался –
Видно, было отчего.

Оттого ль, что птица вдруг
Прозвучала ввечеру,
Что, мол, нынче ты придёшься
И к добру, и ко двору.

Вот и дом, и крыша та,
Что других милее крыш.
Вдруг раздался окрик страшный:
«Стой, мол, тихо, где стоишь!

Нам ответь, как на духу,
Уважаемый пельмень,
Почему твой плащ расстёгнут
Да и кепка набекрень?

И зачем с улыбкой той
Ты к ноздре подносишь лист?
В общем – всё с тобой понятно,
Адекватный анашист».

На ладони лист увял –
Не помочь, не донести.
Да и птице расхотелось
Петь и крыльями трясти.

…Утром брёл поэт домой;
Грязный город, неуют.
Страшно жить в лесу дремучем,
Там, где птицы не поют.

О СТОЛБЕ

Не ходите никуда, не сбивайте ноги –
Вам такого не понять, не постичь никак:
Кто поставил этот столб посередь дороги?
Может, с умыслом каким, может – просто так.

Даже если просто так, всё равно обидно.
Если весело кому – пусть смеётся тот.
Но когда из-за столба солнышка не видно,
Станешь думать, что оно вовсе не встаёт.

Мимо времечко текло, и сшибались с ходу
То ли эти льдины звёзд, то ли звёзды льдин.
Вот ещё одна звезда пала с небосвода
И застряла у него в трещинах груди.

Обесточенный фонарь матово пылился.
Нам не надо днём с огнём – сами как-нибудь!
Но опять иной чудак плакал и крестился,
И впотьмах от фонаря отправлялся в путь.

Вспоминают о столбе чаще лбы да ноги.
Нет бы взять, да и срубить – не нашлось рубак.
И стоит он сам себе посередь дороги,
А по праздникам к нему привязывают флаг.

НЕ РАСТУТ ЗИМОЙ АРБУЗЫ В МАГАДАНЕ

Мы привыкаем жить с тобой, как на вулкане –
Нас не пугают ни присяжные, ни суд.
Но… не растут зимой арбузы в Магадане,
И, если честно, летом тоже не растут.

Мечтать не вредно на продавленном диване,
Что день грядёт – и яйца курицу снесут.
Но… не растут зимой арбузы в Магадане,
И, если честно, летом тоже не растут.

Так демонстрируя своё образованье –
Подумай: тот ли ты закончил институт?
Ой, не растут зимой арбузы в Магадане,
И, если честно, летом тоже не растут.

Быть оптимистом – вот великое призванье!
Стране и людям нечто светлое нести.
Дай Бог увидеть нам арбузы в Магадане…
Когда на Марсе будут яблони цвести.

С НОВОЙ ФИГОЙ ПОД ПАЛЬТО

Год за годом бодрым маршем,
С новой фигой под пальто
Лучше всех мы с вами пляшем,
Плачем тоже как никто.

Верим в Бога и в кукушку,
И в народные суды.
То орём на всю катушку,
То молчим на все лады.

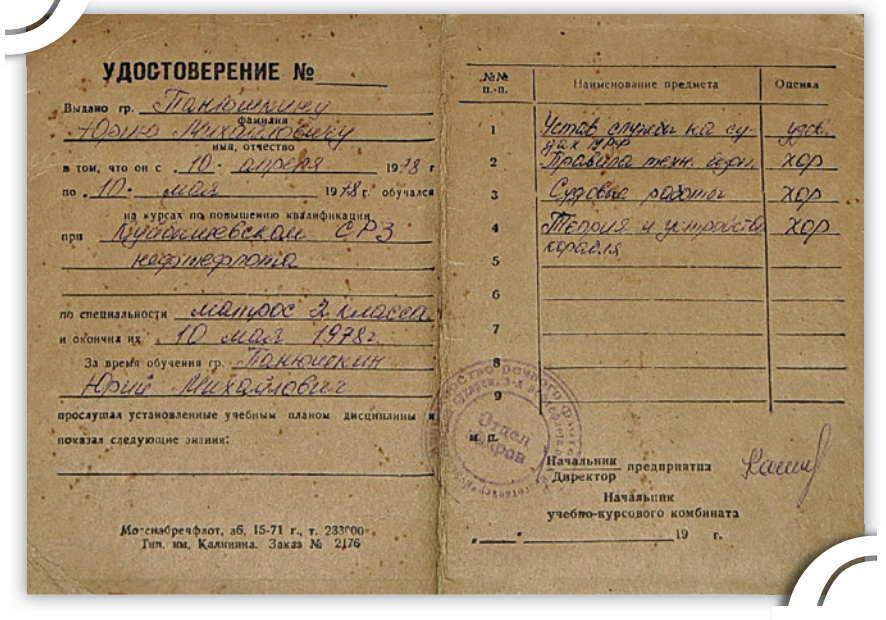
Без навязчивой подсказки,
Как осока и ковыль,
Подрастают дети-сказки,
Забывая маму-быль.

За словесною кадрилью
Нежим дух, лелеем плоть.
А чтоб сказки стали былью,
Привыкаем их пороть.

Вот и каждый не согласен –
Не вчера и не сейчас:
Что не мы заборы красим –
А заборы красят нас.

День за днём года забвений
Подпирают небосвод.
И плывут былого тени
По разливу мутных вод.

1978. Удостоверение моряка



УДОСТОВЕРЕНИЕ №

Выдано гр. Панюшкину Юрию Михайловичу
фамилия имя, отчество
в том, что он с 10 апреля 1978 г. по 10 мая 1978 г. обучался на курсах по повышению квалификации при Куйбышевском СРЗ
по специальности матрос 3 класса
и окончил их 10 мая 1978 г.
За время обучения гр. Панюшкин Юрий Михайлович
прослушал установленные учебным планом дисциплины и показал следующие знания:

№№ п.-п.	Наименование предмета	Оценка
1	Устав службы на судах ВМФ	уд.
2	Правила охр. труда	хор
3	Судовые работы	хор
4	Теория и устройство корабля	хор
5		
6		
7		
8		
9		

М. П.
Начальник предприятия
Директор
Начальник учебно-курсового комбината
_____ 19 г.

Мосснабречфлот, зб. 15-71 г., т. 233'00
Тип. им. Калинина. Заказ № 2176

ГОРОДСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ухнул филин на сосне жалобно, тоскливо,
Жаба на болоте съела комара.
Муха села на портрет, крылышки сложила.
Вот и нам, сограждане, на покой пора.

Груз начальственных забот нищему приснится,
Прокурору – прокурор, богачу – сухарь.
Ниоткуда прилетит заводная птица
И починит нам с тобой на углу фонарь.

Непременно расцветут кактусы на грядке.
Споры истину родят, даже не одну.
У порядочных людей станет всё в порядке,
А «Титаник» – так и быть, не пойдёт ко дну.

Леший филину в ночи эхом отзовётся,
В речку свесится луна ноги сполоснуть.
Муха утром улетит, жаба поперхнётся.
Главное – не выспаться, главное – заснуть…

ОДА СОСУЛЬКЕ

Уж скоро вновь, вернувшись издалёка,
Весна плеснёт в родные берега.
Сосулины с хрущёвского барокко
Нависнут, как архаровы рога.

Поэт, оставь сосулины в покое,
На кой нам ляд вся эта канитель.
К тому ж с капелью, как ничто другое,
Рифмуется больничная постель.

В очах – пожар, а за спиною – дуля.
Поэт, беги от мелочных дилемм!
Какая, к чёрту лысому, сосуля,
Когда вокруг немерено проблем.

Испей винца и похрусти салатом,
Будь проще, да и всяк тебя поймёт,
Воспой любовь народа к депутатам,
А если хочешь – то наоборот!

…Я брошу пить, и заведутся мыши
От крошек в поседевшей бороде,
Но всё же воспою сосульку с крыши,
Которая мне врежет по балде!

К ДАТЕ…

Ворчит жена, у дочери проблемы.
На службе мрак – начальник идиот.
Я сам такой: вокруг сплошные темы,
Точу перо, а строчка не идёт.

В амбаре пыль, долгов по саму крышу.
Жена опять качает головой.
Хомяк издох, коту приснились мыши,
И он всю ночь орал, как чумовой.

А батарея не мычит, не блеет.
Желаю всем подобную лафу.
И под российским инеем белеет
Теплолюбивый кактус на шкафу.

Да и во мне давно уже не лето,
Но звать на помощь вроде не с руки.
И не заклеит старая газета
Души моей шальные сквозняки.

Вчерашний шрифт с клопами перетёрся,
И время мухой бродит по лицу.
Но снова кто-то с головою впёрся
Туда, где трубы плачут по Отцу.

Я памятью по-своему затарен,
И потому скажу не напоказ:
– Простите, гражданин-товарищ Сталин,
Но мне сегодня точно не до вас.

ВЫНИМАЙТЕ РУКИ ИЗ КАРМАНОВ

Ради ваших грандиозных планов,
На судьбу-злодейку не галдя,
Вынимайте руки из карманов,
Тротуар по льду переходя.

Если надо – чаще поздравляйте
Тех, кому сосватали венец.
Но прошу, друзья, не запивайте
Молоком солёный огурец.

И не надо путать Нильса с Бором
И сигать от счастья из окон,
А логарифмическим прибором
Гвозди заколачивать в бетон.

Просыпайтесь, пойте, сейте просо,
Не пугайтесь каверзной молвы.
А чтоб видеть что-то дальше носа,
Прыгайте чуть выше головы.

Рассмешите птиц, зверей и рыбок,
Распахните душу, как пальто.
Если ж станет вдруг не до улыбок –
Значит, что-то с рыбками не то.

И назло ветрам, каким угодно,
Сохраните душу и очаг.
Станьте непосредственно свободны.
Но не пейте водку натощак.

Будут вам материки и страны,
Долгий век и лёгкая ладья.
Только выньте руки из карманов,
Тротуар по льду переходя.

ДЕНЬ УЧИТЕЛЯ

От тех снегов нетающих –
От Кушки до Кремля –
Всё меньше нас, желающих
Идти в учителя.

Кипит желаний месиво:
Чтоб сразу, да и всласть
Зачем нам та профессия,
Где нечего украсть...

В эпоху переменчивых
Достоинств и надежд
Негромко и доверчиво
Ты сам себя утешь.

Что всё, мол, перемелется,
Умчится непогодь.
И станет наша мельница
По-нашему молоть.

Но «я» на «мы» не делится.
И вновь учитель мой
Стоит у той же мельницы
С протянутой рукой.

Вот потому, товарищи, –
От Кушки до Кремля –
Всё меньше нас, желающих
Идти в учителя.

1980-е. А. Исаев, Э. Фейман, Ю. Панюшкин, А. Головин

ОДА ОБЩЕСТВУ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Самих себя порою удивляем
И на углах, бывает, голосим, –
Что больше отдаём, чем потребляем,
А потребляем то, что не хотим.

Воспрянь, душа, над суетой мгновений,
Тем паче над мгновенной суетой,
И парадоксы наших потреблений
Неприхотливой лирою воспой.

О, эта магазинная обитель,
Чарующая магия витрин!
В которой отражённый потребитель
Найдёт себя среди колбас и вин.

Средь молотков, что дарят вдохновенье
Соседу на уснувшем этаже,
Среди колье в жемчужном обрамленье,
Среди яиц хохлатых Фаберже.

Вплываю я, как парусник в широты,
Со лба смахнув поваренную соль,
Минуя хомуты, колье и шпроты,
Узреть непостижимую Ассоль.

Но паруса не делают погоды,
Когда природа сдерживает пыл.
И от Ассоль я слышу год от года:
«Плыви-ка ты, откудова приплыл».

Прости-прощай, призывная обитель.
Среди земных и солнечных систем
Я для тебя всего лишь потребитель,
И ты мне не обязана ничем.

КТО-ТО И Я

Кто-то всех на свете продал,
Поступив нехорошо,
Кто-то нищему не подал,
Кто-то к паперти пришёл.

Кто-то сам себе дороже –
От ума и по уму,
Кто-то бьёт других по роже,
Кто-то любит – чтоб ему…

У кого-то дом с калиткой,
У кого-то без крыльца,
Кто-то шибко многоликий,
Кто-то вовсе без лица.

Кто-то верит в Зодиака
На груди небесных тел,
Кто-то тихо просит рака,
Чтобы громко не свистел.

Кто-то любит солонину,
Кто-то сахарный сироп,
Кто-то лезет на вершину,
Кто-то делает подкоп.

Для кого-то лесотундра,
Для кого-то – просто лес.
… А вот я сегодня утром
Похмелился – и воскрес!

ГОЛОВА МОЯ ПУСТА

Голова моя пуста.
В ней свободные места
Для стихов, что я швыряю
В топку белого листа.

Голова полным-полна.
Видно, скоро ей хана
От стихов, что прогорают,
Но не греют ни хрена.

Голова моя – качан,
Вместо задницы – топчан.
Ах, сударыня, уйдите.
Я ведь вам не назначал...

Что-то часто стали вы
С головой моей на «вы»...
Знать, негоже человеку
Вообще без головы.

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Под кровать убрав ночную скрипку,
Разбужу дощатое крыльцо,
Нахлобучив дивную улыбку
На бесперспективное лицо.

На траву сойду по трём ступенькам,
Где забор подслеповат и кос,
Мне полынь ударит по коленкам,
А потом подумает – и в нос.

Где, танцуя над коровяками,
Мошкара пускается вприсяд,
Где роса, как спиртовое пламя,
Как моча молочных поросят.

Выйду в поле, сяду и ответом
На вопрос моих остатних лет
Фразой «Хорошо в деревне летом!»
Вдруг пахнёт от городских штиблет...

МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО!

Кабы жил бы вне погоды –
Без вопросов и задач,
Постигая дни и годы
Лишь в созвездии удач.
Сердцем ровным и безликим
Да с душою налегке,
Всё мечтал бы о великом
В вислопузом гамаке.

Чтобы – как бы между прочим,
Ненароком, невзначай –
Стать ну кем-то очень-очень,
Хоть короною венчай.
Чтоб в довесок к тем утехам,
С выраженьем на лице
В стольный град под звоны въехать
На белейшем жеребце...

В стольном граде бабы, дети,
Старики и пацаны.
Все они по гроб, заметьте,
Одному тебе должны.
Ты поверх глядишь негрозно –
И глаза ласкает вид,
Где прижизненная бронза
И пожизненный гранит.

Отчего же конь взъярился,
И седок в один момент
Подлетел и опустился
Головой о постамент?
Тут болезного, наверно,
Упокоят в полный рост.
Кто сказал «Мечтать не вредно» –
Пусть приходит на погост.

ПРО СОЛОВЬЯ

Жизнь прекрасна, кто бы спорил, –
Дайте каждому свою.
Я сегодня набуробил
Пару басен соловью.

В рощу бросился галопом
Так, что волосы винтом.
Эх, когда-то мы с Эзопом! –
Ну да нынче не о том.

Принимала роща роды,
Испускал голодный свист
Пташкин сын – дитя природы,
Интернационалист.

Пригодилась пара басен,
Аж перехватило дух!
Я солисту в одночасье
Покрошил одну из двух.

Но певец сладкоголосый
Щёлкнул клювом, а потом
От меня умчался косо
Через рощу напролом.

То ли не чистопородный,
То ли птичий идиот.
Или вовсе не голодный, –
Если басен не клюёт.

Потому замечу, други:
Не встречал доселе я
Непонятливей пичуги,
Бестолковей соловья.

ПОЕДИНОК

Однажды столь неравных два явленья,
Как две дилеммы, впрочем, не для всех…
Поспорили Захват и Освоенье –
С надеждой на удачу и успех.

Захвату спор, что мёртвому припарки.
Ему – что деревеньку, что страну.
А Освоенье, подзаняв солярки,
Рвануло на шальную целину.

Как песнь, как мимолётное виденье,
И там, в пределах видимой земли,
Как никогда стремилось Освоенье
Осваивать невнятные рубли.

То колосилось рожью над обрывом
Среди задорных песен и невзгод,
То вдохновлялось собственным порывом
В надежде, что Захват его поймёт.

А у Захвата лопнуло терпенье.
И вот однажды – кажется, с утра –
Захват у Освоенья вдохновенье
Забрал единым росчерком пера.

Я б написал о чём-нибудь высоком,
Взяв у рассвета рифму напрокат.
Но почему-то снова ненароком
С Захватом так рифмуется… закат.

И ГРУЗДЬ ВО РТУ

Внимая осени подлёту,
Воспойте, сосны и дубы,
Мою бескровную охоту
На бессловесные грибы.
Сюда проделав путь недлинный
От городских забот и драм,
Я в лес вхожу, как в тир невинный,
Знакомым кланяясь грибам.

Бреду легко и поэтично,
Почти забывший о делах.
В руке корзина, как обычно,
В другой – ведро и нож в зубах.

А вот и встреча счастьем брызжет.
Ещё я делаю шажок,
И наклоняясь ниже, ниже,
Шепчу: «Приехали, дружок!».

Пусть он под ненадёжной крышей,
Да и в земле одной ногой,
Но ничего тут не попишешь:
Не я – так кто-нибудь другой…

…Сияет солнышко неярко,
Но не томит былая грусть,
Когда под дружескую чарку
Хрустит во рту солёный груздь!

1983. Ю. Панюшкин, В. Винокуров, В. Кудрявцев, В. Шабанов

В ОЧЕНЬ СМЕШАННОМ ЛЕСУ

Смешанный, то есть состоящий
из разнородных частей, элементов, участников.
«Толковый Словарь русского языка»

Звёздный крап, шальная карта –
Преферанс небесных тел.
Сладкий сон в начале марта
Невзначай ко мне слетел.

Не из пряника избушка
С кренделями на весу;
В лунном мареве опушка
В очень смешанном лесу.

Сбоку, спереди и сзади
Незатейливый покой,
А с опушки славный дядя
Машет доброю рукой.

Я подался к той улыбке
И услышал наяву,
Как кузнечики на скрипке
Запиликали ему.

Звери, птицы, рыбы, мошки –
Всяк теперь и свой, и наш;
На губах, как на гармошке,
Заиграли новый марш.

Загалдели дружным хором –
Кто кого переорёт,
А маслята с мухомором
Зарядили хоровод.

Волки стали попригоже,
И лиса не так ловчит.
Вот и дятел – вроде тот же,
Но по-новому стучит.

Я порадуюсь обновам
И увижу знак судьбы:
Как медведь в бору сосновом
Топчет старые грибы...

ЛЮБОВЬ ТВОЮ МОЛЮ О ПОМОЩИ...

Любовь твою молю о помощи
На склоне сумрачного дня.
Но ты закручиваешь овощи
И вновь тебе не до меня.

Крадётся август, травы скошены.
Стогов духмянится покров.
Но перца чёрные горошины
Тебе милее тех стогов.

Как никогда, я нынче в тонусе,
Но предлагаешь мне взамен
Любить грибы в томатном соусе
И со свекольным соком хрен.

Вечерних грёз пусты мгновения,
И разбивается закат
Последней каплею терпения
О твой рассол и маринад.

И вновь ты мне внушаешь ласково,
Что к нам, мол, сами не придут
Арбуза вкус солёно-сладкого,
Где под наливочку уют.

…И зимним днём в застольной благости
Найду я нужные слова
О том, как в маринадном августе
Была ты, милая, права.

АЭРОФЛОТ

Можно позабыть вчера,
Что на завтра задали,
Но не можно, чтоб с утра(!)
Самолёты падали.

И к обеду не с руки,
К ужину – тем более,
Потому-то, мужики,
Засыпаю с болью я.

Снится чей-то приворот,
Тёмная околица,
Где мужик – Аэрофлот –
Девкою становится.

Слышу эхо за версту:
«Извините, видите ль,
Я купил в Китае ТУ,
А в Тайване – двигатель».

…И роятся, гражданин,
Мысли несуразные,
Что штурвал у нас один,
А пилоты – разные.

СЛАВА ГИБДД!

От Тольятти до Улан-Удэ,
От Москвы и до окраин с краю
Славлю я тебя, ГИБэДэДэ,
А сказать точнее – прославляю.

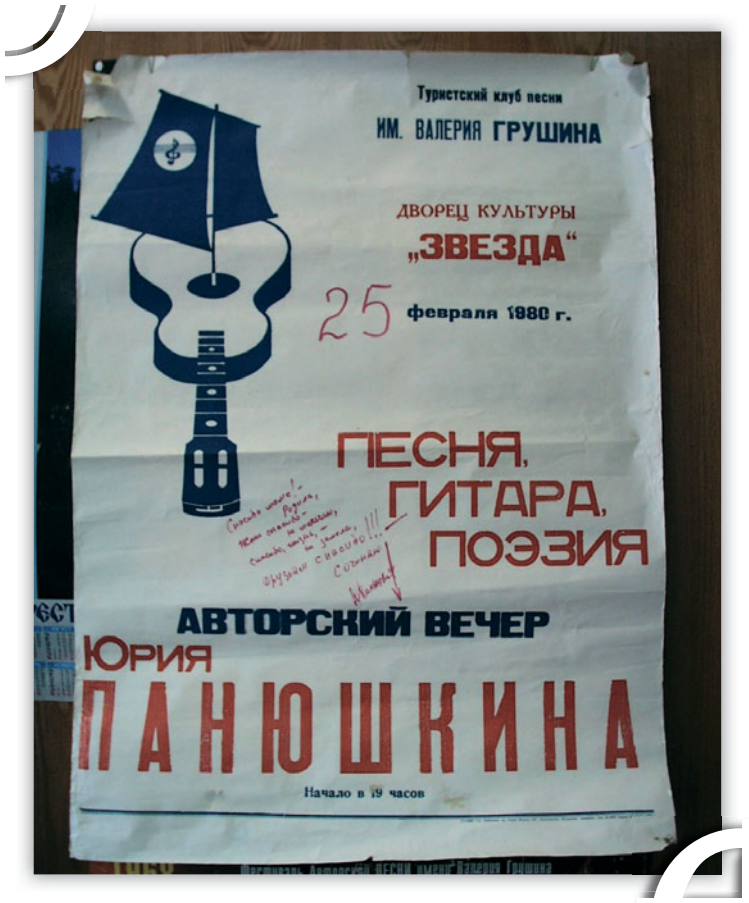
И когда на запад и восток
Еду бездорожно-кочковато,
Вспоминаю жезл и свисток
У того, кого люблю – как брата.

Этот парень статен от и до,
Весел, как гроза в начале мая,
И улыбка, как у Бельмондо,
В общем, очень добрая такая.

Подбирая нежные слова,
Млеет от взаимоуваженья, –
И такому ты свои права
Даришь без обид и сожаленья.

Пусть он их по жизни пронесёт
Сквозь невзгоды, страсти и мордасти,
Как своей профессии зачёт,
Где таится неизбежность власти.

И озвучив пламенный привет,
Крикну в голос, рифму подытожа:
«Мне в дороге вас дороже нет!
И не будет никого дороже!»



1980. Афиша первого авторского концерта

УЧИТЕ РУССКОМУ ДРУГ ДРУГА

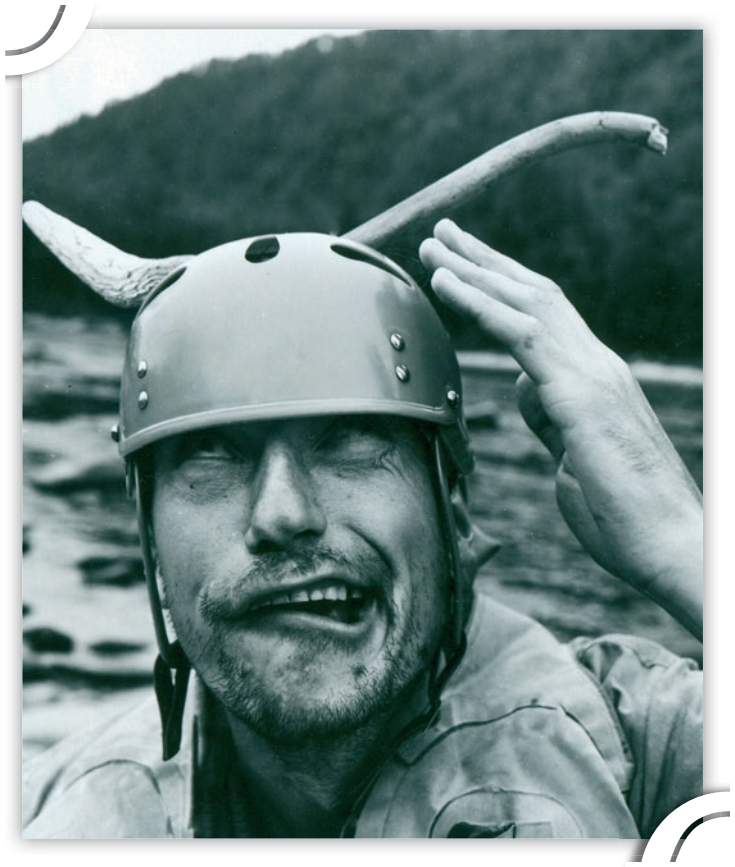
Для всех чудес не хватит пальцев,
Хоть пальцев и у нас немало.
Учите русскому китайцев –
Так, чтоб им стало не до Мао.

Где высь без журавлиных клинов,
А если вьюжно, то уж вьюжно,
Учите русскому пингвинов –
Им, как китайцам, это нужно.

С принципиальностью вахтёров –
То врозь, а то попеременно –
Учите русскому актёров
И педагогов постепенно.

Ужель нам скоро, паче чаянья,
Грозят моральные увечья –
Тошнит экран телевещанья
От иностранного наречья.

Легко сойти с родного круга,
Чужим командуя парадом.
Учите русскому друг друга.
А если что – я буду рядом.



1983. Юра, изобрази, что ты олень

ВНЕ ЗАКОНОВ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

То ли сон забубенный приснился,
То ли это изжога от кетчупа,
Но со мною латыш помирился,
Потому что делить, мол, нам нечего.

Вновь на юрмальском пляже по дамам
Западаем с улыбкой холопскою,
Фантастически-рижским бальзамом
Бальзамируя нашу «Московскую».

В небе солнца балтийского бубен.
Что ж так чайка кричит, будто к проводам?
Мой товарищ пока что – не Юрген,
Просто Юрка, мой тёзка, и всё тут вам.

Но разверзлись небесные хляби –
Не указ им ни Волга, ни Балтика.
И в ином неприкрытом масштабе
Взгляд, душа, паспорта и геральдика.

Ветру нравится быть леденящим,
Солнцу – бубну дубасить по темени.
Но не быть нам с тобой в настоящем
Вне законов прошедшего времени.

«КАК БЫ» ГОСПОДА!

Наши головы не слабы,
Мыслей пенится ситро.
Но когда я слышу «как бы»,
У меня зудит нутро.

В тундре – волки, в море – крабы
Не страшны – ни те, ни те.
Но меня пугает «как бы»
В идиотской простоте.

Что-то «как бы» слышать, видеть,
«Как бы» быть или не быть,
Что-то «как бы» ненавидеть,
Что-то «как бы» полюбить.

Вот пишу сейчас и маюсь,
Словно гвозди с молотком,
Потому и объясняюсь
«Как бы» русским языком.

ЧЕМ БЛИЖЕ, ТЕМ ЯРЧЕ

Друзьям аквалангистам

Я истину как-то усвоил одну,
Пусть даже и не без сомненья:
Как это ни странно, чем ближе ко дну, –
Тем ярче твои впечатленья.

Не ждите – не лягут земные снега
На очень подводные скалы.
И если растут у кого-то рога,
У аквалангиста – кораллы.

Надеюсь, не станет никто возражать,
Что мы веселы и не грубы.
А чтобы загубник во рту удержать,
Нужны нестандартные зубы...

Когда сухопутный приятель спросил:
«А, ну-ка, давай признавайся,
Кто доброй акуле плавник прокусил!?» –
Я скромно сказал: «Догадайся… ».

Рискуй, выбирая камин или печь,
Гуляй в гололёд по карнизу.
Но хоть иногда постарайся усечь,
Что все мы откуда-то снизу.

И если в себе глубину не искать,
То будешь по жизни – балласт ты.
А значит, нам снова нырять и нырять,
Пока мы не «склеили ласты». *

** Для аквалангиста «склеить ласты» – это как для наездника «отбросить копыта». (Шутка народная)*

ГДЕ-ТО ОЧЕНЬ НАВЕРХУ

В наш век великий и убогий,
Других забав сполна лишён,
Я так хочу платить налоги,
Что сам себе порой смешон.

Минуя улочки и скверы,
Перед заветным встав крыльцом,
Горжусь, естественно, без меры
Своим физическим лицом.

И вспоминается невольно,
Как где-то очень наверху:
«Плати налог – и спи спокойно», –
Шепнула Ева жениху.

Расскажет вам Тамбов и Хайфа,
Какой в раю поднялся гам,
Когда с добавочного кайфа
Не заплатил налог Адам!

Жаль, я той службе не подмога.
Но вы не «клейте» мне вину,
Поскольку моего налога
Едва хватает на жену.

1983. Станислав Казаков, Людмила Стефанюк, Юрий Панюшкин

ДЕНЬ ГОРОДА ТОЛЬЯТТИ

Игры придумывать –
славный обычай.
Жить без придумок и скучно,
и стыдно ведь.
… Вам две картинки,
где десять различий
Нужно найти, обнаружить
и выявить.

1

Вот лазурный и раздольный
Небосвод над головой.
Соловейка – бард безвольный –
Воспевает край родной.

В дополнение картины –
Чистый пляж и ближний лес.
То берёзки, то осины –
Поэтический замес.

Вот кафе, а вот как будто
И ступени, и гранит.
Тут же памятник кому-то,
Кто на лошади сидит.

Дальше город – шумный, разный,
Тот, что память теребя,
Вновь на старт выводит праздник
В честь любимого себя...

2

…Та же самая картина
Для тебя и для меня:
Вот кафе, а вот мужчина
(Почему-то без коня).

На пейзаже чем-то разом
Небосвод заволокло.
Соловей подбитым глазом
Ищет тихое дупло.

Чистый пляж, где был так важен
Поэтический замес,
Бытовым дерьмом украшен,
Впрочем, как и ближний лес.

Дальше город – разный, шумный,
Где привычно каждый раз
Сводит некто очень умный
Свой сравнительный баланс…

ИСТИНА

За рюмкой во дворце ли, в хате
Находит истина ответ.
И дремлет мордою в салате
Наш показной менталитет.

И состоявшийся философ,
Услышав голоса извне,
Себя не мучает вопросом,
Поскольку «истина – в вине».

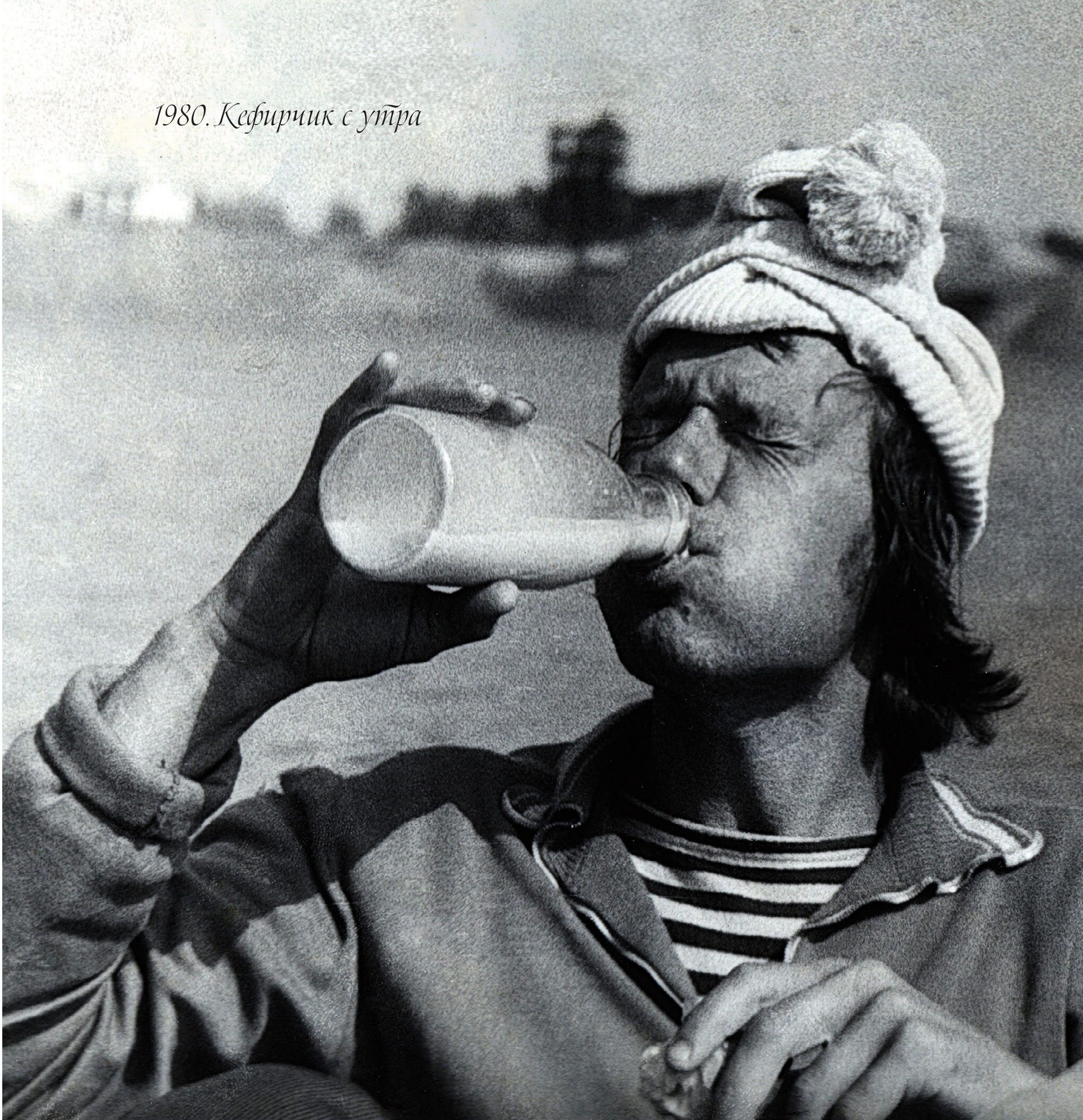
Нам как основу мирозданья
Себя увидеть суждено –
Когда вобьём свои желанья
По горло в тёмное вино.

Зато наутро будет повод,
Чтоб осовевшие сыны
Переиначили свой город
В село Большие Бодуны.

Чтоб снег нетронутый калеча,
Как после самых страшных снов
Брести самим себе навстречу
По филиалам Бодунов.

Несётся тройка-Русь шальная:
Не опоздать бы на питьё.
И колокольчик – дар Валдая –
Разбит копытами её.

1980. Кефирчик с утра



ВСЁ ПРОИСХОДИТ НА ЗЕМЛЕ

2008. Грушинский

РОЖДЕНИЕ БАРДА

Рождение бардов, или проще говоря, звёзд на небосклоне Грушинского фестиваля — событие всегда замечательное. Звёзд было много. Одни зажигались медленно, настойчиво и светятся и греют до сих пор. Некоторые пролетели яркой кометой и скрылись за горизонтом.

А громче всех прогремело одно имя, которое принадлежит человеку столь необыкновенному и бесспорно талантливому, но настолько непредсказуемому, что это стало притчей во языцех. Я имею в виду, конечно, Юрия Панюшкина.

Хорошо помню, как он впервые появился в турсекции политехнического института. Однажды наша туристка Галя Одуванчик притащила с собой к нам, чтобы покататься на яле по Волге, свою подругу, тоже Галю, работавшую официанткой в ресторане «Жигули». С ней пришли два симпатичных парня. Один из них носил картуз, немного заикался и постоянно таскал с собой потрёпанную гитару. Звали его Юра.

Мы тогда попали под шторм, чуть не угодили под баржу, зацепили за буксирный трос и сломали руль. Каким-то чудом нам удалось подойти к берегу, и мы сошли с потерпевшего бедствие корабля на сушу, забыв, по халатности, стравить паруса. Неожиданно резким порывом ветра ял, вместе с остававшимися на нём Юрой и Галей Одуванчиком, оторвало от берега и на огромной скорости понесло прямо под колёса огромного парохода. Мы замерли от страха: ял летел вперёд под полными парусами без руля...

Но, к счастью, всё обошлось. После небольшой паники Галя, как самая опытная матроска, опомнилась и объявила себя капитаном, потому что Юра в этом деле был зелёным новичком.

— Руби все фиги! — истошно закричала она на каком-то странном морском жаргоне. Младший матрос Панюшкин не сразу понял, что надо рубить, но сообразил, что это как-то связано с парусом, и лихорадочно начал искать топор. Должно быть, следующие команды прозвучали на более понятном языке, потому что капитан и матрос, объединив усилия, начали отвязывать фал и травить все паруса к нашей великой радости.

Вдохновлённая спасением другая Галя, официантка с огромным опытом, тут же поймала моторку, укатила на ней на местный рынок и привезла целый ящик водки и целое море продуктов. В честь успешного завершения плавания мы устроили на острове Голодном такой праздник, что пыль долго стояла столбом.

Юра дал сольный концерт и насмерть сразил нас своими талантами. Мы уже не могли расстаться с ним просто так и затащили его в свой клуб. Кажется, Юра тогда работал жестянщиком. Он немного сутулился, держал руки в карманах и пел блатные песни.

В клубе ему удалось быстро найти единомышленников и очень хорошо вписаться в команду Сергея Филиппова, он стал ходить с ней в походы и начал сочинять свои первые песни. В нашем институте Панюшкин проучился всего два месяца, но уйдя из него, остался в туристской секции.

Почти сразу его заметил Борис Кейльман и начал водить на все громкие мероприятия. Дело кончилось Северным морским путём и институтом культуры. Потом был переезд в Тольятти, знакомство с Юрием Визбором, новые песни, авторские вечера, срывы и падения, побег на Колыму, возвращение блудного сына, снова взлёт, выпуск первой пластинки на фирме «Мелодия» и книги. Так в великих муках родился ещё один бард.

Вот отрывок из аннотации к одной из Юриных книг:

«В данном издании представлены стихи, песни и афоризмы легендарного российского барда, актёра, поэта и композитора Юрия Панюшкина, вошедшего в первую сотню лучших бардов России». Интересно было бы уточнить, кто входит в список остальных 99 бардов.

Ещё тогда, в самом начале его карьеры, когда всё казалось шуточным, я, подтрунивая над ним, как-то сказал:

— Юра, когда станешь великим и знаменитым, нас уж не забывай, не зазнавайся, и мы прославимся, как твои друзья!

Он воспринял мои слова так серьёзно, что, перестав заикаться, снял фуражку, прижал её к груди и со слезами на глазах сказал так, как будто поклялся:

— Ребята! Если я когда-нибудь дам повод думать, что стал другим, тогда попросите у меня шапку, — и он сунул сжатый кулак в свою фуражку, — и наложите туда, кто сколько захочет. Ребята, да разве я смогу стать другим?!

Табрис КАРАМАЛОВ,
участник зимовки в советской антарктической экспедиции

1988.
Колыма.
С дочерью
Сашей

Чудо белобрысое в маленьких сандаликах…

КЕМ БЫТЬ?

У меня растут года,
Скоро будет много.
Чем заняться мне тогда,
Где моя дорога?

Я учён не по годам,
С этим всё нормально.
И любому фору дам –
Интеллектуально.

Мне и полюс по плечу,
Где мороз по коже.
Я в полярники хочу –
Пусть научат тоже.

Сталеваром, скрипачом
И ветеринаром.
Мне хоть кем, хоть стукачом, –
Лишь бы не задаром.

Знают даже малыши,
Что кому охота.
Все работы хороши.
…Если есть работа.

ПРО ДЕТСАД

По словам завхоза Шварца
Из районного детсада,
Был уже тогда я, братцы,
Неспособен жить как надо.

И делился манной кашей
Каждодневно без обмана
С пацаном, что звали Сашей,
Внуком сторожа Степана.

Санька вылез бледно-серый
Из детсадовской юдоли.
Но сварил себе карьеру
На приличном солидоле.

Интендант на пике даты,
Он вчера сказал в беседе,
Что в его судьбе – караты,
А в моей – стекляшки в меди.

В ресторанном ералаше
(То ли сам себе не верю)
Потянуло манной кашей
Через кухонные двери...

За окном катилось в осень
Солнце звонкою монетой,
И уже вставали гости,
И почти замёрзло лето.

То ли осень вне зачёта,
То ли в доме мало хлеба –
Мне напомнили о чём-то
Облака в тарелке неба.

Если вдруг случится, братцы,
Что уйду не так, как надо,
Не ругайте дядю Шварца
Из районного детсада.

1995. Вместе с мэром Тольятти Сергеем Жилкиным и знаменитыми гостями

КАК МИЛО СОЛНЦЕ СВЕТИТ

К студенческому спектаклю

Как мило солнце светит,
Как козочка – «бе-бе»,
Ах, как на этом свете
Мы нравимся себе!

Кого-то там повесили,
Не хмурьте ваши личики.
Мы вылечим вас песнями –
О дождичках и птичках.

Быть бунтарём опасно –
Не тратьте нервы зря,
Ведь всё вокруг прекрасно,
Не правда ли, друзья?

Весёлые и бравые –
И с вами мы, и с ними.
Не левые, не правые –
Всегда посередине.

Как мило солнце светит,
Как козочка – «бе-бе»,
Ах, как на этом свете
Мы нравимся себе!

Мы нравимся себе!

ЭХ, ЯБЛОЧКО!

Отряд не заметил
Потери бойца
И песню собрался
Допеть до конца.

Да вот незадача:
Не знают бойцы,
Какие у песен
Бывают концы.

Бойцов беспокоит
Резонный вопрос:
«Куда он с собой
Партитуру унёс?».

На сёдла вставали,
Аукали в рост,
Но поздно –
Уже проскакали сто вёрст.

Комдив удалой,
Что всему голова,
Сказал, подбирая
Лихие слова:

«Новые песни
Придумает жизнь.
Приказ запрещает
О песне тужить.

Пусть пылью покроется
Эта верста.
По коням, братишки!
Аллюр, три креста!».

Они поскакали,
Сверкнули клинки,
Да так и пропали
В степи мужики…

Одна для меня в этой буче отрада:
Седую былинку смахнувши с лица,
Боец не заметил потери отряда
И «Яблочко»-песню допел до конца.

Дню пионерии

В эпоху непреложной истины
Звучал, по-своему хорош,
Весёлый друг и враг неистовый
Засилья полусонных рож.

Входили в круг года бедовые,
Являя как бы новый стиль.
Плясали палочки кленовые,
Дробя советскую кадриль.

Ложь не замажет паутинная
Тот славный галстук в три луча,
Где в шароварах из сатина я
Смотрюсь на фоне кумача.

Стою, как веха поколения,
Как гений в чистой красоте.
А на груди значок от Ленина
И барабан на животе.

Мы с ним сквозь шёпоты и ропоты
Прошли – водою не разлей,
От сельской пионерской комнаты
До всесоюзных лагерей.

Заря случалась непогожая,
Но задавал товарищ тон:
Чем крепче бил его по коже я,
Тем был отзывчивее он.

По небу плыли туч калачики,
Когда не смог ему помочь:
Украли друга подкулачники
И унесли в сырую ночь.

Там за околицей под вишнями
Его казнили, говорят,
Два комсомольца – очень «бывшие»,
И третий – тоже демократ.

Но если память станет раною,
То пусть меня сквозь гул ветров
Окликнет дробью барабанною,
А я с утра – «Всегда готов!»

2004. День пионерии. С Олегом Янченко

ПРО НИНУ-КОМСОМОЛКУ, ХУЛИГАНА И СЕКРЕТАРЯ ЯЧЕЙКИ

Я вам расскажу, как это было:
Под густой развесистой сосною
Комсомолка Нина полюбила
Хулигана раннею весною.

Он умел играть на мандолине
И носил в кармане острый ножик,
И тогда уже казалось Нине,
Что на свете нет его дороже.

Нина с хулиганом на скамейке
Любовалась солнечным рассветом,
К ним подходит секретарь ячейки,
И при этом хмурится, при этом.

Он сказал, что на бюро райкома
Мы решили, поздно или рано,
Исключить тебя из комсомола,
Если ты не бросишь хулигана.

Хулиган поднялся из скамейки
И сказал: «По-вашему не будет!».
И убил секретаря ячейки,
Тот упал на землю прямо грудью.

Солнце поднималось из тумана,
За рекою песни раздавались,
Комсомолка Нина с хулиганом
На скамейке нежно целовались.

…Так они друг друга и любили
Под густой сосной и даже дома;
Через двадцать лет их сын Василий
Стал у нас ... секретарём райкома.

ОСЕНЬ. ЛЮБОВЬ. КОМСОМОЛ

Нам про свадебные кольца
Спой, родимая сторонка.
Полюбила комсомольца
Беспартийная девчонка.

И она ему такая
Приглянулась – да уж ой как!
Знать, винца хмельней хмельная
Лета бабьего настойка.

А потом, чего уж проще,
Но и как сказать об этом, –
Золотая помнит роща
Торопливые ответы.

И однажды он решает
Поменять свой серп на молот
И, конечно, уезжает
От неё в далёкий город.

Через год пришло письмишко
(Плачь не плачь, а фиг ли толку),
Что в невесты тот парнишка
Взял студентку-комсомолку.

… Журавлей многоголосье.
Листьев золото – возами.
За околицей та осень
Плачет чистыми слезами.

ПРО КОМСОМОЛ

День крепчал. Из бодрых тучек
Дождь со снегом чушь молол.
Октябрело. Хочешь, внучек,
Расскажу про комсомол?

Было время: ногу в стремя,
Уши дыбом, пыль в вихрах –
И максимовые трели,
И кронштадтский прибабах.

Старый мир нам корчил рожи, –
Мы ж в такой входили раж,
Что поныне в мелкой дрожи
Пол-Каховки и Сиваш.

Не гаданье по ромашке,
Нам Устав – отец родной.
Атеистские замашки:
Бога нет – и крест долой!

То болотная зараза,
То целинный недород.
БАМы, ВАЗы и КамАЗы –
Нашей жизни переплёт.

Где ж теперь попутный гений?
Видно, встреча не с руки.
В арифметике мгновений
Паровозные гудки…

Сверлят даль стальные очи.
В битву рвутся дух и плоть.
Спи, малыш, спокойной ночи,
И храни тебя, Господь.

ЗАДАВАТЬСЯ ЛЬ ВОПРСОМ?

В треске мирных салютных разрывов
Почему же опять – о другом?
Коридорное эхо архивов
Бьёт под дых, как чекист сапогом.

И не просто – вот так, а с оттяжкой,
Чтоб отбило охоту и раж
Вспоминать, как победные марши
Мы сменили на лагерный марш.

Не луна нам срока ворожила
Среди туч в жёлто-грязном пальто.
И большая страна не спешила
Задаваться вопросом: «За что?».

Не за то ль, что последним зарядом
Я убил не себя, а врага,
А из плена бежал, чтоб наградой
Мне колымские стали снега.

Где столичной забавой искрится
В них салюта весеннего гроздь,
И забытых амнистий зарница –
В отраженье рубиновых звезд.

1983. Панюшкин и Шабанов подрабатывают грузчиками. Гофалария

КТО УГОДНО, НО НЕ ТЫ

Во саду ли, в огороде,
На бегу и при ходьбе –
Культивируем в природе
Отношение к себе.

Среди лысых и патлатых,
Заменяя местью лесть,
Вновь находим виноватых –
Слава, Богу, опыт есть...

Жалят душу мысли-змеи,
Мол, виновны те и те:
В революциях – евреи,
А цыгане – в наркоте.

Коль достали гнусь и лажа,
То при чём же тут еврей,
Если вспомнить, сколько в каждом
Понамешано кровей...

Рано грёзы поседели
И увяли, как цветы.
А виновен в беспределе
Кто угодно, но не ты.

И не стоит удивляться,
Если всклоченный народ
Снова кровушкою братской
Окропит кронштадтский лёд.

Вьюга бесится в овраге:
Знать, не терпится седой
Замести следы и флаги
Между небом и землёй,

Между памятью России,
Где и пряники под плеть,
Между всем, о чём забыли, –
Чтоб однажды пожалеть.

ЭТО ВРЕМЯ НЕУМЕРШИМ ОКОМ

Это время неумершим оком
Нашу память заряжает впрок.
Нам не пожалеть бы ненароком
Вашу жизнь, читая между строк.

Так недавно были вы достойны
Почестей, наград, и слов, и слав...
Но слетают имена покойных
С кораблей, заводов и застав...

Кто же, Русь, вдолбил тебе науку,
Где святая вера – через страх?
На богов не поднимаем руку,
Если Бог еще на небесах...

Свет в глаза из полусгнивших ставен –
Весть от замордованных людей:
От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей.

Где, в какой тайге слетает с веток,
На каких поваленных стволах
Эхо незабвенных пятилеток,
Звонкое, как звенья в кандалах?..

Это время неумершим оком
Нашу память заряжает впрок...
Что ж так долго, будто ненароком,
Вспоминаем заданный урок.

1978. Свадьба Юры и Тани

СОКОЛ МОЙ

Памяти писателей и поэтов,
возвращавшихся из эмиграции
и погибавших в сталинских лагерях

– Где кружил, сокол мой?
Что видал, чем земля красна?
– Я видал край такой:
Что ни день – лето да весна…

– Что ж назад, сокол мой?
Глянь: стрелки уж приклад к плечу…
– Пулю ту под крыло
От своих, чай, не получу…

Не февраль будет плыть
Над землёй да над стылою.
Не душа ль будет выть
Над собой над постылою.

Сокол мой, больно петь –
Улетай, долго ль до зимы…
– Научи, как взлететь
С перебитыми крыльями…

МАЮ – МАЙ!

Пусть в сотни дудок грянет Первомай,
Чтоб сесть – так сесть, а если встать – так встать!
Пусть солидарность хлещет через край
Туда, куда ей хочется хлестать.

В забавах новоявленных вождей
И в перспективе собственной мечты
Я разгляжу лишь пользу для людей
И разучусь впотьмах сжигать мосты.

И наш богобоязненный народ
Меня оценит, как никто другой.
И вновь запустит в общий хоровод,
И я оттуда больше ни ногой.

И флаги пусть трепещут по весне
Над самой захудалою трубой,
Но дай-то, Боже, в этой трепотне
Мне солидарным быть с самим собой.

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Успокойтесь, сядьте в ряд –
Вот вам правда, дети,
Как мы свергли все подряд
В девяносто третьем.

Мы ж за волю вольную,
Суд вершили Божий.
Ничего, что с кольями
Да с похмельной рожей.

Где с размаху – молотом,
Где серпом – по шее,
И в ладоши хлопал нам
Тот, кому виднее.

То-то будет славный пир
На костях неправедных,
Мы разрушим этот мир
И построим правильный...

А сейчас, детишки, разом
Встать, надеть противогазы
И пошли гулять в строю,
Запевай любимую:

«Эх-да, горе не беда,
Что сгорели города,
Комары, букашки, мошки,
Дяди, тети и матрешки,
Но зато простор какой –
Тем, кто до сих пор живой!».

И как будто песне внемля,
И заплакав, как дитя,
Буря мглой покрыла землю,
Вихри снежные крутя...

БЕЗ РЕВОЛЮЦИЙ

Как бы странно ни звучало это,
Но опять с наивностью ребячьей
Я хочу изобрести планету,
Новую планету, не иначе.

Чтоб, держа в ладонях купол-блюдце,
Звёздный чай пила, не обжигаясь, –
Без понтов и прочих революций,
Посекундно совестью не маясь.

Чтобы голос в крике не срывался,
Если песню не услышат, либо
Чтобы жлоб над хамом рассмеялся –
И за это хам сказал «спасибо».

Чтоб смолою пахли ёлки-палки.
Пироги – к столу, малина – к чаю.
Чтобы с кем угодно в догонялки,
Только не с любовью, умоляю.

Небеса улыбчиво-спокойны,
Даже грозы, да и те смеются
На планете, где из моды войны,
Вышли, чтоб обратно не вернуться.

Веря в жизнь, как в добрую примету,
Где на фоне истин меркнут слухи.
Я хотел изобрести планету…
Только вот жена опять не в духе.

ГЕЙ, СЛАВЯНЕ!

Оглянуться не успел,
А уж как-то разом
Чересчур перекипел
Возмущённый разум.

Первомайская заря,
А во рту протезы.
Варшавянка втихаря
Пьёт без Марсельезы.

Солидарные миры
Мелки да не густы:
Ненадутые шары
И пустые бюсты.

Проредило время рать –
Где вы, наши кони?
Знать, уже не проскакать
Всем в одной колонне.

Гей, славяне! Слышь-ка, брат,
Угостил бы салом.
Слово за слово и мат,
Да и по сусалам...

Нынче спросится с кого,
Кто поведать в силе, –
Как добились своего
И своих добили.

…Отутюжу-ка пиджак,
Бантом грудь помечу.
В душу – память, в руки – флаг
И заре навстречу.

Шторм немыслим без коленцев, –
Зачастил девятый вал.
Наших волеизъявленцев
Кто-то «слугами» назвал.

И по-царски, без натуги,
С добротой во всё лицо
Нас потаптывают «слуги»
За обидное словцо.

В самом деле, несерьёзно
Обзывать «слугой» того,
Кто ни рано и ни поздно
Вам не должен ничего.

Всяк по-своему контужен,
Но усвойте, как один,
Кто со «слугами» не дружен –
Тот себе не господин.

Кто моралью не замазан
И в гордыне не сопрел, –
Тот «слуге» подать обязан,
Чтоб «слуга» не захирел.

Вновь, как водится, для виду
В стенку целится горох.
А в Большом дают «Аиду»,
Потому что кролик сдох.

«Буря мглою небо кроет» –
Ни просвета, ни следа.
И ведут нас за собою
Наши слуги, господа.

На дубу чернеет ворон.
Камбала на дне морском.
По зиме одежда – колом,
А в июне – пыль с песком.

А весной отсель до селя
Ветры тёплые в редут.
Всенародное веселье –
Снова выборы грядут.

Будьте так добры, ребята,
Не рифмуйте «тень – плетень».
Пожалейте кандидата,
Заполняя бюллетень.

И с открытыми глазами,
И с душою нараспах
Вы в кабинку только сами,
Но за совесть – не за страх.

Разом жизнь перевернётся.
Ты представь, что, например,
Нам с тобою улыбнётся
Добрый милиционер.

Спрячет потную дубинку
(А зачем ему она?),
Если мы войдём в обнимку
В ту страну, где сплошь весна!

Где не тары-растабары,
Не заведомый кукиш,
Где с аванса на Канары,
А на пенсию – в Париж.

Мимо леса, мимо лога
Волга вольная течёт.
Молодым – везде дорога,
Старикам – опять почёт.

Трактор прёт по жирной пашне,
Только вдруг заглох и встал.
Я бы тоже бредил дальше,
Да чего-то подустал…

ПЛАМЕННАЯ РЕЧЬ КАНДИДАТА В …

Братья, сестры! Сестры, братья! –
Нету ближе и родней.
Всех бы вас хотел обнять я,
Кабы руки подлинней.

Все верну вам, дорогие:
Школы, пашни и забой.
Я скромнее, чем другие,
Но зато хорош собой.

И скажу о главном самом
Как страны достойный муж:
«Всем раздельный узел с саном,
Ночью сон и утром душ!».

Разбирайте осень, лето.
Ваши – зимы и весна,
Два притопа, три привета,
Палки-ёлки, дуб-сосна!

Нынче всем – штаны и платья!
Ветер в спину, море в брод.
Всё вам – сёстры, всё вам – братья,
От души и от щедрот.

Столько, что и не обшаришь,
Дам вот этою рукой.
Выбирай – не проиграешь,
Проиграешь – сам такой!

Мне ль искать в моем народе
Кто не русский? Кто еврей?
В общем… наши на подходе,
Так что думайте скорей!

ОТВЕТ ВАЖНОГО ЧИНА

«Причина, собственно, одна,
Когда бы только не она,
Уж мы преступный элемент
Скрутили бы в один момент.
Мы б им устроили точь-в-точь
Варфоломеевскую ночь,
Никто бы серењким мышом
От наказанья не ушел.

Вот тут имеется досье,
В котором абсолютно все –
От мелкой сошки «без лица»
И вплоть до крестного отца.
И адреса, и имена,
И очевидная вина.
Кого здесь только нет – увы,
И, извините, даже вы.

У нас в руках и меч, и щит –
Такой, что Бога защитит.
Конечно, если б только Бог
Нам в этом чуточку помог.
На бой готовы хоть сейчас,
Когда бы был на то приказ...» –
И, уходя в крутой намёк,
Чин указал на потолок.

Вкусив речей чертополох,
В сердцах на землю плюнул Бог
И сгинул в божьей конуре,
Держа ладонь на кобуре.

БЕСЕДА ДО ОБЕДА ПОЧЕТНОГО ГЕНЕРАЛА И СЕРОГО КАРДИНАЛА

Почетный генерал:
Прошу прощенья, кардинал,
Вы мне ответить не хотите ль,
Зачем сегодня нас собрал
К обеду званому Правитель?

Я не пугался грома битв,
Где слава мной была ведома,
Но мне печенка говорит,
Что лучше б я остался дома...

Конечно, я в наградах весь,
Горжусь почётами и званьем,
Но вам не кажется, что здесь
Сегодня пахнет отпеваньем?

Кого-то будут хоронить.
И хоть мы все в гостях у Бога, –
Пожалуй, надо уходить,
К тому же у меня изжога.

Не нужно шибко быть ученым,
Когда вокруг лакеи в чёрном.

Серый кардинал:
Останьтесь, милый генерал,
Продолжим добрую беседу.
К тому ж не я вас приглашал
Сегодня к званому обеду...

Вы от души по всем статьям,
Всегда и впереди идущий,
Служили нынешним властям,
Как, впрочем, власти предыдущей.

Я дал Хозяину совет,
К вам, брат, питая уваженье,
Что лучше кандидата нет,
Чем вы – на жертвоприношенье...

Лишится Родина слуги,
Но разнесется слух в народе,
Что вас прикончили враги –
Скоты и жалкое отродье.

Затем, с обеда до обеда,
Террор – и полная победа!

Подумал генерал: "...Ну что ж, –
Потом разок перекрестился, –
От вас иначе не уйдешь", –
Попил, поел – и застрелился.

… А в ночь скончался кардинал:
Ему – ни много и ни мало –
Приснилось, будто б он попал
К утру на место генерала.

УВИДЕЛ НЕБО ЧЕЛОВЕК

Он сделал шаг из той колонны
И лёг крестом на хрусткий снег,
И над собою удивлённо
Увидел небо человек.

Там плыли города и веси,
Стелился над лугами дым,
Там были гимны, были песни,
И только он там был чужим.

Ладони небо зачерпнули,
В глазах – и всё, и ничего.
И конвоир, жалея пули –
Плясал на горле у него.

… И в час луны, в зверином счастье
Явились волки править власть,
И рвали мёртвого на части,
Над человечиной глумясь.

И РУХНУТ КОСЫЕ ЗАБОРЫ

Вот вам и здравствуйте, снова явление
Нового ажиотажа:
День примирения! Ночь примирения…
Утро и полдень – туда же.

Под словоблуд доморощенных гениев
Белых и красных когорты
Выйдут друг к другу на День примирения –
В рамках взаимозаботы.

Партий враждебных на День примирения
Рухнут косые заборы.
Так и послышится райское пение
В залпе злосчастной «Авроры».

Небо высокое, небо бескрайнее
Чуть облачками прикроем,
Пусть пролетят голубиными стаями
Над политическим строем.

…Утро туманное, зорька похмельная, –
Снова доносы и трения?..
Каждому ближе рубаха нательная.
Кончился День примирения.

МЫ ГОВОРИМ «НЕТ» ИЛИ «ДА»

Мы говорим «нет» или «да» –
Нашим друзьям, нашей любви.
Только судьбой будет судьба,
Как ты её ни назови.
Если же вдруг там на краю
Что-то не так станет в судьбе,
Ты позови память свою –
Ту, что ещё верит тебе.
Ты без неё не вернёшь
Тихий напев, добрый куплет.
Ты от неё не уйдёшь
За пелену прожитых лет,
К быстрой реке, что вдалеке,
Где по утрам мается дождь,
К белым снегам, к новым друзьям,
Там, где молчишь или поёшь.
Мы говорим «да» или «нет»,
То впопыхах, то на бегу.
А на реке долог ли след,
Дольше чуть-чуть на снегу.
Память шепнёт: «Я всё пойму,
Реки, снега не виня,
Только к себе самому
Не уходи без меня».

1952. Юра. 9 месяцев. Куйбышев

СПИНЫ ДЕТСКИЕ В ПРИЦЕЛЕ

Беслану сентября 2004

Вновь вопросом задаюсь сегодня,
Плача и сквозь зубы матерясь:
Из какой поганой преисподней
Выползает к людям эта мразь?

У которой так мозги сопрели,
Чтоб, чужой переступив порог,
Видеть спины детские в прицеле,
Где на взводе щёлкает курок.

Крик прощальный жжёт и горло сушит,
И осколком срезана лоза.
И, как стёкла, раскололись души,
И зола ложится на глаза.

Кто-то ляпнет: годы наши кратки.
Но при чём здесь кровь моих детей?!
…И опять чиновничьи отставки
И перемещенье должностей.

И ещё сто раз, а может, чаще
Молвит доморощенный мудрец –
Что, мол, все мы заплутали в чаще,
Вроде неприкаянных овец.

И мудрец, бывает, ошибётся.
Но скажу по чести, мужики:
Если с вами мы ещё не овцы,
То пора показывать клыки.

ЗИМОЙ ЛИ БЫЛО ЭТО…

Зимой ли было это,
А может, в сенокос,
Когда родился некто –
По имени Христос.

И первое, что брякнул,
Лишь начал говорить,
Что все, мол, люди – братья
И сестры, стало быть!

Но людям это надо доказать.
И вот они решили потому,
Что, мол, Христа неплохо бы распять –
И сразу будет видно, что к чему.

Он смерти врать не станет –
Слетайся, воронье! –
И сам, небось, признает,
Что это все вранье.

И только баба чья-то
Заплакала в платок,
Когда недобрым дятлом
Ударил молоток.

Но как не позавидовать Христу,
Ведь был посажен на добротный крест...
Но, проявив святую простоту,
Он, всем на удивление, воскрес!

Хоть были гвозди вбиты
Людьми в Христову кость,
А он теперь, поди ты,
Для них желанный гость.

Ему любой обмылок
На Пасху – кум и сват,
Но если нож в затылок –
То сват не виноват...

Ну как помочь смиренному Христу?
А может быть, посланника небес
По новой нам приколотить к кресту,
Покрепче – так, чтоб больше не воскрес?!

ДА БУДЕТ ТАК!

На чудотворной из планет,
Где всех когда-нибудь простят,
Христос крестился в тридцать лет,
А мне уже за пятьдесят.

Но, слава Богу, повод дан.
И под январскую метель
Впадает Волга в Иордан,
А я – в крещенскую купель.

Да будет так! И знаю хоть,
Что не очищусь добела,
Но ты благослови, Господь,
Меня на добрые дела.

Пока на мглистых берегах
Огонь той веры не потух,
Жив будет ныне и в веках
Моей Руси крещёный дух!

КТО МНЕ ДОКАЖЕТ, ЧТО ВСЁ ЭТО БЫЛО НЕ ТАК?

Если подумать – не так уж дела наши плохи.
Будем грустить, да и то не всерьёз, а слегка.
За полосой горизонта грядущей эпохи
Тает минувших столетий живая река.

Эти столетья в себя много истин вместили,
Жаль, что избитая истина стоит пятак.
Взрослым порой бы не грех обращаться к Мессии,
Кто мне – ребёнку – докажет, что это не так?

Мысли не часто у нас подчиняются сердцу,
А между тем для кого-то и вера – пустяк,
Но приходили волхвы поклониться младенцу,
Кто мне докажет, что всё это было не так?

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Били копыта дробь,
В брата целился брат.
Солнце сочило кровь
В рваный от пуль закат.

Новый глумился хам
Над красотой молитв.
Сердца взорванный храм
Скоро не отболит.

В самой большой тюрьме
Люди играли в месть
И запрещали мне
Верить в благую весть.

И за верстой верста –
Горбилась память лет:
Нет, мол, и Рождества,
И Воскресенья нет.

Пьяная мгла вприсяд,
Топчет кресты нога.
В красном углу висят
Кожанка и наган.

Колокола небес
Падали в слёзы трав, –
И всё же Христос воскрес,
Смертию смерть поправ!

СЧИТАЛОЧКА РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ

Раз-два-три-четыре-пять!
Ты к станку, а я – пахать.

Ты бузишь на всю Рассею –
Я с утра пораньше сею.

Ты мне новый строй дурацкий –
Я тебе обрез кулацкий.

Наш колхоз – «Всему заря»,
Шаг ему до лагеря.

Мы – интернационал.
Здравствуй, Беломорканал!

Тут и смычка: тили-тесто!
Мой жених, твоя невеста.

Им с почётом вручена
Была пила двуручена.

Что проходит – то прошло.
Врозь нам тоже хорошо.

Нынче время перемен:
Я те руку – ты мне хрен.

Сколь считаться?
Сколь считать?
Кабы ведать…
Кабы знать…

ВСЁ ПРОИСХОДИТ НА ЗЕМЛЕ

И вздох травы, и свет во мгле –
Всё происходит на Земле.
И шорох листьев поутру,
Осенней песни на ветру –
Всё происходит на Земле.

Зимы холодной маята
И рук любимых теплота,
И разговор дождя с весной
На старой просеке лесной.
Всё происходит на Земле.

Разливы рек, морская даль
И смех, и светлая печаль,
И шёпот губ, и гул молвы,
И запах скошенной травы.
Всё происходит на Земле.

И давний век, и новый миг,
И первый материнский вскрик...
Лишь только б мы понять смогли,
Что происходим от Земли.

1983. На плоту Шабанова в пороге Миллионный

НАЧЕКАНИТ ОСЕНЬ ЗЛАТА

1997. Норильск

РЫЦАРЬ ДОРОГ

Что человека делает бардом — поэтом, композитором, исполнителем? Каким-таким даром награждает природа Автора, что слово и мелодия зарождаются в его душе и однажды выплёскиваются наружу, становятся песней? Одну из них подхватывают люди и поют её вслух. Другую прячут в сердце, мурлычут в радости или в горе, записывают в тетрадку, на кассету магнитофона. И уже не могут представить себе, что раньше такой песни просто не существовало.

Наверное, горы, реки, байдарки и строй палаток навсегда оставляют зарубки в памяти человека. Только кто-то и после многомесячной экспедиции не сложит даже пяти слов в строку, а другому достаточно одного рискованного сплава на плотах по порожистому руслу, чтобы извлечь из гитарных струн мелодию переката. Пожалуй, для этого всего и надо быть творцом. И уметь видеть и слышать всё вокруг себя под особым углом.

Таким творцом и является Юрий Панюшкин. Он один из самых точных выразителей Духа свободы. Каждой своей строчкой, каждым ударом по струне он прославляет высший символ этого Духа — дорогу. Он всё время в пути, он истинный Рыцарь дорог и никогда не останавливается. Его девиз — движение, непокой, поддержание себя в форме. Главное – понять и запомнить, что «мы происходим от Земли», а значит — не имеем права от неё отрываться… И быть убеждённым в правильности выбранного вектора пути.

Дорога — это и жизнь Юрия, и его вечная борьба с мертвечиной обыденности. Обострённое чутьё на жемчужное слово позволяет ему высказываться смело и нетривиально. Фрагменты его авторской речи могли бы заполнить целый словарь поэтических выражений русского языка — выражений, которых до него никто из словесников не открыл. Эпитеты, сравнения, метафоры на все случаи жизни. Школьник запросто мог бы настричь их для сочинения на тему «Использование литературных приёмов в лексике Юрия Панюшкина. По страницам песенного творчества современного барда».

Никто не считал километража пройденных им дорог. Он краевед в лучшем смысле этого слова — исходивший страну от края до края. Возможно, у кого-то с годами и притупляется острота зрения или слуха, иссякает запас слов, но только не у Панюшкина.

Осознавая своё предназначение быть творцом, он и очерчивал круг стоящих перед ним проблем, которые забирают человека целиком, ибо не допускают халтуры, надрыва, фальшивой ноты: «На свете лишь любовь и песня имеют истинную власть...».

Пифагор считал, что творческие способности активизирует музыка небесных сфер. Юрию Панюшкину было дано слышать эту музыку и привносить её в свои песни. Порой, правда, после самых романтических строчек в них появляется злой гений любого сочинителя — Одиночество, когда остаёшься со своим творением один на один. Что делать, инакость — всегдашняя черта самого автора. Может быть, от этого гложущего чувства и мотало его по свету, и недолгие свои привалы Панюшкин устраивал только из-за непогоды? Но никакая романтика дорог не ослепляла его, не отделяла от Жизни. Он твёрдо ступал по земле, и замечал всё, что творится вокруг него. Он не любил об этом писать, ему не хотелось отдавать драгоценные минуты вдохновения обыденности, поэтому точная плакатная форма поэту почти не свойственна.

Идеал поэзии — уничтожать посредственность, писал Андрей Белый. Всей силой своего творчества Юрий Панюшкин служил этому идеалу. Вокруг него такое явление, как посредственность, не уживалось. Самому себе он поставил задачу приносить людям рассвет, повелев себе на каждый поход: «Уходи по тропе заката, возвратись по тропе рассвета...». Эту заповедь автор свято соблюдал всю свою жизнь.

Феликс СУРКИС,
писатель

2008. Саяны

Профиль осени не всегда анфас поэта

КОМУ-ТО ПОКАЖЕТСЯ ЭТО СМЕШНЫМ…

Кому-то покажется это смешным,
Кому-то покажется странным, –
Что я на пороге всеобщей весны
Болею осенним обманом.

И память свою посылаю вдогон –
Туда, где листва догорает…
Я просто немножечко в осень влюблён,
Но осень об этом не знает.

БАБЬЕ ЛЕТО

Пропадай, печаль досужая,
Что не сбудется – залечится.
Бабье лето незамужнее
За околицей мерещится.

Осень с томною испариной
Чуть пьяна от леса запаха,
И сентябрь лукавым барином
Ей чего-то шепчет на ухо.

Пусть ты, рыжая красавица,
Не зазноба, не разлучница,
Но у нас с тобой заладится
И тем более – получится.

А уйдёшь с другим, так что ж с того,
Ты права, поскольку – женщина.
…Паутина лета бабьего –
Всё, что барином обещано.

НАГАДАЙ МНЕ ПЕСНЮ, ОСЕНЬ

Догорит звезды осколок,
И опять с утра
Мы уйдём под пёстрый полог
Твоего шатра.
Память нас с тобой догонит
В робкой тишине,
Там, где по своей ладони
Ты гадаешь мне.

Погадай листком кленовым
На мою судьбу,
Я хочу услышать снова
Леса ворожбу.
Нагадай мне песню, осень,
Про родимый край,
Про печаль, что сердце носит,
Песню нагадай.

Я не знаю, с кем расстанусь
И чего не жаль.
Ты уйдёшь, а я останусь –
Вот и вся печаль.
Только дрогнет лист на клёне
В светлой тишине,
Там, где по своей ладони
Ты гадала мне.

2001. Юрий Панюшкин и Феликс Суркис

ДЕВЧОНКА-ОСЕНЬ

Эта осень так похожа на девчонку –
Рыжая длиннющая коса.
Вот и листья с нею шепчутся о чём-то,
Знаешь, это наши голоса:

– Помнишь, ты смешной была какою?
– Помню. Помнишь, ты стихи читал мне?
– Помню наизусть.
Эта осень – наше счастье без покоя.
Эта осень – наша радость, наша грусть.

С нами не спеши расстаться, сделай милость,
Дай уйти по листьям босиком.
– А тебе не кажется, что осень заблудилась?
– Кажется. Я даже знаю – в ком.

Повторимся в ком-нибудь и мы с тобою.
А не повторимся – ну и пусть.
Эта осень – наше счастье без покоя,
Эта осень – наша радость, наша грусть.

– Помнишь, ты смешной была какою?
– Помню. Помнишь, ты стихи читал мне?
– Помню наизусть.
Эта осень – наше счастье без покоя,
Эта осень – наша радость, наша грусть.
Наша радость, но и наша грусть.

ЗА СПИНОЮ СЕВЕРНЫХ НЕБЕС

Мокрый день, осенняя беседа.
По лесам буянит листопад.
А у тундры сумерки с обеда
И ветра снегами шелестят.

Прячет солнце рыжую котомку
За спиною северных небес,
И уносит встречную позёмку
Здешний ветер в наш осенний лес.

Где мы снова рядом – значит, вместе,
Где в рассвете – Жигулей овал,
И ноябрь – не зимы предвестье,
А всего лишь осени финал…

Заполярье

ГРУСТЬ, КАК ПУЛЯ НА ИЗЛЁТЕ…

Анатолию Головину

Грусть, как пуля на излёте,
Пусть меня сегодня ранит.
Осень в жёлтом самолёте,
Не простившись, улетает.

Не жена и не невеста,
Не знакомая какая –
Просто так, подруга детства
Улетает, улетает…

На нечаянные встречи
Я, наверное, везучий.
Осень с листьями на плечи
Уронила добрый случай.

Вместе с ней войти, как в двери,
В нашей памяти картинки
И искать в забытом сквере
Незабытые тропинки.

Дворик старый, старый дворник, –
Не мети, приятель, листья.
Для меня они сегодня –
Ненаписанные письма.

Впрочем, знаю это точно –
Пусть дожди не причитают:
Их уже не примет почта
И нигде не прочитают.

С вами, осень, ох, как трудно,
Но и необыкновенно –
Расставаться поминутно,
Посекундно, помгновенно!

Хорошо, что не прощались –
Так оно надёжней, братцы.
Мы с ней молча обещались
Повстречаться, повстречаться.

Пусть, как пуля на излёте,
Грусть меня сегодня ранит.
Осень в жёлтом самолёте,
Не простившись, улетает.

ОСЕНЬ-ВОЕВОДИЦА

Ни в каких календарях
Эти дни не значились,
Осень грянула в дома –
И дома попятились.

От её дождя народ
По углам хоронится.
А нас с тобою в плен берёт
Осень-воеводица.

Мы за каждым деревцом –
Осень не обидится, –
Помолчим к лицу лицом,
Будто век не свидеться.

Не к тебе по тропке шёл,
Лесом огорошенный,
И нечаянно нашёл
Самую хорошую.

По оранжевым лесам
Сполохи багряные,
Что люблю твои глаза –
Говорить не стану я.

На пороге октября
Простоим до ночи мы.
Ни в каких календарях
Эти дни не прочились.

ПАУТИН СЕНТЯБРЬСКИХ НИТИ

Как прочны и как непрочны
Паутин сентябрьских нити...
Осень плачет и хохочет –
Вы её не осудите.
Что она не обещала,
Как недолгий груз на плечи –
Позабытого начала
Этот день и этот вечер.

Как легко, поверив в случай,
Где пока не до сомнений,
След ловить звезды падучей,
Что похож на свет осенний.
Но листку подбитой птицей
На траве холодной, влажной
Во вчера не возвратиться –
Ни сегодня, ни однажды.

Так рассвет, росы напившись,
Упадет меж нами тенью,
И с молчанием, простившись,
Я уйду, не скрипнув дверью.
Вы обидитесь не очень
И опять меня простите...
Как прочны и как непрочны
Паутин сентябрьских нити.

2006.
С Борисом Вайханским

ПО-ДРУГОМУ НЕЛЬЗЯ

Где-то нас без обмана
Кто-то ждёт, но пока
Из таёжных туманов
К нам выходит река
И клокочет сурово,
Перекатом грозя.
Ей нельзя по-другому,
По-другому нельзя.

Скалы хмурятся строго
С нависающих круч –
То на пену порога,
То на сборище туч,
Что ветрами влекомы,
Над хребтами скользят.
Им нельзя по-другому,
По-другому нельзя.

И на новой странице
Посреди этих дней
Снова песня родится,
Как положено ей.
Долго будем знакомы
Мы с той песней, друзья.
Ей нельзя по-другому,
По-другому нельзя.

Век страницы листает,
Где года между строк,
Но ветра оседлает
Память наших дорог,
Что промчится над домом,
Млечный Путь бороздя.
Ей нельзя по-другому,
По-другому нельзя.

1998. Канада.
На берегу Юкона

КОЛЫБЕЛЬНАЯ НА СОН ГРЯДУЩИЙ

На холме высоком очень,
Если верно говорят,
Кто-то бродит каждой ночью
Без тропинок наугад.

Ты представь себе картинку:
Нынче он придёт опять,
Чтобы каждую травинку
До утра пересчитать.

Что же ты не спишь, кровинка,
Знать, мне снова до утра
Бормотать: «Одна травинка,
Две травинки... Двести тра...».

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН КОЛОКОЛОВ ДОЖДЯ

Вечерний звон колоколов дождя,
Где нас подкараулила удача.
Там юные деревья октября,
Казалось нам, скулили по-щенячьи.

Да сами мы – промокшие щенки,
Носами тычась то в глаза, то в щёки,
Смеялись: как наивны пустяки,
Где люди то близки, а то далёки.

И что людей разводят, как мосты,
Слова, дела, года и всё такое.
Но мне, прости, хотелось, чтобы ты
В тот вечер говорила про другое.

Вечерний звон – иных уж нет, а те…
Порой далече так, хотя и рядом.
Но петь о всеразлучной суете –
Удел зануд, когда оно не надо.

Давайте поживём во славу дня!
Вечерний звон – не предзнаменованье.
Кому-то день последний октября
Уже назначил первое свиданье.

Монреаль, Канада

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

По талому зимнику грустный февраль,
По вешкам упавшим.
Зачем же нам зиму становится жаль,
Изрядно уставшим –
От кратких закатов по горло в снегах,
Рассветов с ветрами.
Но зимняя песня в хрустальных санях –
За нами, за нами.

Не вешней капелью рассыплется март
Над нами с тобою,
И все же светило на вскид и на взгляд
Ударит весною.
Захочется землю и воздух в лесах
Потрогать руками.
Но зимняя песня в хрустальных санях –
За нами, за нами.

И добрый намек журавлиной молвы,
Как музыка, вечен.
Так будет, и с запахом летней смолы
Смешается вечер.
Но этот февраль не рассыплется в прах
И тем будет славен,
Что зимняя песня в хрустальных санях –
За нами, за нами...

2005. В Норильске на снегоходе

КОГДА МЫ ЗАХОТИМ

Проходит мимо нас зима –
Наш снежный человек.
А на сараях и домах
Вот-вот заплачет снег.
Как видно, лыжи нипочём
Не могут без лыжни.
Как будто провинившись в чём,
В углу стоят они.

Уже кричит – всему свой срок –
Грачиная семья.
И солнце щурится меж строк
Газеты-корабля.
Но вот пришла пора с весной
Прощаться и простить,
Что не успела нам с тобой
Кораблик смастерить.

И будет лето пятки греть,
И напекать бока.
Ах, только б в этот раз успеть
Дойти до родника.
Но по румяному листку
Ты вдруг прочтёшь сама
Неповторимую строку
Осеннего письма.

Достойно всяческих речей,
Особенно с утра –
«Очарование очей,
Унылая пора».
«Похмелье августа – сентябрь»
То плачет, то молчит.
Но вот прислушайся: декабрь
Опять в окно стучит.

Давай возьмём в морозный лес
Несбывшиеся сны,
Волненье мартовских небес
Для будущей весны,
Краюху летнего тепла
И тот осенний дым,
Чтоб наша кончилась зима,
Когда мы захотим.

НАЧЕКАНИТ ОСЕНЬ ЗЛАТА

Начеканит осень злата
Ветру на ладонь.
А оно ему, ребята, –
Как попу гармонь.

Не моли, листвою тая,
Мол, угомонись, –
У него по гроб такая
Ветреная жизнь.

И любой на выбор путь,
Запрокинув голову:
То хмельной весне на грудь,
А то на осень голую.

Белы простыни постелет
Для него зима
И, наверное, поверит,
Что она одна

Для него на белом свете.
Больше никого.
А что это только ветер –
Это ничего.

А ему, тебя ко сну
Проводив, нестрогую,
Целовать весну-красну
Да лето тонконогое.

А у нас опять неладно –
Было бы с чего.
И чеканит осень злато –
Да не до него.

Видишь, небо кличет вьюгу –
Протяни ладонь.
Неужели мы друг другу –
Как попу гармонь?!

Видно, нам по скорбный путь
Дурью не намаяться.
Надо бы слезу смахнуть...
Да ветер не кончается.

1984. Мы шли на плоту «Юрий Визбор»

НЕ ПРОСИТЕ НАС СОЛГАТЬ

2014. Юрий Панюшкин
и Артур Чубаркин

ПЕСНИ «ЗА ЖИЗНЬ»

Походы и песня. Для туристов советского периода это неразрывно связанные понятия. Недаром фестивали того времени часто назывались фестивалями туристской песни.

Многогранный талант Юры Панюшкина отразил все этапы его жизненного пути. В определенный момент жизни шебутной и общительный характер Юрия привел хозяина в турсекцию Куйбышевского политеха. Институт через несколько месяцев благополучно канул в прошлое, а заноза туризма в душе осталась. У кого-то после походов рождались рассказы, черно-белые фотографии и восьмимиллиметровые фильмы. У Юрки же рождались алмазной точности строчки песен, где каждый турист узнавал свои переживания, а чувство юмора автора строк вызывало дикий восторг. Спасибо и Филиппову Сергею, чье имя увековечено в песне о Кондурче, – за заброшенные в Юрку туристические дрожжи. Ведь у каждого из нас были такие реки — «по колено воробью», такое начало. Далее были Грушинские, Жигулевские кругосветки. «Пожелай мне всего на прощание...» — вторила берущая за душу очередная рождающаяся песня.

«Мы слышали — а стоит ли,
Мы слышали — а надо ли
Вот так, без покаяния,
Да к черту на рога» —

песня о реке Кафирниган, сплав на ЛАСах. Лыжные походы: «Тянет в печку сигаретный дым, вечер за окном заиндевелым». Это «Сибирка». Кто не помнит ночевку в школе в уральской деревне, в спальниках на полу, с подостывшей к утру печкой? Это о нас и про нас.

1993 год. Экспедиция на Чукотку к месту гибели российского первопроходца Никиты Шалаурова, сплав по реке Пегтымель. Вместе со всеми Юрка мерз в тундре, когда уже 8 августа выпал снег и больше не растаял. Переживал, когда на наших глазах чукчами из дробовиков были убиты десятки оленей откола от стада оленеводческой бригады, отказался есть свежее мясо. Шел с рюкзаком по берегу Северного Ледовитого океана и бормотал строчки рождающейся песни. Символом похода стала песня «Но сошли, растаяли белые снега...».

1998 год. Сплав по осеннему Юкону (Аляска, Канада). Год 100-летия «золотой лихорадки», описанной Джеком Лондоном. Именно Юрка находит на берегу монету в один доллар столетней давности. Бог и здесь его выделил. Да просто опять бродил и бормотал себе под нос. А в конце маршрута с Сергеем Анциновым и Колькой Мясниковым пел в баре у приятеля-американца. И все до восторга было понятно без перевода.

2007 год. Шантарские острова, Охотское море. Шестиметровые приливы, готовые по ночам лишить нас катамаранов. Отливы, осушающие дно заливов на многие километры. Юрка жевал морскую капусту и выискивал в лужах освободившегося дна плоскую камбалу. Острые плавники касаток, ночные «вздохи» белух. Недовольные нашим приходом медведи, хозяева местных речушек, в устье которых мы ночевали. Полосатые бурундучки, берущие сухарики прямо у тебя из рук. И тысячные стаи лосося, устремленные в своем инстинкте отметать икру в опалесцирующей от молок воде. Как тут не рождаться новым песням?!

В 2008 году мы сплавляемся по реке Хам-Сара в Западном Саяне. С нами — подрастающие пацаны, наши сыновья. Переходный возраст, черные патлы нигилистов. Юрий Панюшкин становится их кумиром вплоть до сегодняшних дней. Пацаны взрослеют на глазах, раскрыв рот, слушают его истории «за жизнь», их настороженные сердца оттаивают. В итоге они полюбят тайгу, природу, сплавы, Россию, Жизнь. Спасибо тебе, Юрка, за взросление настоящих мужчин!

Год 2012, Курилы, остров Итуруп. Последний наш поход с Юркой Панюшкиным и Сергеем Анциновым. Но этого мы еще не знаем. Наслаждаемся красотой вулканов, буйством дикой природы. Удивляемся гигантским лопухам. Разглядываем птичьи базары, стада сивучей. По ночам на черный берег вулканического песка накатываются светящиеся волны. Юрка бродит в футболке с надписью: «Хочешь быть счастливым — будь им!». По ночам ведет беседы с лисами, которые осаждают нас. Ему не спится, строчки опять переполняют его. Вдвоем с Сергеем они подолгу засиживаются у костра, оттачивая текст и музыку, завершая более чем десятилетнюю работу над песней «С нами ничего не случится...». Эту песню, словно гимн, туристы будут позже петь стоя.

За свою долгую туристскую жизнь Панюшкин честно выполнил норму мастера спорта по водному спортивному туризму. Прошел реки и маршруты в Западных и Восточных Саянах, на Кавказе, Памире, Чукотке, Северном Урале, в пермской тайге, на Аляске. Рулевым мотористом Севморпути и на яхте «Баньярд» путешествовал по Белому, Баренцеву, Карскому, Балтийскому, а на катамаране — Охотскому морям.

Являлся участником более 30 Жигулевских кругосветок по Волге. И везде был не только равноправным, полноценным участником, другом и надежным товарищем, но и украшением похода. Где Панюшкин — там смех, легкость, Праздник и Сказка! Недаром в далеком северном Магадане, познакомившись с Юркой, классик советской эстрады, композитор и поэт Вадим Козин сказал на прощание: «Советую вам дома не засиживаться...». Панюшкин исполнил его наказ.

Артур ЧУБАРКИН,
заслуженный путешественник России

1958.
Юра.
Куйбышев

Не быть синоптику наставником сапера

ПРОСТИТЕ, ГОРОДА…

Простите, города, но я вас ненавижу,
Когда острее боль по лучшим временам,
Где я морозный лес прозрачным утром вижу,
Как пацаны корабль, бегущий по волнам.

Там вахту без меня с тех пор несут матросы,
И курит капитан свой трубочный табак.
Там ветер бьёт тугой о мачтовые сосны,
И корабельный лес качается не в такт.

Там свят один закон: быть вместе, а не между,
И паруса снегов похожи на мечту.
Там берегут тепло, как вечную надежду,
И птицам отдают, замёрзшим на лету...

Я палубу свою из тысячи узнаю,
Лишь крикнет капитан: «Команде – по местам!».
Мы в плаванье уйдём, на берегу оставим
Тоску других землян по лучшим временам.

МЫ УХОДИМ ОТ ТЕБЯ, ГОРОД

Антонине Фофановой

Мы уходим от тебя, город,
Как бы ни был ты порой дорог.
Чтоб вернувшись, рассказать дому,
Что живут ещё в лесу гномы.

Что малиновый закат краше,
Чем обои стен квартир наших,
Что лежит в лесу ковёр хвои,
Что на это посмотреть стоит.

Колокольцем прозвенит утро,
До чего же этот мир мудрый,
Если в нём вот так всегда вместе –
Власть дороги и о ней песни.

Мы уходим от тебя, город,
Как бы ни был ты порой дорог.
Солнце плавится в траве росной,
И шумят над головой сосны...

НЕ ПРОСИТЕ НАС СОЛГАТЬ

Виталию Шабанову

Не просите нас солгать –
Те, кого мы оставляем.
Никогда не уезжать
Никому не обещаем.

Просто нужно уходить
Нам порой под непогоду,
Так же просто, как делить
Меж друзьями хлеб и воду.

Вновь судьба избавит нас
От последнего прощенья.
Нас с тобой в который раз
Не минует возвращенье.

Город ждёт – к чему слова?
Где дома друг друга выше,
Ждут нас новые дела –
В тех домах под старой крышей.

Но когда прильнёт к плечам
Незаконченность дороги,
И приснятся невзначай
Обнесённые пороги,

Слов потёртых ерунда,
Пересохшая, как глотка, –
Значит, мне опять туда,
Где моя качнулась лодка.

ЗНАЧИТ – Я ЕЩЁ МОГУ!

Как тут быть и что тут делать?
Нам себя не переделать,
И не ждать погоды лучшей
На замшелом берегу.
Пусть рюкзак давно без дела,
Только моль его не съела,
Значит – он ещё способен,
Значит – я ещё могу!

И на всё на это глядя,
Снова спросит умный дядя:
«Сколько ж вам за это платят?
Неужели всё за так?!»
Непростая, видно, штука –
Отличить арбуз от лука,
Так же, как от чемодана
Необъятнейший рюкзак!

Удивительным созданьем
Встанет мир перед глазами.
Вот уж точно, что не встречу
Того дядю впереди.
Значит – скоро, очень скоро
Вспомню я под птичий говор,
Как уставшие под вечер
Пахнут тополем дожди.

Кто-то вслед махнёт рукою,
Кто-то скажет – Бог с тобою!
И, как выстрел, хлопнут двери
Очень правильных домов.
Там слова текут, как реки,
Только мне милей навеки
Те места, где просто реки,
Где понятно всё без слов.

ПОКА ШАГАЮТ НОГИ

Иной считает человек –
В кармане и сберкассе –
И принимает звон монет
За истинное счастье.

А мы свой счёт
Ведем без счёт –
На песни и дороги,
И мы счастливей многих!

Пусть мы зарплату ждем, как приз –
В том нету страшной тайны.
Ребята, голый оптимизм –
Удел для ненормальных!

Но мы свой счёт
Ведем без счёт –
На песни и дороги –
И мы счастливей многих!

Ты сам себя спроси, чудак,
Пока шагают ноги:
Купить подкову за пятак –
Или найти в дороге?!

И ты свой счёт
Веди без счёт –
На песни и дороги –
И будь счастливей многих!
Пока шагают ноги!

1983.
Ходовые испытания

ЕСЛИ ДОЧЬ ГЛЯДИТ С УКОРОМ

Если дочь глядит с укором,
А сынишка закурил,
Это значит – снова в горы
Папа лыжи навострил.
И со вздохом скажет мама,
То есть папина жена:
«Не успел вернуться к нам ты,
Как обратно – вот те на!

Без отца родного дети
Озоруют, спасу нет:
Вот вчера опять наш Петя
Где-то спер велосипед.
Пусть резвится, если надо,
Опасаюсь одного –
Что за грубость из детсада
Скоро выгонят его.

Ох, боюсь я, грянут трубы –
Он покинет отчий дом
И однажды с ледорубом
Встанет ночью за углом.
И тогда впотьмах, быть может,
Не узнав лицо твое –
Бац! И папе не поможет
Никакое мумие...

По тебе слеза польется,
А хотя, чего уж тут, –
Так-то лучше, как поется:
«Чем от водки и простуд»...
Ох, я стала говорливей,
А тебе ж давно пора.
В общем, ждем тебя, родимый,
Ну – ни пуха, ни пера!».

НЕ ОСТАВЛЯЙ НА БЕРЕГУ

Не оставляй на берегу
свою нескромную печаль –
Ни повзрослевшим детям,
ни жене, тем паче.
Неси туда свою печаль,
где от бессонниц одичав,
Не по твою ли душу
рыскает удача.

Где от простора захмелев,
поют ветра наперебой,
О тех, кто был вчера
непонятым на суше,
Где за волной волна – да та,
что сводит скулы у борта
И, невзначай,
незримо сводит наши души.

Пусти на шаг перед собой
подслеповатую судьбу,
Ну, окажи ей эту малую
услугу.
Ведь всё равно – и в этом суть –
поводырями наших судьб
Вода с землёй идут
по замкнутому кругу.

И пусть иные маяки,
как это чуточку ни жаль,
Увы, похожи те – на те,
а те – на эти,
Но ты оставь на берегу
свою подробную печаль –
Пусть не жене,
хотя бы повзрослевшим детям…

Балтика, 2003

НА ПОЛОГЕ ВЕСНЫ

Когда твоя печаль устанет быть печалью,
На пологе весны роса оставит след.
Ты выйди к той реке, где будто бы случайно
Вдруг зачерпнёт волну берёзовый рассвет.

Во встречных поездах, задёрнув занавески,
Стучит по стыкам жизнь подобьем кастаньет.
Но чудятся реки невидимые всплески,
Где черпает волну один на всех рассвет.

Когда твоя судьба устанет быть судьбою,
Ты встанешь перед ней, как юный пионер,
Но вспомнишь о реке, где с девушкой – волною
Целуется рассвет, разлукам не в пример.

Печальною строкой не поворотишь реки,
Спешат они к морям по перекатам лет.
Нам только б не забыть – ни нынче, ни вовеки, –
Как черпает волну берёзовый рассвет.

Сгорает день свечой, так было и так будет,
Реке бежать в моря, а дереву – расти.
Но явится рассвет, и нас с тобой разбудит
Глоток живой воды в берёзовой горсти.

ПО ЛИЛОВОЙ ТРОПЕ ЗАКАТА

По лиловой тропе заката,
По багряной тропе рассвета,
Не оглядываясь, ребята,
Тихим шагом уходит лето.
Обернись на прощанье, что ли,
Уходящее понемногу,
И, пожалуйста, уж позволь нам
Спеть тебе что-нибудь в дорогу.

Посмотри: будто крылья, вёсла
В воду падают, да не тонут;
Как высоко подняли сосны
Голубую твою корону.
Ей сверкать бы по этим кронам –
Не заменит её другая,
Но покатится с легким звоном,
Что в тональности птичьим стаям.

В небе звездное многоточье
Обещанием нам осталось.
Может, было ты чуть короче,
Чем хотелось бы и желалось.
Да ни в чем ты не виновато,
Расчудесное наше лето!
Уходи по тропе заката,
Возвратись по тропе рассвета...

СТРЕКОЗА НА КЕРОСИНЕ

Унеси нас в дали сини,
Стрекоза на керосине,
В каждый твой иллюминатор
Пусть тайга на нас глядит.
Пусть собой гордится крайне
Современный суперлайнер,
Но сюда при всём желанье
Лайнер тот не залетит.

Для него предначертали
Курс другой, иные дали,
И во снах его едва ли
Наш молоденький пилот
И поляна над рекою,
Где мы солнца ждём с тобою,
Где за взлётной полосою
Горы тянутся в полёт.
Быстролётны, длиннокрылы
Эти «Боинги» и «Илы»,
Им другие выси милы
И другой приём готов.
Я не знаю, как им спится,
Что им видится и снится,
Но летают эти птицы
В города из городов.

Для особенно превратных:
Я не против элегантных,
Архисуперсовременных,
Где в салонах – Боже мой!
Но неси нас в дали сини,
Стрекоза на керосине, –
За восторгом быть собою,
За земною красотой.

КАК НИ ТОРОПИТСЯ ПРИПЕВ…

Людмиле Криволуцкой

Как ни торопится припев
Память пополнить, –
Мы расстаёмся, не успев
Что-то запомнить.
И в наступившей тишине –
Тихо и мудро –
Катится солнцем по волне
Новое утро.

Вот и кораблик прогудел –
Скоро отчалим.
Значит, такой для нас удел –
Разные дали.
Мы на земле одной большой
Встретимся всё же,
Ведь маяки у нас с тобой
Чем-то похожи.

Нашим расскажешь, как живём
И про погоду.
А кораблю идти в другом
Времени года.
Как ни торопится припев
Память пополнить, –
Мы расстаёмся, не успев
Что-то запомнить…

Архангельск. 1979

НА КРАЮ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

На краю цивилизаций,
На пороге мирозданья,
Где вода рождает скалы,
Где ты сам себя простил, –
Мы, отвагою негромкой
Зарядивши наши души,
Спустим на воду корабль –
Две гондолы и настил.

Флаги с берега не машут,
В путь корабль провожая,
И девчонка не заплачет
У матроса на плече.
Лишь в зубах у капитана
Догорает сигарета,
Хоть и помнит он прекрасно,
Что не курит вообще.

Скоро станут наш корабль
Проверять вода и камень,
Будет он валы тугие
Примерять себе на грудь.
Что с ним будет, что с ним станет –
Расскажу об этом после…
По местам стоять, ребята,
Мы отходим, добрый путь!

Восточные Саяны. Река Уда. 1983

НЕ УХОДИ БЕЗ МЕНЯ…

К быстрой реке, что вдалеке,
Не уходи без меня.
К синим горам, белым снегам
Не уходи без меня.

Не говори «да» или «нет» –
Я за тобой не бегу.
А на реке долог ли след –
Дольше чуть-чуть на снегу.

Не говори – я всё пойму,
Реки, снега не виня.
Только к себе самому
Не уходи без меня.

И НАМ НЕ ВСЁ РАВНО, КТО ЖДЁТ НАС НА ПРИЧАЛЕ

На вечный горизонт крестом ложатся мачты –
Свободных парусов старинное кино.
Ну, почему опять, ну, почему – хоть плачь ты,
Как тыщу лет назад – тебе не всё равно?!

Нам эти корабли придумывать не надо.
Они даны судьбой – не на день, не на год.
И нам не всё равно, кому мы будем рады
И кто нам будет рад – когда вернёмся в порт.

Там, может, ждёт весна во всём своем начале,
Что с осенью твоей пока что заодно.
Не всё ли нам равно – кто ждёт нас на причале?
Нет, слава Богу, друг, пока не всё равно.

И нам не всё равно – кто ждёт нас на причале,
И, слава Богу, друг, что нам не всё равно!

КАК НЕБРЕЖНЫЙ ХУДОЖНИК…

Как небрежный художник, зима поступила с землей,
Позабыв, где оставила свой загрунтованный холст.
И на этом забытом и белом холсте сам собой,
Словно долгое эхо, извечный рисунок пророс.

Вот холодными красками там набегает восход,
Только хватит ему этих красок всего на разбег.
Так охотник порой куропатку торопит на взлет,
И она, тяжело поднимаясь, ложится на снег.

И проявится в сумерках сопок немой хоровод,
Будто вылепил их одуревший от скуки мороз.
И так важно поверить, что есть у земли горизонт
И широкие летние степи, и солнце всерьёз…

И не менее важно представить себе и себя
Среди тех, от кого ты вчера ненадолго ушёл,
Где не то чтобы ждут или вдруг вспоминают тебя,
Но уверены – жив, и от этого им хорошо.

И неясный огонь, что зовуще мерцает вдали,
И не пламя свечи, что, качаясь, плывет в темноте, –
Ваши лица сегодня я в долг попрошу у зимы
На извечном рисунке – на вечной её мерзлоте.

1984.
Вася поймал ленка

ЭКСПРОМТ НА ВСТРЕЧЕ С ВОСХОДИТЕЛЯМИ НА ЭВЕРЕСТ-1982

Видел я совсем на днях
Интересный случай:
В гору лез один чудак,
Как ишак, навьючен.

А за ним его жена
По камням крадется,
Тоже вся нагружена –
Вай-вай, разобьется!

Стало непонятно мне:
Что они – сбесились?!
Посидели на горе...
И назад спустились.

Я об этом рассказал
Другу генацвале –
Он четыре дня икал,
Еле откачали...

Очень правильно гласит
Русская пословица:
«Умный в гору не пойдёт –
Он её объедет»!

СЕБЕ

О, гор целебная вода!
Мне повезло с тобою знаться.
Здесь перестанешь заикаться,
Но пить не бросишь никогда!

ТУДА, ГДЕ НЕПОГОДИТСЯ

Артуру Чубаркину – участнику экспедиции «Трансарктика – 2006»

Подчиняясь внутреннему голосу
И другого не расслышав голоса,
Человек уходит в гости к Полюсу,
Разрешенья не спросив у Полюса.

Но себя не мучая вопросами,
Век из века человек, как водится,
Вечными снегами и торосами
Топает туда, где непогодится.

Что за блажь и в чём какая выгода –
Уходить куда-то детям города?
Но опять – от вывода до вывода –
Километры холода и холода.

Где ж ты, тёплый дом с родными лицами,
Хоть молись на все четыре стороны!
Лишь бредут навстречу вереницами
Чьи-то души, что во льды закованы.

Он вернётся, чтобы за заботами
Города привычного и странного
Вспомнить над высокими широтами
Сполохи сияния Полярного.

2012. Курилы, о. Итуруп. На катамаране

С НАМИ НИКЕЛО НЕ СРАВНИЛСЯ

2011. Юрий Панюшкин
и Борис Кейльман

МОЙ ДРУГ ЮРА ПАНЮШКИН

Много лет назад на Грушинском фестивале с его знаменитой Гитары прозвучала песня, строчки которой навсегда запали в душу — «жить на земле без друзей невозможно...». И сегодня я даже представить не могу своей жизни без моего любимого друга — Юры Панюшкина: без его потрясающего юмора, без прекрасных песен, которые сделали его знаменитым человеком. Они живут в душах и в памяти у огромного количества людей. А его стихи, его очень интересные книги уже давно разошлись по миру... Его удивительные и смешные истории всегда будут жить в памяти тех, кому повезло с ним дружить и общаться.

Впервые я увидел Юру в походе по нашим родным Жигулям — это был молодой, смешной и веселый человек. Он не умолкая рассказывал какие-то смешные истории и пел песни, которые в те времена звучали по радио. Он был одет в видавшую виды телогрейку, а его голову украшала модная ярко-зеленая шляпа.

Когда мы пришли на ночевку и все расползлись по своим палаткам, Юра остался сидеть у костра в гордом одиночестве. Но как только он взял в руки гитару и запел, все тут же выползли из палаток и стали с великим удовольствием его слушать, а когда пришло время идти спать, его наперебой стали приглашать в свои палатки...

Мы дружили с Юрой много лет, вместе прошли много прекрасных походов, и после каждого оставались дорогие сердцу его песни. И, конечно, никогда я не забуду Грушинские фестивали, где его яркие выступления всегда имели огромный успех. А когда я познакомил его с Юрой Визбором, тот дал нам очень мудрый совет: «Берегите его, выращивайте как самый прекрасный цветок и никогда не ругайте — для этого найдутся другие...».

Незабываемой и самой яркой страницей моей туристской жизни была Арктика, где мы с Юрой три года работали матросами на перегоне летом речных судов Северным морским путем из Архангельска на реки Сибири и Дальнего Востока. Нам выпало великое счастье запомнить и на всю жизнь впитать в себя непередаваемые краски Севера — фиолетовые, пурпурные, чернильно-синие с яркими красными полосами...

Глядя на эту неописуемую красоту, малиновую зарю, которая раскрашивала в фантастические цвета морскую воду, в которой плавали белые и зеленые льды, я с надеждой вглядывался в напряженное лицо Юры, стоящего за рулем, и верил, что он об этом обязательно напишет очень достойную песню — и не ошибся. Песни эти до сих пор звучат в душе и памяти: «Уходит к морю караван по Северной Двине...», «Прощание с островом Вайгач», «Полярная сова» и т. д.

На кораблях Юрку любили, его песни слушали с великим вниманием и выражением счастья на лицах. И, наверное, впервые в истории Российского флота наш капитан распорядился матросу Панюшкину приходить на вахту с гитарой, что вызвало потрясение у всех членов комсостава, но зато теперь, во время его вахты, рубка была забита свободным от вахты народом. И трудно передать, что в ней творилось, когда впервые прозвучали эти песни, сразу же ставшие любимыми всеми.

Удивительное событие произошло, когда мы проходили забитый льдом пролив Карские Ворота. Эти Ворота для нас открыл ослепительной красоты белый медведь. Он пересек наш курс прямо перед носом корабля, решительно взобрался на могучую льдину, отряхнулся от воды и, внимательно на нас посмотрев, снова бросился в воду. Юра все происшедшее увидел и, к моей великой радости, увековечил в новой, дорогой сердцу песне «Приказ «Вперед!» был до смешного прост».

Юра Панюшкин оставил нам бесценное богатство. ЕГО ПРЕКРАСНЫМ ПЕСНЯМ И СТИХАМ ДОЛГО ЖИТЬ И ДЕЛАТЬ ЛЮДСКУЮ ЖИЗНЬ ЯРЧЕ И СВЕТЛЕЕ.

Борис КЕЙЛЬМАН,
президент клуба имени Валерия Грушина

1975. Юрий Панюшкин и Борис Кейльман

Не скромничай. Поставь себя на мое место...

КОНДУРЧА

Я своей жене Глафире
Заявил, как на духу:
«Надоело мне в квартире,
Надоело на пуху.
Мол, с ребятами, которым
Груз заплечный по плечу,
Уезжаю – и без спору –
Я на речку Кондурчу».

Глаша мне не возразила,
Лишь шарахнулась слегка,
И согласно покрутила
Пальцем около виска...

Дальше помню: без дороги
Как-то выбрались к воде,
Все запели про пороги,
Про прижимы и тэ дэ…
День плывём – здоровы-живы,
И не то чтобы волна –
Ни порога, ни прижима,
Ни хрена, ни буруна!

У меня сухие ноги,
И тем более штаны.
Я кричу: «Да где ж пороги
И, к примеру, буруны?!».
Тут старшой, Сергей Филиппов,
С выраженьем объяснил,
Говорит: «Турист тот липовый,
Кто здесь не проходил.

Плыть, конечно, можно лихо,
Если метры на килю.
Ты попробуй здесь пройди-ка,
Где по пояс воробью!».
И потом добавил тихо:
«Лучше оглянись кругом,
И давай-ка не маши-ка
Перед мордою веслом!».

Я, понятно, поглядел
И, признаться, обалдел:
Уронили клёны наземь
Шапки рыжие свои.
Эх бы, мне такую на зиму –
Да что там говорить!
Вот берёзка – как невеста
(Есть невесты, да не те),
Выплывает из-за леса
В раззолоченной фате.

Я в лице переменился,
Отвести не в силах глаз,
И в берёзку ту влюбился,
Как в Глафиру в первый раз!
Кто здесь не был – пусть смеётся.
Улыбнусь и промолчу.
Если только доведётся –
Я опять на Кондурчу!

1984. С В. Шабановым. Съёмка прохождения плота Кудрявцева

У МЕНЯ ЕЩЁ В ЗАПАСЕ

Глаша мне: побойся Бога,
Ты, никак, опять в дорогу?
И у двери, не мигая,
Подопрёт плечом косяк.
Я торжественно поглажу
По щеке супругу Глашу,
И она сама, родная,
Принесёт мне мой рюкзак.
Не брани меня напрасно,
Не привязывай к амбару.
Всё у нас с тобою будет,
Обещаю – подожди!
У меня ещё в запасе
Три аккорда под гитару,
Три неначатые песни,
Три дороги впереди.

На одной из тех дорожек,
На другие не похожий, –
Мой аккорд, такой любимый –
Даже вымолвить боюсь!
Не по чьей-то воле – сам
Он рыщет волком по лесам,
А может, я ему, сердешному,
На что-нибудь сгожусь.

И однажды из аккорда,
Непосредственно и гордо,
Встанет песня, покачнувшись
На весеннем ветерке.
И пойдёт гулять по свету,
Чтоб однажды кануть в Лету.
Но вначале просто в лето –
Поваляться на песке.
Не брани меня напрасно,
Не привязывай к амбару.
Всё у нас с тобою будет,
Обещаю – подожди!
У меня ещё в запасе
И аккорды под гитару,
И неначатые песни,
И дороги впереди.

О ВАСЕ, ЛАСЕ И СТРАХОВКЕ

Готов про путешествия
Смотреть хоть до пришествия:
Ведь я-то знаю это как –
по пуду на плече.
И что такое «байды»,
И кто такие «слайды» –
Я сам когда-то плавал
по речке Кондурче.

А вот совсем недавно
(Не помню точно даты)
Пришли ко мне ребята
И заявляют так:
– Нам, Стёпа, нужен пятый,
Без пятого – никак!

Ребята мне попались –
Опомниться не дали, –
Так организовали
меня на эти дни,
Что я ни капли в рот не брал,
А где-то что-то доставал,
И даже занял денег
У Глашиной родни.

В порядке инструктажа
Мне объяснили также,
Как пользоваться каской
и что такое ЛАС.
Мол, лодочка такая,
Такая надувная.
Ну, в общем-то, надёжнее,
Чем надувной матрас.

И вот уже не вижу
Свою родную крышу.
Над нами – Крыша мира
и речка посреди.
Бурунчики по метру –
Ну, думаю, приехал …
Прощай, жена Глафира,
и к ужину не жди!

Спасибо другу Васе,
Что плыл на первой ЛАСе:
Он ловко так попасть в меня
верёвкою сумел!
Это ничего, что в зубы,
А то бы дал я дуба,
А так, глядишь, хоть без зубов,
Но, в целом, всё же цел!

И я скажу без страха
Всем агентам Госстраха,
Когда сведёт нас вместе
Нелёгкая тропа:
«Когда летите сверху вниз,
Вам не поможет полис.
Страховка – это верёвка,
По-нашему – стропа!»

Памир, река Кафирниган

КАФИРНИГАН*

Мы слышали – а стоит ли?
Мы слышали – а надо ли?
Вот так, без покаяния,
Да к чёрту на рога?
Мы сами речку выбрали,
Ту, где ещё не плавали,
За сотни вёрст от здешних мест –
Тебя Кафирниган.

Такое не увидишь,
И, значит, не приснится
Тот вал из-за порога,
Ударивший в упор.
И горы, облаками
Укутавшие лица,
И облака высокие –
Как продолженье гор.

На этой вот шивере
Не задрожали б руки.
Да только б не подумать –
А вдруг не повезёт?
И бьют валы по ЛАСу, **
Коварны и упруги,
И далеко не наплевать
На тех, кто дома ждёт.

Запомни пальцы друга,
Сжимавшие страховку,
И в них поверь – они же
Тебя не подведут.
И ту в горах Гиссарских
Последнюю ночёвку,
И песенку про дым костра,
Что создаёт уют.

Всегда немного грустные
Обратные дороги.
Потянется негромкий,
Неспешный разговор.
Мы в памяти увозим
Сердитые пороги
И облака высокие –
Как продолженье гор.

Мы к вам ещё вернёмся,
Сердитые пороги,
И облака застывшие,
Как продолженье гор.

** Кафирниган – река на Памире.*
*** ЛАС – лодка авиационная спасательная.*

Ноябрь 1976

СИБИРКА*

Тянет в печку сигаретный дым.
Вечер за окном заиндевелым.
Мы вдвоём с реммастером сидим
В тихой школе на краю деревни.

Что-то нам сегодня не до сна.
Спят друзья, мы им не помешаем.
Видишь – занавешена стена
Картою знакомых полушарий.

Из какого давнего двора,
Обогнав февральские метели,
Вдруг подули тёплые ветра –
Я-то думал, вы своё отпели.

У доски задержится на миг,
Обернувшись, будто за подсказкой,
Память – мой вихрастый ученик,
С длинной деревянною указкой.

Будет утро, будет снегопад
Заметать проложенные трассы.
И уже без нас загомонят
Детством переполненные классы.

И до моря реки побегут,
И пролив опять откроет Беринг...
Может быть, и наш с тобой маршрут
Кто-нибудь указкою заденет.

Карта полушарий на стене.
Дремлет школа на краю деревни.
И бранит реммастер в полусне
Наши полужёсткие крепленья.

Сибирка – деревня на Южном Урале

Декабрь 1980

ТОФАЛАРИЯ

Разбег недолог, полет – на час,
Приподнят полог небесных трасс.
Готов поклясться, что вот уже
Под нами, братцы, и Алыгджер.

Что было с нами – теперь не в счет,
Семь суток ждали мы свой черед.
Дарил нам мило свой неполет
Гостеприимный Аэрофлот.

Ну, здравствуй, речка, я очень рад,
Давай за встречу – по пятьдесят.
Мои с твоими перемешав,
Давай – во имя и не спеша.

Чтоб нам вернуться, конечно, в срок,
Чтоб не споткнуться о твой порог.
За эти горы, но без дождей,
За тех, кто в море, и за друзей.

За тех, кто верит сверх всяких мер
И ждет погоды на Алыгджер.

Восточные Саяны. Река Уда. 1983

А У НАС В ТАЙГЕ...

Кто винца хлебнул – да под лестницу,
Я и сам винца бы не прочь.
А у нас в тайге дождь повесился,
И грустит тайга день и ночь.
Гляну в небушко – там увижу я
Сквозь дрожащую пелену:
В тучах скалится морда рыжая,
Так похожая на луну.

В мокрых зарослях зверь кукожится,
Ну, а нам с утра – на плоты.
И вот-вот уже песня сложится,
Что ни слово в ней – то латынь…

Где-то девица перебесится,
Ей прощать меня не впервой.
А у нас в тайге дождь повесился,
Отпоём его – и домой.

Восточные Саяны. Река Уда. 1988

НАД ВОДОПАДОМ

Ничего хорошего, когда дождём заряжен
Карабин небес,
Или духи горные впереди натянут
Мокрый занавес.

Над Водопадом, над Хангороком
И над Байгыром в дождях мельтешит
Давний напев, что забыл ненароком,
Видно, забыть поспешил.

Ах, как не похожа ты на себя вчерашнюю,
Гордая река.
Ты ответь, пожалуйста, почему у августа
Снег по берегам.

Ну, а может, не было вовсе той мелодии
В августе твоём?
Может быть, послышался в этой непогоде мне
Голос не её...

Над Водопадом, над Хангороком
И над Байгыром в дождях мельтешит.
Давний напев, что забыл ненароком,
Видно, забыть поспешил.

Восточные Саяны. Река Уда. 1988

ЧТО ТАКОЕ ПОРОГИ?

Что такое пороги – вариантов до сотни,
Но и мудрые крохи объяснений не в счёт.
Что такое пороги, если в памяти только
По реке, как подбитый, перевёрнутый плот.

Что такое пороги, если нечем гордиться,
Даже выплыли если эти шесть из шести.
И ничто не мешает от судьбы откупиться
Да по бережку с песней тот порог обнести.

Что такое пороги – от рожденья до смерти –
Не маяк из тумана, не звезда над судьбой…
Что такое пороги – ты себе не ответил.
Сколько их за тобою – столько перед тобой.

Что такое пороги?
Что такое пороги?

Восточные Саяны. Река Уда. 1988

БЕЗ ВИДИМЫХ ПРИЧИН

Когда последний раз я разговаривал с луной
У скального хребта под пологом ночи,
И млечная река струила звёзды надо мной –
Мне было хорошо без видимых причин.

Когда последний раз я разговаривал с рекой –
Прозрачной от небес и тёмной от глубин,
Из века в век несущей в океан свой непокой –
Мне было хорошо без видимых причин.

Когда последний раз я разговаривал с тайгой
В тональности её берёзовых кручин,
Мне годы шли навстречу предосеннею тоской,
Но было хорошо без видимых причин.

Сентябрь сеет дождь, роняя в память зёрна снов,
Где до сих пор ещё скала и лунный взгляд,
Там было хорошо, и я заплакать был готов –
Без видимых причин, семь дней тому назад.

Восточные Саяны. 1984

1983. Сплав начался в конце нижнего каньона

БЕРЕГА

Александру Ерёмкину

Через край ты хлебнула в судьбе.
Где твой край, перелётная птица?
Где ответ: «Что больнее тебе –
Дом во снах или дом, что не снится?».

Так что же ты снова на зов,
Роняя перо по лугам?
Над гарью горячих стволов –
Долетишь ли к другим берегам?

Позади ранней осени всхлип
Холодит неостывшую рану,
Никакой океанский прилив
Не вернёт все долги океану.

И чей-то завистливый взгляд,
Но белый ушёл пароход.
И то, что судьба для тебя –
Для кого-то лишь птиц перелёт.

Через век, через сотни веков,
Лишь успев кое-как опериться,
В небеса, в белый дым облаков
Прокричит перелётная птица.
И зависть, и горечь, и страх
Растают, как эти снега.
Лишь руки да соль на губах…
Берега, берега, берега.

Чукотка. 1992

ИЗУМРУДНАЯ РЕКА

Вопреки дурным прогнозам –
Вот тебе иллюминатор,
В нём коричневые горы,
И лоснятся их бока.
Там внизу – чужая сказка
(С ней рифмуется Аляска),
И на север, и на север – Изумрудная река.

Вот и легкая каноэ –
Лист осенний по Юкону,
Будто тень от самолета
И отставшая тоска.
Не убавить, не прибавить,
Остается только память,
Что оставит нам с тобою – Изумрудная река.

Поворот за поворотом,
И, картинку оживляя,
Над канадскою тайгою
Птицы к югу, но пока
Так шуршат они крылами,
Как у нас над Жигулями,
Но родною нам не станет – Изумрудная река.

Может, всё гораздо проще, как
То облако над нами,
Что уйдет с попутным ветром –
Так на то ж и облака.
Но недаром, ох недаром,
Нас с тобой кленовым флагом
Поманила в эту осень – Изумрудная река.

Но недаром, ох недаром,
Нас с тобой кленовым флагом
Поманила в эту осень – Изумрудная река,
Изумрудная река,
Изумрудная река.

Канада. Река Юкон. 1998

В соавторстве с Сергеем Анциновым

Уснул весь дом, а город ещё спит,
И пассажиров нету на дороге.
А наше сердце бьётся и стучит,
Оно болит от счастья и тревоги.

А лишь с утра поднимется рассвет,
Мы тоже встанем и уйдём в дорогу.
И нам пошлют задумчивый привет
Все те, кто нас любили понемногу.

Обнимешь ты берёзку и сосну.
«Прощайте, – скажешь, – девушки и братцы!».
И улетишь в канадскую страну,
Где каждый день живут одни канадцы.

А если ты при них заговоришь,
Они тебя понять уже не смогут.
И потому смеёшься, и молчишь,
И всё глазами смотришь на дорогу.

Роса сырая сохнет на весле,
Горит костёр неярко и упруго.
Товарищ мой меня обнял во сне,
Как будто я была его подруга.

Таким, как он, мне хочется сказать,
Что «надо быть спокойным и упрямым»,
Чтоб ведь порой от жизни получать
Не письма – так хотя бы телеграммы.

Когда разлуки кончится туман,
Тогда вернёмся, дорогая Катя!
Я подарю тебе катамаран –
И мы его повесим над кроватью.

Река вперёд стремится не спеша,
По берегам – медведи, лоси, рыси.
Я тут на днях с испугу, кореша,
Забыл про Катю, вспомнил о Ларисе.

Мы каждый раз плывём который день,
А с неба сыпят белые букашки.
Лариса с Катей – если вам не лень,
Вы передайте мой привет Наташке!

Мы у костра тихонечко молчим.
Ладони пальцев тянем к сигаретам.
Канадский филин ухает в ночи –
Что характерно, с чумовым акцентом.

А если ты напомнишь о еде,
Завхоз защурит очи за очками,
И будешь ты в такой Караганде! –
Где пастушок Макар вдвоём с телками.

От нас какая польза для страны?!
Не дай вам Бог сказать об этом детям...
Налево горы – с правой стороны,
Ну, ладно, хоть в лицо попутный ветер.

Ну, вот и всё, кончаю, наконец.
А значит – песня до конца не спета.
Наверно, я хороший молодец –
Не пропустил ни одного куплета.

Канада. Река Юкон. 1998

1983. Группа у памятника Валерию Грушину

С НАМИ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ

В соавторстве с Сергеем Анциновым

А в сентябре на таёжную реку
Свесится дождь, и качнутся ветра.
Лист упадёт, как письмо человеку,
И перелётная крикнет: «Пора!».

Припев:
С нами ничего не случится.
Память уведёт во вчера.
Солнце одинокою птицей
В тучах заплутало с утра.

И не вернуть уходящего лета,
Как не вернуть уже прожитых дней.
Свечи берёз среди серого цвета,
Говор тайги: ни о чём не жалей.

Припев.

За сентябрём, за недолгой рекою –
Домик в тайге и последняя ночь.
Можно ещё дотянуться рукою,
Но возвращения не превозмочь.

Припев.

Приполярье. 1999

2012. Афиша

ЗАПОВЕДНАЯ СТРАНА

Посмотри, как апрель распогодил
Распустившую крылья весну.
Мы опять уезжаем, уходим
В заповедную нашу страну.
Где под синим распахнутым небом
Нынче я разобрать не могу:
То ли это подснежник под снегом,
То ли просто звезда на снегу.

Здесь порою кончаются были –
В этом царстве заснеженных лип.
Сколько раз мы сюда приходили,
Но привыкнуть едва ли смогли б.
Растревожена ночь голубая –
То ли песнею, то ли костром,
И на стрежень опять выплывает
Жёлтый серп острогрудым челном.

Убеждать удивлённых не надо,
Что красиво, а что не ахти.
Просто снег уже больше не падал,
Просто песня сложилась в пути.
Где под синим распахнутым небом
Нынче я разобрать не могу:
То ли это подснежник под снегом,
То ли просто звезда на снегу.

Будут тропы, взлетевшие круто,
Будет время побед и тревог.
Здесь начало далёких маршрутов,
Середина грядущих дорог.
И какая б ни вышла дорога,
Помним мы, что у нашей земли
Есть река необычная – Волга,
Есть такая страна – Жигули.

НАШ ЧЁЛН

Плыви, наш чёлн, плыви по воле парусов.
Благословенный миг – для сердца отдых.
И зазвенит опять от наших голосов
Рекою напоенный волжский воздух.

И здесь твои глаза опять передо мной,
И молодость вернулась доброй вестью,
А то, о чём грустит матросик молодой,
Он завтра нам споёт об этом песню.

Плыви, плыви, наш чёлн, и только не спеши
Забыть меня, когда с тобой расстанусь.
Есть берега морей, есть берега души,
А между ними вечно – белый парус.

ЖИГУЛЁВСКОЙ КРУГОСВЕТКЕ

«О Волге мы ещё поговорим
У подножья Молодецкого кургана».

Б. Вахнюк

Нам хоть, впору, на поруки
Брать погоду в этот год.
Но весло стремится в руки,
Бард гитарные подпруги
Рвёт, гудя в лицо подруге,
Как осипший пароход.

И попёрла кавалькада
Вслед за новою зарёй.
Если надо – значит, надо,
Непонятная услада.
И расходится с парада
Наш народ береговой.

Дождь настырнее пехоты.
Мы идём не по мосту
Занимать у Волги ноты,
Пить полночье до икоты
И описывать красоты,
Если вдруг невмоготу.

Кто в сомнениях и лени –
Тот, простите, жлоб и хам.
Что нам толку от сомнений,
Если в свете поколений
Даже сам товарищ Ленин
Западал по Жигулям.

Из тумана струг выходит;
Стёпа – это не Ильич.
Ишь, как глазоньки отводит,
Видно, совесть колобродит:
Или пусть княжну воротит,
Или бороду остричь!

Уж ты, вольница-раздолье,
Несказанная волна!
Вы меня возьмите в долю,
В наши песни, в наше море,
В Молодецкое подворье,
Кругосветная шпана!

Замаячит город-клетка,
Но на памятной волне
К нам с тобой ещё нередко,
Попадая в душу метко,
Возвратится кругосветка –
Жигулёвская вполне.

Жигули. Молодецкий курган

1983. Владимир Нефёдов и Юрий Панюшкин

ЖИГУЛЁВСКАЯ КРУГОСВЕТКА

Пожелай мне всего на прощание:
Завтра утром, лишь солнцу взойти,
Мы уйдём в кругосветное плаванье,
Где три дня – половина пути.
Этой ночью у ночи – бессонница,
А гитара опять о своём.
Жаль не всё, что увидим, запомнится,
Да не всё, что услышим, споём.

Скоро ял на волне закачается,
Он спешит, и ему невдомёк,
Что назад с тихой грустью оглянется,
Где-то около Переволок.

И замрёт капитан на мгновение
В непонятной кому-то тоске:
Он бы рад повернуть, да течение
Слишком быстрое в Волге-реке...

Но пока есть у нас утро раннее
Да вдогонку друзей голоса:
«До свиданья, счастливого плаванья,
И попутных ветров в паруса!».

Молодецкий курган. 1984

КРУГОСВЕТКА

Еще не уносит во мглу
Гудков пароходных орган.
Кочует, кочует к теплу
Весенних небес балаган.

А нам остаётся с тобой
С десяток привычных забот,
Чтоб утром над тёмной водой
Услышать команду «Отход!».

Ладони ночного огня
Согреют озябшую грусть.
Она провожает меня, –
И я к ней, конечно, вернусь.

Останется где-то во сне
Костров остывающий дым.
А солнце по вешней волне
Телёнком бредёт золотым.

МОРЕ

Над осенью птицы взлетают,
Лишь криком прощенья прося у земли.
И мы, как в послушную стаю,
Свои соберём корабли.

На север суда караваном уйдут –
Встречайте, студёные воды,
И ветер неласковый – с бака на ют,
И волны, и волны, и волны...

На чью там тревожную душу
Ложатся сомненья: зачем и куда?
Вернуться на твёрдую сушу
Не поздно, браток, никогда.

Дружище, придумали море не мы,
Мы в верности с ним не поспорим:
Оно не солжёт – ни на час, ни на миг –
Останется морем, морем.

Я выбрал дорогу морскую
И, как человеческий сын твой, Земля,
Я в море по дому тоскую,
А дома мне снятся моря.

Ты жди – и со мной не случится беда,
И думать не стоит о горе.
А хочешь – останусь с тобой навсегда?
Но – море, но море, но море...

Баренцево море. 1981

ДЕСЯТИБАЛЛЬНЫЙ ЛЁД

Уходит к морю караван
По Северной Двине.
Теплее строчки телеграмм,
А лето – холодней.

И где-то, может быть, сейчас
Нас, как когда-то, ждёт
Туманом спрятанный от глаз
Десятибалльный лёд.

Там станут чуточку потом
Похожи наши сны:
За ледоколом ледолом,
По ледолому – мы.

От днища красные следы
Останутся на льдах.
Полоска чистая воды –
Недолгая тропа.

Я знаю, что твоя рука
Беду не отведёт.
Дождись, родная, моряка
И проводи в поход.

Но в невозможном далеке
От северных широт
Пусть не привидится тебе
Десятибалльный лёд.

Безлюдье низких островов,
Где память – горький дым,
Где у спасательных кругов –
Букетики травы.

Уходит к морю караван
По Северной Двине.
Теплее строчки телеграмм,
А лето – холодней.

Архангельск. 1980

ПРОЩАНИЕ С ОСТРОВОМ ВАЙГАЧ

Ну, что ж, пора, до встречи, тундра пёстрая,
Держим курс на северо-восток.
Но прежде, чем проститься с этим островом,
Взглянем на него ещё разок.

И в памяти отыщем другие острова,
Которые нетрудно полюбить.
Давай для них, дружище, побережём слова –
Нам есть, о чём сейчас поговорить.

Далеко, по сути – на другом краю,
Песни сухопутных неудач.
Ну, а мы с тобою сочиним свою –
О земле по имени Вайгач.

Не снился вам, зелёные в деревьях острова,
Такой пейзаж, он только с виду прост.
Кружит над нашим островом полярная сова –
Серьёзная, как вахтенный матрос.

А нам пора, до встречи, тундра пёстрая,
Держим курс на северо-восток.
Но прежде, чем проститься с этим островом,
Взглянем на него ещё разок.

Арктика. 1978

1978. Справка Архангельского отряда ЭСМП

РСФСР
Министерство
Речного Флота
Экспедиция спецморских
проводок речных судов
Архангельский отряд
14 сентября 1978 г.
№ Д-10/1

СПРАВКА

Дана настоящая т. ПАНЮШКИНУ ЮРИЮ МИХАЙЛОВИЧУ в том, что он работал в Экспедиции спецморпроводок МРФ с 13 июля 1978 г. по "15" сентября 1978 г. в должности матроса I класса т/х "ОТА-957" на проводке судна Северным морским путем в п. Салехард.

Справка дана для предъявления в Куйбышевский институт культуры.

Заместитель командира Архангельского отряда ЭСМП А. Ф. Гурьев

ЗА КРОМКУ ЛЬДА ЦЕПЛЯЕТСЯ ЗАКАТ

За кромку льда цепляется закат,
Опередив на сутки непогоду.
Кораблик наш, как загнанный пират,
Ворвался в бухту, якорями – в воду.

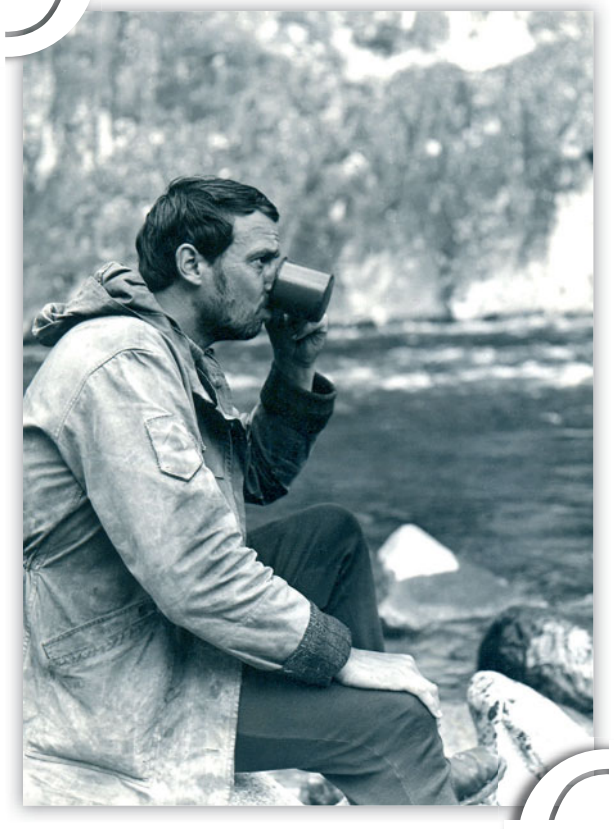
А ветер кувыркается в снастях:
«Ещё чуть-чуть, и я бы вас угробил,
Но, видно, «кэп» в рубашке родился,
А боцман, вообще, в матросской робе.

Идёт игра – на выдержку и ритм,
Идёт игра в арктической раскладке.
И капитан негромко говорит:
«Отложим эту партию, ребятки!

Нам предрекает проигрыш беду,
Поэтому команда – развернуться.
И это значит – козыри на льду,
И нам пока до них не дотянуться».

За кромку льда цепляется закат,
Опередив на сутки непогоду.
Кораблик наш, как загнанный пират,
Ворвался в бухту, якорями – в воду.

Остров Вайгач. 1978



1984...

БЕЛАЯ СОВА

Создана в соавторстве с Юрием Визбором по мотивам песни «Прощание с островом Вайгач». Опубликовано: Юрий Визбор, сочинения, том 1, Москва, 1999

Ну что ж, давай прощаться, тундра пёстрая,
Держим курс на северо-восток.
Но прежде, чем проститься с этим островом,
Взглянем на него ещё разок.
И в памяти воскреснут другие острова,
Которые нам видеть довелось…
Кружит над нашим островом полярная сова,
Сонная, как вахтенный матрос.

Прощай, но эту встречу не забудь, не зачеркни.
Путь наш – в отдаленные края.
Но ты, будь человеком, раз в полгода мне черкни:
Север. До востребования.
И «Капитан Сорокин» – наш красивый ледокол –
Скворечник наклоняет свой едва,
И снялся со швартовых этот остров и ушёл,
Белый, как полярная сова.

Не ходим мы налево – в иностранные моря:
Нам морей со льдом хватает тут.
Послали нас сюда и дали роль поводыря,
А дальше ледокола не пошлют.
Любите нас, девчата, чтоб кружилась голова,
Чтоб полюбить нам Север не пришлось.
Над нашею судьбой кружит полярная сова,
Серьёзная, как вахтенный матрос.

Август 1979
Арктика, ледокол «Капитан Сорокин»

КАРСКИЕ ВОРОТА

Приказ «Вперёд!» был до смешного прост,
Но, закурив и словно вспомнив что-то,
Шутник стармех серьёзно произнёс:
«Пройти бы только Карские Ворота».

Плыла вода зелёная, как ель,
И было поздно задавать вопросы,
Как мы отыщем в тех воротах щель,
Когда не видно собственного носа...

Да что туман – красивый был туман,
И вообще – красивая работа.
Лишь басовито ахали трюма,
Пустым нутром предчувствуя чего-то.

Среди своих житейских островов
И в душный полдень на исходе лета –
Так будет редко до красивых снов,
И потому не грех запомнить это:

Как голубеет на зелёном лёд,
Как остывает солнце цвета меди
И то, как створки ледяных ворот
Нам распахнули белые медведи.

Арктика. 1979

ОТГОЛОСКИ СУДЬБЫ

На пороге грядущих сомнений
Я уже позабыть не смогу
Ту палатку на речке Оленьей,
А точней – на её берегу.

Разговор у Охотского моря,
Наших дней верстовые столбы,
Бесшабашные песни прибоя,
А точней – отголоски судьбы.

Нас в тумане нетающей жижи
Берег встретил песчаным ковром.
Стал нам Врангель* немножечко ближе,
А точнее – совсем не врагом.

Здесь, по сути, другая дорога –
Вдалеке от родных городов.
И следов удивительно много,
А точнее – медвежьих следов.

Позже будет небесная манна
И удача для тех и других.
Но не будет такого тумана,
А точнее – туманов таких.

Нам даны и надежда, и разум.
И, конечно, любя и греша,
Мы однажды уйдём, но не сразу,
А точнее – уйдём не спеша.

... Мы отсюда уйдём, но не сразу,
А точнее – уйдём не спеша.

Охотское море. 2007

* – *мыс Врангеля*

2016. С Галиной Бирюковой

СКРЫВАЕТСЯ СОЛНЦЕ

Ю. Визбору

Скрывается солнце за дальнею елью,
И вечер приходит в обнимку с метелью.
В отчаянном вальсе по склону кружится,
А нашей палатке та музыка снится.

За теми горами, весной запряжённый,
Стоит под парами наш поезд зелёный,
А в поезде этом с тобою грустим мы,
Что так незаметно кончаются зимы.

Ребята, ребята – всему своё время,
Мы с вами когда-то оставим кочевья.
Но нашу тревогу, надежды и флаги
Подарим в дорогу другому бродяге.

И скроется солнце за дальнею елью,
И вечер вернётся в обнимку с метелью.
И белые ноты их снежного вальса
В палатке далёкой кому-то приснятся.

Южный Урал. 1981

1993. Чукотка. А чукча в чуме...

1984.
А убил крохаля Шабанов

ЭГЕЙ, СОЛДАТ!

Панюшкин-1

КАНАДСКИЕ ЦЕНТЫ

С Юрой мы познакомились в 1967 году, когда учились в средней школе № 84 города Куйбышева. Я не должен был в ней учиться, но случайно увидел девушку, в которую влюбился с первого взгляда. Школа отличалась тем, что там было поменьше хулиганов, чем в других.

Юра, несмотря на то что был немного младше меня, выделялся среди своих одноклассников юмором, бьющим, как фонтан, и какой-то безграничной добротой в глазах.

Настоящая дружба у нас началась с КВНа. Начались весенние каникулы перед госэкзаменами, и всех уже отпустили по домам. Но кто-то «припозднился»! Мне навстречу идет школьная вожатая Алла Александрова со словами: «Саша, а ты знаешь, что мы играем финальный матч КВН с 50-й школой?!». Я говорю: «Но всех уже отпустили!». Она: «Вот кого сейчас найдем, тот и будет играть с тобой. Ты капитан команды!». Конечно же, одним из первых был найден Юра. Уже тогда он занимался в Народном театре Дворца культуры завода «Прогресс». Очень точно копировал пана Гималайского из телевизионного кабачка «13 стульев». Поэтому и в команде он проходил под этим именем. В результате всего получилось так, что ни директор, ни один учитель школы не знали об этой игре. Буквально в несколько десятых балла мы одержали победу, и после каникул я гордо вместе с ребятами зашел в кабинет к директору, и медаль с моей шеи перекочевала к нему на грудь.

После школы мы встретились, когда в 1970 году я получил отпуск из армии. Это случилось на нашем Безымянском «Бродвее». Юра изменился, и в нем чувствовалась какая-то харизма. На мой вопрос «Чем сейчас занимаешься?» он ответил просто: «Я не Лермонтов, не Пушкин, я простой поэт Панюшкин».

После этого были мимолетные встречи, а потом, конечно же, наш любимый Тольятти! Юра с Таней после окончания института культуры получили приглашения на работу сюда и жили в служебной квартире отдела культуры горисполкома. Я был очень обрадован, что Юра опять рядом. Он работал сначала художественным руководителем городского клуба песни, а потом и всего городского Дворца культуры имени 50-летия Октября, где сейчас размещается театр «Колесо».

Несколько лет я уговаривал его, чтобы он пришел работать в наш театр кукол, и однажды это случилось. Дожили мы с ним до того, что в кассе спрашивали: «А Панюшкин и Свиридов будут в спектакле?». Многие дети (и родители) ходили на один и тот же спектакль по нескольку раз.

С открытием в городе театра «Колесо» у нас появился еще один товарищ — Игорь Воробьев. Он играл роль Андерсена в спектакле «Домовой и лавочник». Когда мы собирались втроем в гримерке, происходил совсем другой спектакль — это была такая жизнерадостная феерия, что случайно присутствовавшие на ней говорили, что это праздник на всю жизнь. И, конечно же, мы были Дедами Морозами! Хотя Игорь Воробьев и возмущался: «Не понимаю, что такое?! Куда ни придем, везде слышим: нам Дедов Морозов не надо! У нас свои есть!». И до сих пор на детских или взрослых елках я читаю Юрины стихи.

Он был счастливым человеком. То, о чем многие только мечтают, он охватывал в мировом масштабе. Это и прогулка по ночному замку Эльсинор, это и Сибирь, и Дальний Восток, много-много других мест... После того как он вернулся с Юкона, он подарил мне несколько канадских центов. Я спросил его, где он их взял, на что услышал: «Сплавлялись по реке, разбили костер, чтобы переночевать, и вдруг в угольках что-то блеснуло. Я наклонился и нашел несколько центов. Держи, это тебе на память».

Юру я вспоминаю постоянно, и об этом можно много говорить, ведь во мне все время живет такое ощущение, что он жив и только на время куда-то вышел, и когда я пойду по Комсомольскому району, обязательно его встречу, как это часто бывало раньше.

Александр СВИРИДОВ,
ведущий мастер сцены, актёр Тольяттинского театра кукол

1971. Казахстан.
Сары-Агач

Порадуй близких! Шагни в вечность при жизни…

С кем теперь встречать рассветы девкам у реки?
В бой уходят за Советы красные полки.
Чтобы храбро на войне сражался я с врагом –
Для того и дали мне винтовку со штыком.

Прощай, дорогая, прощай!
Уходим, как видно, надолго.
Но время наступит – встречай
Опять у родного порога.

Будут нам навстречу беды пулями лететь,
Лишь бы только до победы мне не помереть.
Ну, а если не удастся вдруг дожить до ней –
Мне б успеть расцеловаться с ласковой моей.

ПЛАЧ МАРФУШКИ

Удила лошадушка закусила,
Загрустила Марфушка, загрустила,
Чёрны ветры по небу
С пылью мчатся,
С голубицей соколу
Не венчаться.

Не венчаться к празднику с синеглазым.
Пулемётной завязью всех да сразу.
Не жена, не вдовушка
Над тобою.
Не бывает кровушка
Голубою.

Не вокруг, а около горе вьётся.
Улетают соколы – кто вернётся?
Удила лошадушка
Закусила.
Голосила Марфушка, голосила …

МАРУСЯ

Я рос так, как мне полагалось, –
В семействе своем барчуком,
А рядом она распускалась
Скромнейшим, поверьте, цветком...
За дамами высшего света
Я был поволочься не прочь,
Но видел (как странно при этом!)
Марусю – кухаркину дочь.

Росло наважденье, тревожа,
И вот, как в романе, точь-в-точь,
Мне как-то шепнула – «Сережа!» –
Маруся, кухаркина дочь.
Но жизнь нас по многим причинам
Поставила с разных сторон,
Когда их Октябрь не принял
Моих офицерских погон.

Нас «белою контрой» крестили –
От малого до старика,
И долго мы воду мутили,
Пока не попали в ЧК.
И вот на проклятой Лубянке
Я, как наваждение, прочь
Гоню, но в потертой кожанке (о, Боже!)
Маруся – кухаркина дочь...

– Мария, что всё это значит?!
А, впрочем, какой разговор...
Есть шанс у меня, не иначе, –
Ведь я вас люблю до сих пор!
– И я вас, Сережа, любила,
Вот всё, чем могу вам помочь,
И в лоб девять грамм мне влепила (с нагана!)
Маруська – кухаркина дочь...

Но пуля скользнула по коже.
Я лоб свой потрогал рукой –
И врезал с размаху по... (ладонью!)
Маруське – такой дорогой.
Потом мы на пару рыдали...
О, эта безумная жизнь!
Потом обнялись и стояли,
Стояли вот так – обнявшись.

ОПОЛЧЕНЦАМ 1941 ГОДА

Нас и наши штатские желания
Занесла вселенская пурга.
Мы в атаку шли не по призванию,
Неумело целясь во врага.

И над нами туч кровавых конница
Божий заволакивала день.
И броня утюжила околицы
Разомлевших южных деревень.

От станка ли, от сохи, от парты ли,
Памятуя Родины завет,
Мы листвою обожжённой падали
С дерева немыслимых побед.

Да не все ль равно – листвой, колосьями,
Ни у нас не спросишь, ни у них.
Хороша в бою винтовка Мосина,
Плохо, что одна на пятерых...

Мы учились незнакомой ярости.
И «Ура!» выплёскивала грудь,
Чтобы смерть в её безумной радости
От себя на время отпугнуть…

Для кого-то кануло и минуло.
Но я знаю: где-то в небесах
Тикает замедленною миною
Память на невидимых весах.

Над крестом склонилось человечество.
Дирижёр кивнул – оркестр затих.
Об одном прошу тебя, Отечество –
Вспомни о защитниках твоих!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Нас так вначале пробирало,
Такой озноб за горло брал,
Что впору драпать до Урала,
А там, глядишь, и за Урал.

«Броня крепка и танки быстры!», –
Пел довоенный патефон.
Но враг уже дошёл до Истры,
Уже Москвою грезил он.

То шелестели разговоры,
То предрекало вороньё,
Что нет спасения от своры,
Что мы отверили в своё.

Но несдававшимся солдатам,
Тому, кто верить не отвык,
Над кровоточащим закатом
Являл Господь Победы лик.

И грянул гром тысячекратно!
И нашу враг познал грозу.
И ночь паучьего штандарта
Солдату пала под кирзу.

…Победы сын в шинель уткнулся, –
Он спал, уставший наповал.
И Сталин дымом поперхнулся,
А Черчилль недоумевал.

БАЛЛАДА О МАЙОРЕ

У окошка, у окна
Генералова жена:
Обещал вернуться нынче пораньше.
Средь московских холодов,
Двадцати шести годов,
Мужа к ужину ждала генеральша.

Так сидела у окна,
И знобила тишина.
И мороз, как будто клацал затвором.
А товарищ генерал
В это время выпивал,
Но, конечно, не один, а с майором.

С тем майором, что, когда
В сорок пятые года
На последнем рубеже кровь вскипала,
Грудь подставил под свинец, –
Только выжил молодец.
Да и спас тогда майор генерала.

Снова пили за своё.
В это время у неё
Постучала ночь да в дверь коридора.
Увозили налегке
В самом чёрном «воронке»
Конвоир да лейтенант – сын майора.

Годы струйкою в песок.
Память пулею в висок.
Нам бы где-то появляться пораньше.
Вот и кончен разговор,
Не простил себе майор,
Что не смог в ту ночь спасти генеральшу.

…Вот и кончен разговор.
Кто осудит, что майор
До последнего любил генеральшу.

ФОТОГРАФИЯ ПОБЕДЫ

Фотография Победы,
Чёрно-белое кино.
Непростительные беды –
Так недавно и давно.

Там с войной дорога дальше
От родимого крыльца,
Где потом в победном марше
Слёзы мамы и отца.

Возвращение к порогу,
От которого ушёл.
Будет мир и – слава Богу! –
Значит, будет хорошо!

«Будет всё, как в доброй сказке», –
Прошептал ещё живой
Наш солдат в пробитой каске
На берлинской мостовой.

И как будто бы кому-то
Улыбнулся из ночи:
«Ты, уж, там насчёт салюта
После нас похлопочи».

...Вновь спешит, хмельной и смелый,
Май с весною под венец.
А на фотке чёрно-белой –
У Рейхстага мой отец.

2012...

ГДЕ НАДБАВКИ У РУБЛЕЙ

Где надбавки у рублей
И коэффициенты –
Там у северных людей
Странные акценты.
И по праздникам большим,
Как горилка к блюду,
«Ще не вмерла Украина!» –
Слышится повсюду.

Ну-ка догадайтеся, людины,
Как когда-то догадались мы:
Що це так богато Украины
На просторах чудной Колымы?!

Сорок пятый поманил
Северным озоном.
И селились здесь они
В основном по зонам.
Те, кому недотянул
Суд до высшей меры,
Шли гуртом на Колыму –
С приветом от Бандеры…

Ну, теперь вы поняли, людины,
Как когда-то поняли и мы:
Здесь так мно-, так много Украины,
Что порой не бачишь Колымы!

Я-то русский, если только верить документам.
Правда, помнится, хохол жил у нас в дому.
То-то я заговорил с северным акцентом –
Да, не вмерла Украина, судя по всему!

Чует сердце – скоро час настанет,
Не страшна нам лютая зима;
Переименуется и станет (щоб я вмер!)
Северной Украйной Колыма...

Колыма. 1986

23 ФЕВРАЛЯ

Арфы нет – ударю в бубен!
До икоты, до отрыжки
Ратный труд армейских буден
Мне знаком не понаслышке.

Но уж как, бывало, пели –
Не кривя душою, кстати,
Что нигде, мол, в самом деле
Нету крепче нашей рати.

И что нет такой же мощной
Среди молнии и громов –
От тайги дальневосточной
До британских водоёмов.

Небо млело от салюта.
Славу армия вкусила,
Да вот только почему-то
Стали петь о ней вполсилы.

Память музыкой накатит,
Той, что пусть не станет ретро.
Помяну я деда с батей
И услышу в шуме ветра:
«Непобедимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед.
Тебе, любимая, родная армия,
Шлёт наша Родина песню-привет!»

1942. Отец Михаил Егорович Панюшкин

ЭГЕЙ, СОЛДАТ!

К студенческому спектаклю

От бодрых палочек дрожит
На барабане кожа.
Эгей, солдат, а ну скажи:
Чего тебе дороже?

«Враги, когда они бегут,
Как будто так и надо,
Да запоздалый Божий суд,
Да звонкая награда».

От бодрой поступи дрожит
Земля в цветной полыни.
Эгей, солдат, а ну скажи:
А где твой дом отныне?

«Забыты мать с отцом давно,
Хрипит команда в глотке.
Мой дом – везде, мне всё равно,
Где ждут меня красотки.

Заставлю сердце не дрожать,
Пусть гнётся в поле стебель –
Чтоб, идя гроб мой провожать,
Рыдал подлец фельдфебель.

Пожрать от пуза был бы рад
Да умереть красиво» –
То место, где стоял солдат,
Ещё дрожит от взрыва...

От бодрых палочек дрожит
На барабане кожа.
От бодрой поступи дрожит
Земля в цветной полыни.

Эгей, солдат, а ну скажи:
Чего тебе дороже?
Эгей, солдат, а ну скажи:
А где твой дом отныне?..

НА БРОНЕТРАНСПОРТЁРЕ (*)

Что снится нашим ворогам –
Нам это, брат, без разницы.
Так засандалим по рогам,
Что дым пойдет... со всех сторон!

Эгей, эгей! Мы в бронетранспортёре! (2 раза)

Элементарная фигня –
Все их поползновения!
У нас, что люди, что броня –
Крепки до обалдения.

Эгей, эгей! И танки наши быстры! (2 раза)

На ихнюю истерику
Пойдем могучим строем.
Колумб открыл Америку, –
А мы её прикроем.

Эгей, эгей! На бронетранспортёре! (2 раза)

Нам вдаль глядеть уверенно,
Ведь мы ж с тобою, брат,
В гробу видали Рейгана
И весь его сенат!

Эгей, эгей! На бронетранспортёре! (2 раза)

(*) – Приведён цензурный вариант текста.

В ПРЕДЕЛАХ СКАЗОЧНОЙ СТРАНЫ

2006. Чайханщик

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДУША ПОЭТА

Кто-то, быть может, и не поверит, но очень часто в общении с профессиональными музыкантами Он, конечно же в своей обычной философско-шутливой манере, произносил такие мудрёные словечки, как аллегро, пиццикато, крещендо, стаккато и ещё некоторые сугубо музыкантские всемирно-итальянские термины. И в этом я угадываю хорошо скрываемую чуть печальную нотку тонкой и ранимой музыкальной души поэта.

А вот его известные шутки: «Ему хорошо, он ноты знает...» или «модулято не туда-то...» Мы часто сами не понимали почему, но нам становилось хорошо, когда звучали Его неподдельно искренние, до краёв наполненные мелодизмом и юмором, лирикой и сарказмом, но всегда чётко, чисто и честно выстроенные песни. Выстроенные именно по хрестоматийным правилам и формам классической композиции в целом и по неписанным для барда канонам, в частности.

Его песни ушли в народ: они любимы, они исполнимы и исполняемы, они легки на ухо и на язык. Интеллигентный стих и слог, на который нанизана страшно запоминающаяся мелодическая линия — ну что, казалось бы, может быть проще этой придумки? Но если это так просто, то вы попробуйте... Вы ведь тоже хотите, чтобы ваши песни пели люди, пела страна? Так пробуйте! Только вряд ли это у вас получится.

Разворачивая этот разговор в русло Его, и именно Его музыкального дара, я вспоминаю, как легко подхватив гитару, Он вдруг мог выйти из-за кулис на большую сцену Дворца спорта или Тольяттинской филармонии и подыграть ансамблю гитарной музыки «Резонанс», привнеся реальную гармоническую поддержку давно уже сыгранному известному в стране коллективу.

А вот, пожалуйста, пример совсем из другой, как говорится, «оперы» — зимней рыбалки, страстным поклонником которой Он был. Я говорю:

— Юра, у тебя леска в лунку вмёрзла. Ты почему удочкой не работаешь?

Ответ одновременно удивляет и радует:

— Я песню сочинил, вот послушай: «Мур-мур-мур...».

Подобные случаи происходили и на грибной охоте. Юра уходил куда-то, блуждал где-то и неожиданно возвращался с песней и двумя-тремя никчемными грибами, «налялякивая» новую мелодию и мало-помалу, не спеша (poco a poco. andante) близясь к коде. В таких случаях мне всегда приходила шальная мысль:

«А если Он бы имел бы музыкальное образование?! Наверное, занимался бы написанием крупных форм, таких как сюита, соната, симфония...».
И я понимал, что не такая уж эта мысль шальная и глупая.

Слава Богу, что мы Его знаем и любим именно таким, каким Он был, и никаким другим!!!

Юра, мне хорошо не потому, что я знаю ноты, а потому, что их не знаешь ты: чистый, честный и свободный музыкальный художник. Это я как профессор консерватории говорю!

Григорий ЭСТУЛИН,
профессор Тольяттинской консерватории

2017. С Григорием Эстулиным

1994. Спектакль театра кукол. Тольятти

Становитесь великими! В очередь...

ОБ ОТЕЛЛО

Исхожен путь – от лыка до мочала,
Но, отдавая дань другим векам,
Меня всегда по-доброму смущала
Любовь Отелло к носовым платкам...

Ужели был ему настолько дорог
Клочок батиста с розовой каймой,
Что моментально превратился в порох
И вспыхнул мавр, едва придя домой.

Где, мол, платок, что в пятницу на рынке
Купил тебе, его хранила чтоб?!
А дальше молоко прокисло в кринке
От тёплых слов в её прекрасный лоб.

Слетает лоск с венецианской масти,
Свинцовый взгляд подобен кулаку.
И ревность – поводырь безумной страсти
К единственно любимому платку.

Воскресный вечер. Где-то мясо тушат.
В домах напротив теплятся огни.
И ждёт мамзель, когда её задушат
За лоскуток матерчатой фигни.

Так где ж платок и кто чужой касался
Его каймы, пусть даже и во сне?
Всё просто: он в субботу истрепался
И сдан в починку Яговой жене.

По счастью, в этот раз финал с фингалом,
Но с ним мораль для будущих веков:
Каприз жены – не повод стать болваном,
А покупать – так дюжину платков.

БЕТХОВЕН

Вот так кому-то иногда
Даруют небеса талант.
Но есть печаль, а есть беда –
Оглох внезапно музыкант.

В строку ложились голоса,
Так непосредственно умны:
«Вы попросите небеса
Вернуть вам звук со стороны».

Но снова к Богу – не в мольбе,
Вокруг не слыша ничего,
Он слышит музыку в себе.
И слышит музыка его.

Для тех, кто не знает.
Когда Бетховен оглох, у него появились
«разговорные тетради»,
в которых он сам и его друзья вели беседы.
Теперь текст понятен?

НА 1 АПРЕЛЯ

Гомер был слеп,
Бетховен – глух.
А я здоров,
Но я –лопух!

1994. Актёр Тольяттинского театра кукол

К ГАМЛЕТУ

Шипит ли дождь иль ветер лает,
Но караван времён идёт.
Двоих теперь объединяет
Лишь потускневшей меди лёд.

Славен замок Эльсинор.
Век за веком каплет...
А вот я с тобой в упор
Не согласен, Гамлет.

Скороспелые кранты,
Ночь скулит в подушку.
На фига устроил ты
Эту заварушку?

Ты на деву посмотри,
Преклони колено:
Если всех в монастыри,
То кого – на сено?

И отца её на нож,
И на шпагу – братца.
Варвар ты, едрёна вошь,
Если разобраться.

Можно было без потерь –
Свадебкой да ладом.
А уж после и за дверь,
И айда по бабам!

Взять Горацио с собой
Да пивка из бара.
Эх, под Тенью роковой
Расчехлись, гитара!

А жене скажи, нахал,
Хоть и через силу,
Что, мол, ты всю ночь искал
Йорика могилу.

...Быть не быть – гадать не нам
На кофейной луже.
В Эльсиноре свой бедлам,
И у нас не хуже.

К строчкам тянется рука
Из иного мира.
Кто читает «Колобка» –
Тот поймёт Шекспира.

ВАЛЬС ЗОЛУШКИ

Как веселы мы! озорны! бесшабашны! беспечны!
И нам никаких мудрецов не опасны умы.
И бархатных звёзд несравненная грезится вечность,
Где вновь на балу: только – ты, только – я, только – мы.

Ещё продолжается бал, но уже недалече
Минут неизбежность на башне дворцовых часов.
Хрустальная туфелька – хрупкий залог нашей встречи,
И наша разлука на чаше печальных весов.

Ах, славный мой принц, не спеши предаваться печали,
Счастливый финал нам уже уготован с тобой.
Любимые – в сказках всегда расстаются в начале.
Чтоб ближе к финалу одной становиться судьбой.

Любимые – в сказках всегда расстаются в начале,
Чтоб ближе к финалу одной становиться судьбой.
Ах, милый мой принц, не спеши предаваться печали,
Счастливый финал нам уже уготован с тобой.

НАПОЛЕОН

Наполеон всегда был шустрым малым,
И что скрывать, коль это не секрет:
У всех миледь, к которым забегал он,
Висел его большой «Бона-портрет».

У них и дверь, и окна настежь в спальне,
Где как-то раз проснулся он в тоске:
Был нос его забит какой-то дрянью –
Вот так, ребята, спать на сквозняке...

Но тут труба походная завыла,
Он сиганул в окно – и ву а ля!
Там, как всегда, ждала его кобыла,
Собрал войска – и двинулся в поля.

Лорд Веллингтон английский горделиво
Маршировал у пушек на виду,
И наш герой твердил нетерпеливо:
Ду ю спик инглиш, хау ду ю ду.

Сигнала ждет французская дружина.
Ну, Бонапарт, командуйте скорей!
Но душит насморк, подлая вражина,
И вместо крика – клекот из ноздрей...

Прошло три дня, но армия стояла
И все ждала, когда ж раздастся клич?
Вдруг он чихнул – тем, что ему мешало,
И две шеренги рухнули навзничь.

Так повторилось раз примерно двадцать,
Гвардейцев это стало возмущать.
И кто-то крикнул: делай ноги, братцы!
Бежим отсель – ему на нас начхать!

А император, подогнув колени,
Упал ничком в естественный газон.
Очнулся только на Святой Елене –
Там хорошо, там бархатный сезон.

Там никого, так не на кого злиться,
Там, сколько хошь, сморкайся в тишину.
Вот так порою просто простудиться
И проиграть великую войну...

Ну что, мой друг, сопишь?
Мешает жить Париж?!

ДОБРАЯ СКАЗКА НАШЕГО ДЕТСТВА

Здравствуй, мой друг, все мы когда-то взрослеем.
Лишь одного, будь уверен, забыть не сумеем:
Годы летят, но остаётся в наследство
Добрая, светлая сказка нашего детства...

Верный мой друг, долгою будет дорога.
Но иногда, хоть во сне, задержись ненадолго.
Там, где с тобой нам остаётся в наследство
Добрая, светлая сказка нашего детства...

Лишь бы всегда нам оставалась в наследство
Добрая, светлая сказка нашего детства!

1996. Новогодний утренник в Тольяттинском театре кукол

ПО МОТИВАМ СКАЗКИ

Дождь на крышу капал,
А в лесу избёнка.
Ждут маманю с папой
Братик и сестрёнка.
Мамка и папаня
В дальнюю сторонку –
Детского питанья
Привезти в избёнку.
А в избёнке тихо,
Жутко не на шутку.

И гуляет лихо —
От мозгов к желудку.
Книжка детских сказок
В уголку пылится.
Не смыкают глазок
Братец и сестрица.
С голоду не спится,
Неча тут смеяться:
Ей всего за тридцать,
А ему за двадцать.
Дело непростое –
Ночь да непогода.
Детство золотое –
Ни блинов, ни меда.
Заглянула бабка
В низкое оконце.
А у бабки ступа
О загривок трётся.
Молвила старушка:
«Здравствуй, мальчик Ваня!
Вот тебе игрушка –
Голова баранья.
Я тебя, Ванюшу,
Откормлю, отмою,
А за это в душу
Поживёшь со мною».
Заблажила Марья,
Ан да поздно было,
По глазам бараньим
Заплясали звезды.
Облизнулся с печки
И услышал Ваня
Где-то недалече
Птичье гоготанье.
Распахнули книжку
Гуси – не иначе.
Унесли братишку.
…Я сейчас заплачу!

ПРО КРАСНУЮ БАБУШКУ

Лес зеленый, небо сине, куст малиновый цветёт.
Вот и наша героиня в красной шапочке идёт.
Ей дорога – не загадка, пусть трудна и далека,
Если ждет родная бабка, приболевшая слегка.

Тут нетрудно догадаться, кто ей встретился в пути:
«То да сё, да как добраться, как до бабушки дойти?».
Внучка, как и полагалось, исповедалась ему,
Но при этом улыбалась и чему-то своему...

Ладушки-ладушки,
До скорого у бабушки!

Хищный зверь с повадкой танка вышел к цели напролом.
Вот та самая полянка, палисадничек и дом.
У крылечка остановка («Ну, бабуля, погоди!»).
– Дерни, детка, за веревку, вытри ножки и входи.

И ворвался он в избушку, без понятия о том,
Что окажется старушка ворошиловским стрелком...
Вот она, взглянув сурово, глаз прищурила слегка
И с оружья именного продырявила волка!

Волк не дожил до получки в этой притче – ё-моё!
Дело вовсе не во внучке – дело в бабушке её,
Дело в каждом, кто не против усмирять звериный нрав.
Видишь, вывеска напротив: «Вступим в общество
ДОСААФ!»

Ладушки-ладушки,
А чем мы хуже бабушки?!

УТЁНОК

В. Высоцкому

Эту сказку я с пелёнок
Вспоминаю до сих пор:
Как забрёл один утёнок
На уютный птичий двор.
В тот же миг он был безбожно
Поднят курами на смех,
Потому что не похожий –
Ни на этих, ни на тех.

«Ты не нашего замеса, –
Гоготали гусаки, –
С недоношенным балбесом
Нам родниться не с руки.
Ты – никто, а наши деды
Рим от недругов спасли.
И проваливай отседа,
И не плачь, и не моли».

Как он маялся, болезный, –
Я бы выразить не смог.
Но, случается, полезный
Для иных такой урок.
Он не плакал, не молился,
Лишь, немного погодя,
При дворе опять явился –
Но в обличье лебедя!

Куры лапками всплеснули,
Показав другим пример,
Две гусыни подмигнули,
Намекнув на адюльтер.
Но качнул великой шеей,
Но взмахнул крылами он.
Раздалася в отдаленье
То ли песня, то ли стон:

«Я лечу без промедленья
В те края, где жизнь не крест.
Где живёт «едреня феня»
В заповеднейшем из мест.
Где не ранит когтем спину
Ни рука и ни нога…
Где ни глупости куриной,
Ни гусиного «га-га!»

КОРОЛЕВСТВОМ, НЕ ТО ЧТОБЫ ОЧЕНЬ БОЛЬШИМ…

Королевством, не то чтобы очень большим,
Правил мудрый король двадцать лет с небольшим.
Не бесился зазря, не кичился венцом,
И его – за глаза – называли «отцом».

Но недаром беда где-то рядом живет
(Это не ерунда – если «крутит» живот!).
Третьи сутки король на горшке – как прирос,
И терзает его то запор, то понос...

Нет ни мочи, ни сил, настроение – ноль,
И тогда объявил общий траур король.
Пташки божьи замолкли в садах у него,
Только птицам свободным лесным что с того!

Ай-яй-яй, стыд и срам и вселенская хмарь –
Королю возражает порхатая тварь!
Изловчились, поймали – и в общую клеть,
Но и там продолжали пернатые петь.

Что им клеть, что им плеть – лишь глупцу не понять:
Если птицам не петь – значит курам летать...
Королевский Совет порешил, стало быть,
Королю дать совет – как, мол, с птицами быть:

Крылья-де обкорнать – перестанут летать...
А не станут летать – так о чем щебетать?!

Но не зря короля прозывали «отцом»,
Он промолвил со скорбно-усталым лицом:
«Птицу крыльев лишать – это, право, садизм», –
И пошел получать дозу импортных клизм.

Королевский Совет внял величью ума –
В королевстве калек и без этого тьма.
Потому-то с тех пор милосердной рукой
Рубит крылья топор только вместе с башкой...

«Чай, теперь твоя душенька довольна… »
А. С. Пушкин

Жил старик, при нём старуха,
У большого водоёма;
Бабка пряжей увлеклась,
Дед рыбачил на прокорм.
Как-то раз поймал он рыбку
После третьего заброса,
Не простую – золотую,
Говорящую при том.

Рыбка молвит: «Ты бы, старче,
Отпустил меня обратно,
А за это я исполню
Всё – чего б ни заказал».
Дед слюною поперхнулся,
Но рыбёшку бросил в воду,
И о том своей старухе
Не сдержался – рассказал.

Бабка деду попеняла:
«Ах, ты пень косоголовый!
Ежель сам из благородных –
Я так вовсе не из тех.
Воротись немедля к рыбке
И пущай она подарит
Мне дубовое корыто
Для хозяйственных утех».

…Вот на новое корыто
Не нарадуется бабка:
То цветами изукрасит,
То навешает бантов.
И опять морочит деда,
Чтоб принёс ещё корыто
Для квашения капусты
И засолки огурцов.

…Месяц, год ли, век ли минул –
За корытами корыта:
С дверцей – вроде шифоньера,
С крышкой – вроде сундука,
На петельках – вроде полки,
На колёсах – вроде тачки,
И отдельное корыто
С дыркой – вроде нужника.

И однажды бабка деда
Посылает к водоёму:
«Излови златую рыбку,
Не перечь, дурак седой!
Пусть она по доброй воле
Поживёт у нас в корыте,
Да чтоб ты туда-обратно
Не мелькал передо мной».

Над старухиным желаньем
Рыбка грустно рассмеялась
И промолвила: «Сколь бабку
Ни дари, ни привечай,
Но коль все её желанья
Упираются в корыто,
То и я помочь не в силах;
А теперь, старик, прощай!».

Так сказала и исчезла,
Лишь сверкнула чешуёй,
И худой, как старый невод,
Дед побрёл к себе домой.
…Глядь, изба давно не крыта,
Из щелей торчат корыта,
На крыльце старуха спит,
Перед ней гора корыт.

По-над ними ветер воет,
То ль хохочет, то ли стонет,
То ли гонит пред собой
Сказ о рыбке золотой.

О ШАХМАТАХ

Случилось где-то что-то, не иначе:
И все бежит, летит, ползет и скачет
Запечатлеть, увидеть и так дале –
Чего другие тоже не видали...

Хвостами уцепившись за лианы,
Смотрели, обалдевши, обезьяны
На то, как – вы поверите едва ли, –
Удав и кролик в шахматы играли.
Ах, помыслы и мысли без изъяна!
Но плакала седая обезьяна...

Да, видно, затянулась та забава:
Два пожилых, два опытных удава,
Зевая сыто из высоких трав,
Напомнили ему, что он – удав.

А дальше – вы поверите едва ли:
Удав зевал, а кролика – искали...
Ах, помыслы и мысли без изъяна!
Ах, старая седая обезьяна!

2008. Хам-Сара. Ловись, рыбка!

ДУРАКА НАЗВАЛИ УМНЫМ

Дурака назвали умным –
Он задумался и... помер.
Плачьте, люди, не прожить нам
Без немыслимых потерь.
Дурака, конечно, жалко,
И общественности – горе.
Да к тому ж с похоронами,
Как известно, канитель.

Сюда бы того умника,
Что озадачил Дурака!
Он не иначе – засланный,
Он, несомненно – враг.
Ведь сколько сил угрохала
Могучая республика,
Чтоб только ненароком
Не задумался Дурак.

Возле ямы говорили
О судьбе его беспечной:
Настоящий был товарищ,
Потеряли Дурака...
А потом похоронили
Под судьбой пятиконечной,
Под крестом и под плитою,
Под оркестр из ДК...

Ну, вот и вся история
Про дырочку из бублика.
Забавная нелепица,
Потешное кино.
И нет тебя достойнее,
Великая республика,
Пока один Дурак – за всех,
А все – бу-бу-бу-бу...

В ПРЕДЕЛАХ СКАЗОЧНОЙ СТРАНЫ

Листая в детстве «Айболита»,
Не мог я и представить вдруг,
Что мною будет не забыта
Вся доброта его потуг.

И что меня подхватит снова
Видений детских хоровод,
Где врач в присутствии коровы
Приём под деревом ведёт.

А рядом хворая волчица,
За ней – жучок и паучок.
Всем тем, кому не лень лечиться,
Поможет славный старичок.

Среди таких врачебных буден
В пределах сказочной страны
К нему во сне являлись люди,
Непредсказуемо больны.

И человеческой фактурой
Он, потрясённый до основ,
Лечил их лучшею микстурой,
Забыв мартышек и слонов.

А утром вновь – то львы, то блохи
Кружком под деревом стоят,
И в центре он – слуга эпохи –
Ветеринарный Гиппократ.

…Года просеяв через сито
И заглянув в себя на миг,
Перечитайте «Айболита».
Хороший, кстати, был мужик!

ХЛОПОТЫ

До обеда не просплю:
Я лениться не люблю,
Я лениться не хочу
И сейчас похлопочу.

Например, возьму топор
Да и как пойду во двор!
На дворе растёт трава,
На траве лежат дрова.

Раз – дрова! И два – дрова!
Закружилась голова.
Не хочу травить дрову,
Лучше я полью траву.

И с ведёрочком в руке
Побегу к большой реке.
Через холм и через луг.
Пусть увидят все вокруг.

Я бегу и я лечу,
Но крапиву не топчу:
Пусть она себе растёт,
Ну а я пойду в обход.

Вот знакомая река!
Я напьюсь из родника.
Интересно – а живёт
В этой речке бегемот?

С чистой ключевой водой
Поспешу к себе домой –
Через луг и через холм.
Вот уже и милый дом.

До чего ж, ребята,
Хлопотать приятно!

ТЕАТРАЛЬНАЯ ИСТОРИЙКА

Март уходил, не жалуясь на почки.
Дул лёгкий бриз неспешных перемен.
А театральный критик, ум топорща,
Критиковал дебют актрисы Н.

Он поносил её весьма толково,
Хотя и не без вычурных манер.
Был критик сам из города Ростова,
Она была – актриса из Бендер.

Дочь Мельпомены ни кивком, ни словом
Не снизошла до критики его.
Она была к в е л и к о м у готова.
И, так-таки, добилась своего.

А он в запале, было, чуть не помер.
Его перо знобила маета,
Но ей уже рукоплескал Житомир,
Потом Одесса и Алма-Ата.

И на балу достойнейших артистов,
Где Лондон не приемлет суеты,
Английский лорд через премьер-министров
Ей посылал голландские цветы.

Гремели труб серебряные пасти!
В колокола звонили тут и там.
Она – пример безудержного счастья.
Но критик шёл за нею по пятам.

И вот судеб лихое наважденье:
Была тусовка в Сызранском ДК,
Актрисе критик сделал предложенье –
И в ЗАГС они пошли в руке рука.

… Давно ушёл на суп венок лавровый,
Не слышен рёв серебряной трубы.
Но милая актриса вновь и снова
Довольна поворотами судьбы.

Лишь иногда вздыхала не сурово,
Седому мужу приводя пример,
Как критик из какого-то Ростова
Критиковал актрису из Бендер.

И ХОЧЕТСЯ, И ВЕРИТСЯ

Приходит праздник радостный
Для нас и детворы.
Он снова чем-то благостным
Зальёт свои шары.

И хочется, и верится,
Что Новый год потом
Тебе подарит мельницу –
Волшебную притом.

Она замашет крыльями,
Сойдутся жернова,
И станут просто пыльными
Вчерашние слова.

Невзгоды и нелепица,
И ворон на суку –
Всё это перемелется
В обычную муку.

А ветерок, ищи-свищи,
Задиристый такой!
Гуляючи-играючи
Расправится с мукой.

И ты услышишь скоренько,
Лишь выйдя за порог:
«Везёт лошадка дровенки,
А в дровнях мужичок» …

2000. Театр кукол.
Юрий Панюшкин и Александр Свиридов

ПРО ЕРМИЛА

Может быть, от большого ума,
Может быть, от отсутствия оного –
Не боялся Ермил ни рожна,
Ни войны и ни змия зелёного.

Супостатов круша кулаком,
На копьё по десятку нанизывал,
Да и змия глотал целиком,
Только пухлые губы облизывал.

Выпьет, гаркнет: «А ну, кто кого?
Эх, сейчас разгуляюсь на воле я!».
И от крика такого его
Содрогалась Татаро-Монголия.

Может быть, от большого ума,
Может быть, от отсутствия оного, –
Но приснилась Ермилу жена
На плече у супруга законного.

Сей же час зачесалось плечо –
Видно, сердце у парня не каменно.
И влюбился Ермил горячо,
Да уж так горячо – прямо пламенно.

И на свадьбе его запевал
Сводный хор величальные арии,
И кумысом кумыс запивал
Представитель Монголо-Татарии.

Может быть, от большого ума,
Может быть, от отсутствия оного –
Но не верил Ермил, что жена
Обожает супруга законного.

И от взгляда чужого её
Запирал на щеколду дубовую,
И хватался чуть что за копьё,
И лечился отравой зелёною.

Он топил свою ревность в вине
И жену теребил, хоть оттаскивай.
Та в слезах прибежала ко мне:
«Дай совет, ты же добрый и ласковый».

Всё про всё рассказала сама,
Я смеялся до зуда зубовного.
И, видать, от большого ума
Написал об отсутствии оного.

ПОЛУБАСНЯ

Ученику однажды не на шутку
Вдруг возомнилось, что в судьбе своей
Он превзошёл учителя науку –
Как, впрочем, и других учителей.

И как-то раз, вот так среди недели
Великий ученик – ни дать, ни взять –
Он так проникся этою идеей,
Что позабыл, о чём хотел сказать.

Струил октябрь желтеющие пряди,
Роняя их в осенний грузовик.
Учитель у вольера в зоосаде
То плакал, то показывал язык.

То повторял взахлёб и многократно
Про лыко – что начало всех начал.
Но ученик с достоинством примата
Жевал банан и искренне молчал.

…Пусть как поэт и я не без изъяна,
Но говорю, мораль подняв на щит:
«Да здравствует иная обезьяна,
Которая хоть изредка молчит!».

Я всегда врачей Тибета
Почитал и уважал:
Покажите мне поэта,
Что в больнице не лежал...

Одноместная палата –
Как загадочный Тибет.
Если в ней поэт, ребята,
Значит это – не поэт.

Нынче я опять с обновой:
В восьмикоечном раю
Ко всему лежу готовый
У окошка на краю.

А вокруг судьбы приметы;
Нерушимою стеной
Семь больных – и все поэты.
Вот вам, нате, я – восьмой.

И один, с ушами в вате,
Пароходом загудел.
Говорит, что мы в палате –
Не на воле, не у дел...

Запрягай, народ, телеги,
Видишь – лошадь на бровях.
Эх! У нашего коллеги
День рождения на днях.

Сбоку тихо зарыдали,
Умиленья не тая:
«Мы всегда вдвоём гуляли –
Саша, нянюшка и я».

А не в меру бородатый
Тут же трубкой зачадил:
«Вот и я его, ребята,
В Летний сад гулять водил».

В тон ему немедля вторил
Некто, осенясь крестом:
«Я их с Людкой познакомил,
А Руслан пришёл потом».

«Настоящий мусульманин.
Ой, храни его Аллах», –
Спел душевно смуглый парень
В тюбетейке и очках.

Был шестой немногословен,
Пара слов – и весь привет.
Правда, сильно сквернословил.
По всему видать – поэт.

Тут глухой, слегка незрячий
Поднял руку с костылём:
«Славный повод, не иначе.
Я сгоняю за вином.

Сашка, добрый мой приятель,
Тоже с берегов Невы.
За него по полной, братья,
Кто уж, ежели не мы!» .

… Чем закончилась баталья,
Рассказал бы как-нибудь.
Но, войдя, сестра Наталья
Прошептала: «В добрый путь».

Шприц вонзился, как заноза.
Я по лугу побежал, –
И меня в бреду наркоза
Пушкин за руку держал...

ЭТУ ДАМУ НЕ ПОКРЫТЬ МНЕ ВАЛЬТОМ

1983. Юра разгружает плот...

ПРОЩАЙ, ЮРА!

«Не надо меня в историю!» — восклицал легенда авторской песни, тольяттинец Юрий Панюшкин на своём юбилейном концерте.

Нет уж! Не отвертишься, Юра! Народная память цепка. И если ты «глаза в глаза», по-честному отработал много лет, вот он — твой реальный результат! Те ребята, что уже сейчас поют твои песни «Посмотри, как апрель распогодил...», «Повязана поляна косынкою костра...», запомнят тебя, сегодняшнего, навсегда. Так же, как и я помню тот осенний день 1983 года, когда впервые вошла в помещение нашего КСП «Привал», где встретила друзей на всю жизнь. А ты, Юра, был нашим руководителем. Вот здесь мне – о чем? О нашей творческой «повседневке» или о слётах «Золотой осени» и ярких рассветах после бессонных ночей? О «парении в эфире» и тех минутах всеобщего обожания или... о другом? А после этого грустно-бытового «другого» путь один... на Колыму. Да, уехал. По просьбе супруги, которую задолбали бытовые, годами не решаемые проблемы. И через несколько лет вернулся. С целым циклом новых песен о своих впечатлениях. Как мы тебя встречали!

А ещё очень памятным для нашего Тольятти стало признание не менее романтичного Олега Митяева, который по просьбе незабвенного первого мэра города Сергея Жилкина написал песню — своеобразный гимн Тольятти «Послушай, приятель! Ты не был в Тольятти, а значит, и женщин красивых пока не видал!».

По признанию Митяева, главный лирический персонаж в этом творении ты — Юра Панюшкин! Об этом и многом другом мы чуть позже говорили в теле- и радиоэфирах. И даже одну из радиопрограмм ты повёз в Болгарию нашим друзьям-коллегам с радио «Вис-виталис», куда тебя (как когда-то и нас) пригласили на их удивительный «Праздник роз». Что тебе сказать, Юра, в этот юбилейный день? Наверное, в большей степени тебе, весеннему, подойдут слова Расула Гамзатова: «В одно окно смотрели двое. Один увидел дождь и грязь. Другой — листвы зелёной вязь, весну и небо голубое. В одно окно смотрели двое». Ведь ты именно такой: романтик, верящий в хороших людей и постоянно в кого-то влюблённый. А мы верим в тебя, в твоё творчество. Вот только за эти строчки тебя были просто обязаны принять в Союз писателей: «Застывший воск свечи — янтарь на шее ночи. И старая любовь, и тайная печаль. И неизбывный свет забытой напрочь строчки, и вера, что пора все заново начать.

Осенний силуэт в оконном Зазеркалье, и грешная струна в придуманном раю. И талые слова перед святым молчаньем...».

P.S: Да, мы плача прощались с тобой. Ибо ты — часть нашей жизни. Лучшая! Юношески-лучезарная! Мы, можно сказать, выросли на твоей лирике. Спасибо тебе за нашу молодость. Ты — поэт от Бога. И пусть будет так!

Антонина ШАМРАЙ,
председатель Автозаводской организации
Союза журналистов России

2010-е.
Чайханщик Юрий Панюшкин с гаремом

С Антониной Шамрай

1987. В Жигулёвской кругосветке

Пожалуйста, приведите себя в порядок. И лучше – добровольно!!!

ЭТУ ДАМУ НЕ ПОКРЫТЬ МНЕ ВАЛЬТОМ

Эту даму – ни сейчас, ни потом:
У неё не тот расклад в голове.
Ей другой подаст наутро пальто,
Где тузы и короли в рукаве.

Это значит – у бабёнки
Козыри в руках,
А у меня – одни шестёрки,
Да и те в бегах.

Ей намедни подарили букет,
Там, где знаки водяные на свет, –
Важно только оторвать лепесток,
И неважно, если «да» вместо «нет».

Разноцветные бумажки
Плавают в ногах,
А у меня – одни ромашки,
Да и те – в лугах.

КСТАТИ, О ФОРТОЧКЕ

Моя любовь мне рожу скорчила
И показала фигу гнутую.
Позавчера рассвет пророчила,
Вчера в окно – свечу задутую.

И темноту тугую вёдрами
Плеснула ночь, как пиво в водочку,
Когда любовь, качая бёдрами,
Продефилировала в форточку…

Ах, почему я форточку
Сегодня не закрыл!

ПОЛОВИНКА ПЕРВАЯ

Мы тащим в дом, мы чтим семью –
Единожды единую.
Шутя зовём жену свою
«Второю половиною».

Вторая есть – так значит, в путь!
Чего уж там, наверное,
Была у всех когда-нибудь
И половинка первая.

Моя в двухкомнатной жила,
Росла для мамы дочкою.
А для меня она была
Давно желанной точкою.

И я тогда благословил
Себя, двадцатилетнего,
И эту дочку так любил,
Как никого до этого.

И хоть на ней помешаны
Друзья мои мохнатые,
Мы с нею в ночь повенчаны –
С тридцатого на пятое.

Но Бог не дал ей превозмочь
Перегонки проклятые.
Она с другим топтала ночь –
С шестого на тридцатое.

Я жизнь паскудой не зову, –
Живу, любя и веруя.
Но иногда, как наяву –
Та половинка первая…

Ах, память – кованый крючок,
Приманок прошлых вороха!
Их переворошишь разок –
Куда потом от запаха?!

САГА ОБ ЭРОТИКЕ

Смешно ли до животика
Иль вовсе не до смеха;
Когда настанет ваш черёд,
Задумайтесь потуже:
Здоровая эротика
Больному не помеха,
Но вот когда наоборот –
Оно, понятно, хуже.

Мужчина – логики венец,
Докажет в лучшем виде,
Что это вовсе не беда –
«Попить воды из лужи».
Когда гуляет жеребец,
Кобыла не в обиде.
А вот наоборот когда –
Оно, конечно, хуже.

Дано понять, но лишь потом,
Однажды утром рано;
Кто как куда себя ведёт
Смешно и неуклюже.
Баран не станет пастухом,
Как ни стриги барана.
Когда же всё наоборот –
Оно гораздо хуже.

1998. С Ольгой Завершинской

ЕЁ ОТВЕТ

Я понимаю – ты не рад,
Что так со мной непросто.
Во мне не метр пятьдесят,
А метр девяносто.

И вот под сенью ясеня,
Под желудями дуба
Опять целуешь в брошь меня, –
А так хотелось в губы.

Но нет, тебе неведом страх,
И рушится граница:
В наполеоновских мечтах
Замашки сицилийца.

Мой Бонапарт, я всё отдам!
И к чёрту кривотолки.
Лишь дотянись к моим губам,
Привстав на треуголке.

КОЗА ИГРАЛА НА БАЯНЕ

Коза играла на баяне,
Когда козёл явился пьян
И стал доказывать рогами,
Зачем его козе – баян?!

Цветы к лицу прекрасной даме,
Явился муж (предел мечты!)
И стал допытывать рогами –
Откуда у жены цветы?!

А вот момент ещё нехилый
(Не вру, я с правдою в ладу):
На днях один карась ревнивый
Топил карасиху в пруду.

Нам не грозит стезя карасья:
У нас по жизни гладь да тишь.
Но если что – не обижайся,
Ты до пруда – не добежишь...

Природа делает, что знает.
Видна гармония окрест:
Карась козла не забодает,
Но и козёл его не съест.

НАВЕЯННОЕ

Я не был чужд восточным заморочкам,
Но мне, увы, в подарок не дана –
Ни целиком, ни даже по кусочкам –
Великая китайская стена.

И не вбивал межрасовые клинья,
Глотая пыль неведомых наук,
Когда мой друг, монах из Шаолиня,
Учил ломать дыханием бамбук.

Но ловкость ног и свист разящих пальцев
Для наших дам – как музыка на слух.
Моя, к примеру, стоит ста китайцев,
А я с ней рядом – максимально двух.

Шторма рождают повод мало-мальский.
И день готовит рифы кораблю.
Мне легче за ночь выучить китайский,
Чем объяснить – за что её люблю.

Но вот опять смущаемся, как дети,
Спадает грозовая пелена.
И речь тиха, и бриз, и лёгок ветер,
И ласкова житейская волна.

И с нами несравненная свобода –
Губам, рукам, и сердцу, и уму!
Но лишь одно тревожит год от года:
Что я тебя когда-нибудь пойму.

КИТАЙСКИЙ МОТИВ

Я не слышал, как муха икает
(Врать не буду – тем более вам),
И не брёл по равнинам Китая,
И не полз по тибетским горам.

И акулою не был глотаем,
Не висел на дубовом суку, –
Но опять почему-то с Китаем
Я рифмую седьмую строку!

Жизнь моя – борона да делянка:
Я Макарка российских телят.
Почему же опять китаянка
Мне приходит на ум и на взгляд...

Просто так, невзначай, между прочим,
Между прочих легла на строфу
Эта дева – раскосые очи,
Что постриглась на днях под «кунг фу».

Я кладу ей ладони на пальцы,
Незнакомый вдыхая парфюм.
Ну, дались же мне эти китайцы!
Чёрт-те что – и на взгляд, и на ум.

Нам бы в рощу, где нас не разыщут,
И хоть осень – давно не казна,
Но чем ближе естественный прищур,
Тем понятней её желтизна.

И уже не умру от ветрянки,
Не дождусь из Пекина вестей.
…Просто в зеркало я по утрянке
Посмотрел, проводивши гостей.

НОВОГОДНЕЕ

Новый год – уж вы поверьте –
Сам собой приходит на дом.
С тридцать первого на третье
Кто-то был со мною рядом.

Мы летели, как мечтали –
Без флажков на переезде!
Трали-вали, кошки драли
Пса приблудного в подъезде.

Ночь домашнего уюта
На осколках голосила.
Вот и я орал кому-то:
«Счастье, где тебя носило!?».

А потом случилось нечто,
А ещё точнее – что-то:
Стал я счастлив бесконечно,
Впопыхах обняв кого-то.

Мне забота – не забота,
Пусть труды и годы грудой.
Но… сегодня этот кто-то
Позвонил, назвавшись Людой.

Хоть она и не колодец
(Чтоб напиться – так напиться!),
Но, как бывший комсомолец –
Должен я на ней жениться.

…Станут гости веселиться.
Ну, а после их отъезда
Я усну, и мне приснится
Пёс приблудный из подъезда.

ПРО СТАРШУЮ СЕСТРУ

Кто-то тискает идею,
Чьи-то кони – снова вскачь.
Был я скромностью своею
Застрахован от удач.

Самогоночку под студень –
Если не было вина.
Но ко мне тянулись люди,
Даже женщина одна...

На меня глядела остро,
Глаз горел, как у совы.
Мне она годилась в сёстры –
Только в старшие, увы.

И от старшей той сестрички
Так хотелось – хоть на срок –
Либо к чёрту на кулички,
Либо к ангелу под бок.

И лечился я «московской»,
Но однажды, аж с утра,
Из губернии Тамбовской –
Бац! ещё одна сестра.

С виду так себе, но всё же
Что хочу сказать о ней:
Лет на десять помоложе –
Лет на двадцать понаглей.

Тили-тесто, трали-вали –
Мы с ней встретили рассвет.
Нас за это расписали
На счастливых …тнадцать лет.

Я от хохота рыдаю,
И с того, видать, помру,
Что всё чаще вспоминаю
Её старшую сестру.

ВЕЩИЕ ДОЖДИ

У неё зеленый попугай
И глаза, как две осенних лужи.
И на завтрак с бубликами чай,
И пасьянс на ласкового мужа.

У неё работа на дому,
Телевизор и машинка «Зингер».
Вновь Герасим утопил Муму –
Будь неладен этот телевизор.

Два портрета в рамочках висят.
За окном сутулится аллея.
И автобус номер «Пятьдесят»
За углом – как вестник юбилея.

Где-то юный ветер налегке
Собирает листья на прогулку,
А через дорогу в кабаке
Кто-то вновь заказывает «Мурку».

Но приходят вещие дожди,
И меняет музыка одежды.
Где ж мы научились без Любви
Гостевать у Веры и Надежды?

И когда к ночам на полпути
Город сам с собой играет в прятки,
Я звоню – что, может быть, зайти?
Но в ответ: «Не стоит... всё в порядке».

НАМ НЕ ПОГРЯЗНУТЬ В ДОБРОТЕ!

Отвоевав себе пространство –
Вблизи, поодаль и вдали –
Благоухает наше хамство
На клумбах матушки-земли.

То пробурчит, то грянет матом,
То вёсла бросит – не гребя.
Густым сермяжным ароматом
Плодя подобие себя.

И в навороченном салоне
Подчас обрушится стеной
Такое, что не услышишь, кроме
Как в неприкаянной пивной...

Побочной совестью не майтесь,
Облюбовав плакатом гвоздь:
«Хамло всех стран, соединяйтесь!» –
Довольно шествовать поврозь.

И, не страшась его коварства,
Поймём в достойной простоте:
Пока благоухает хамство –
Нам не погрязнуть в доброте!

ГАРАЖИ

– Давно уже ни для кого не ново,
Что эта жизнь дается нелегко.
– То все не так, то вообще хреново,
И гаражи от дома далеко.

– А где-то брат идет войной на брата,
Хоть в каждом – Бог, пускай и глубоко.
– И все дороже скот крупнорогатый,
И гаражи от дома далеко...

– Даешь дорогу творческим усильям,
Когда встают проблемы широко!
– Нет запчастей к родным автомобилям,
И гаражи от дома далеко...

– Делиться надо – с другом и знакомым,
Чтоб жили все свободно и легко!
– Вам хорошо, у вас гараж под домом,
А у меня, простите, далеко...

МЫ – ТАКИЕ

Мне со ста, как с тыщи, сдали. Если б возле уха мина
Или что-нибудь такое в это время взорвалось, –
Я стоял бы точно так же, будто чучело пингвина:
Рот открыт, глаза навыпучь, ноги вместе, руки врозь.

Тут бы вздернуть подбородок – эдак, –
да тряхнуть кудрями:
Нам, мол, лишнего не надо, мы другие – так, мол, вот!
Но во мне сидящий «некто» цыкнул желтыми клыками,
Задушевно прогундосив: «Только вякни, обормот!..»

Я веригами обвешусь, брошу пить, курить махорку,
И слепая ночь, как видно, скроет босые следы.
Я уйду в края иные – в скит, в пещеру, в дырку, в норку, –
Где лишь корочка сухая да глоток сырой воды.

А когда вернусь обратно – весь покусанный зверями,
Брошусь к милиционеру, как к последнему рублю,
И во мне сидящий «некто» скрипнет стертыми клыками:
«Мне со ста, как с тыщи, сдали... Дайте срок – я искуплю!»

ПРО ФУТБОЛ

Поймите, господа, что шар земной – не мячик,
И даже по свистку нельзя его пинать.
И капитан у вас давно уже не мальчик,
Пора бы поумнеть ему, ядрена мать.

Мы знаем ваш футбол, где игрокам не сладко,
Где форвард на игру идёт, как на убой.
И на поле у вас так много беспорядка,
И в моде, как всегда, задорный мордобой.

Крушите черепа, коль любо вам и мило
Страдание своих бесценных игроков.
Но тем же нас стращать – уж это сразу мимо,
По-русски говоря, ищите дураков!

Мы, проявляя такт, вам говорим: не надо.
Ведь если что не так – сердца у нас не воск.
К тому же есть своя футбольная команда –
Ребята на подбор, все из ракетных войск.

Короткое письмо, как мячик, посылаем.
Пустой земле зачем награды и очки?
И вашему судье по-нашему желаем:
«Козел, продай свисток, купи себе очки!».

1978.
Грушинский фуктбол.
Юрий Визбор,
Юрий Панюшкин,
Виктор Синявский

2001. Дарья Марченко и Юрий Панюшкин

ВИДНО, В БУБЕН МНЕ НЕ БИТЬ

1983. Фотошарж

1993.
С В. Шабановым-младшим
и К. Тарасовым

1997. С Леонидом Сергеевым

2002. Презентация проекта
«Гитара Времени» в Тольятти

1966. Куйбышев. ДК имени Кирова. Народный театр

НЕ СЕРДИТЕСЬ, ЧЕМ МОГУ...

Юра Панюшкин, не особо к этому стремясь, был всегда на слуху. О нём судачили, им интересовались. Таких людей не очень много, они всегда в центре внимания того сообщества, в котором присутствуют. Именно присутствуют, держась немного в стороне. Он мог для кого-то исчезнуть на год-другой и потом появиться как ни в чем не бывало. Так было однажды, когда он позвонил, наговорил добрых слов, прислал два новых сборника стихов и опять пропал. Даже не подошёл на фестивале. Эту свою особенность компенсировал во время коротких встреч — обнимал, говорил добрые слова. В общем — и чей, и ничей. Мы все к этому привыкли, это не влияло на отношения никак. Я всегда понимал: невозможно интересно сочинять, не находясь чуть в стороне.

Он всё делал с избытком — сочинял, работал (театр, радио, концерты, сложнейшие туристские маршруты), выпивал. В его лет сорок было понятно, что при таком образе жизни любой организм, и его тоже, даст однажды сбой. Но он отметил свое 60-летие, перенес не очень тяжелый инфаркт, бурлить не перестал. Сказал, что не хочет другой жизни.

С Юрой прошла одна из лучших телепередач «Полет над гнездом глухаря», которые я вел в начале нулевых на ТВЦ. Скромный, самобытный, с безупречным чувством русского языка, вместе с тем ироничный и насмешливый. Песни писал ни на кого не похожие, хотя авторская песня грешит тем, что большинство дует в одну дуду, считая, что если удалось зарифмовать «кровь — свекровь», то это уже нечто.

И еще вспоминается 50-летие Юры в Тольятти. Я волей случая оказался ведущим этого праздника, поэтому многие вещи мог увидеть изнутри. Меня поразило то, что виновник торжества не стремился приложить к этому никаких усилий. Виталий Шабанов все закрутил, а уже потом все понемногу внесли свой вклад, и получился добрый хороший концерт с последующим братанием.

На полке в моем кабинете — фотография Юрия Панюшкина. Он смущенно улыбается, как будто говорит: такой уж я, не сердитесь, чем могу...

Константин ТАРАСОВ,
автор-исполнитель, музыкальный продюсер

2010. Ю. Панюшкин
в роли Х. С. Врунгеля

Никогда не знаешь, чего ожидать от ожидаемого…

АКВАРЕЛЬ

Вечерело, пахло мясом,
Пережаренной треской,
Самогонным переплясом
И весёлою тоской.

Пахло зятем, пахло тестем,
Пахло тёщей и снохой,
Пахло сразу всеми вместе,
В общем – свадьбою лихой.

На подносе денег горка –
Чем тебе не красота?!
Сладко пахли крики «Горько!»
И невестина фата.

Головой кума качала,
Плыли блики от колец.
Пахло явное начало –
И неведомый конец.

Пахло старою гармошкой,
Пахло новою судьбой,
Трактористом пахло – Лёшкой
И дояркой молодой.

Но в разгар того веселья
(Не узнать в лицо беду!)
Заспешил жених под елью
Справить малую нужду.

Он об этой самоволке
Не расскажет ничего –
Жениха загрызли волки,
Вместе с запахом его.

Закатилась помаленьку
Полупьяная звезда,
Над лесною деревенькой
Встало утро – как всегда.

Фотография-картинка,
Непримятая постель…
Будет славная поминка.
Вот такая акварель!

ПЕЧАЛЬНАЯ САГА О БЕЗВРЕМЕННО УТРАЧЕННОЙ МАНИИ ВЕЛИЧИЯ

Мне слуга не поднесёт расписное блюдо
С поднебесным запахом золотой халвы, –
Значит, я не угощу белого верблюда,
Куковать ему, видать, без халвы – увы.

И не делится со мной Цезарь новым троном,
Клеопатра не звонит – нежная змея.
Не спешат на огонёк Мао с Цицероном,
Все великие поврозь – впрочем, как и я...

Уезжает зоопарк-зоопередвижка,
Белый хлюпает верблюд за повозкой вслед.
На двери моей скрипит старая задвижка,
А халвы с утра во рту не было и нет.

Выхожу в больничный сад подышать озоном,
А в беседке, где сирень, вижу: ну, дела,
На скамейке ждут меня Мао с Цицероном –
Это Клеопатра им адрес мой дала.

2010-е. В Чайхане

БАЛЛАДА О БАРЖЕ СО ЖМЫХОМ

Двое – с виду не олухи –
Шептали мне натурально:
Идея, мол, рыщет в воздухе,
А мысль – материальна.

Поведай нам, как во фьордах
Спасал ты баржу со жмыхом.
Тобой мы гордимся, Федор!
(А я, вообще-то, Тихон.)

Но если тебе непросто
И глаз на похмелье сыпешь,
Мы водки по нормам ГОСТа
Нальем тебе – сколько выпьешь.

И тут меня раззнобило
(Зря мы на память ропщем!) –
Я всё рассказал, как было.
И даже конкретно, в общем.

И про баржу со жмыхом,
И что я в семье не третий.
Что это отец мой – Тихон.
А я у него – Лаврентий.

Кудрявый – который справа,
Точнее, немного сбоку –
Сказал мне: «Спасибо, Слава!»
И обнял меня за щеку.

А левый – падая книзу,
Как зерна падают в пашню, –
Сказал мне, чтоб шел я в Пизу –
Спасать Пизанскую башню.

И пусть я воткну им якорь,
Коль славу делить не станут!
Он что-то еще прокрякал,
Потом замычал – и в аут...

За петушиным соло
Они отъехали в дали.
О них позабыли села,
И вместе нас не видали.

А нынче (как мордой в доску!)
Узнал я каким-то лихом,
Что где-то вручили Оскар –
За фильм про баржу со жмыхом.

Якорь вставить злодеям!
(Хоть это и нереально.)
Но греет меня идея:
Что мысль – материальна...

ВИДНО, В БУБЕН МНЕ НЕ БИТЬ...

Видно, в бубен мне не бить
И с цыганкою не спеться.
И медведя не водить
По дворам чужого детства.

У меня своя верста:
Снег зимой – а летом грозы.
Два товарища в кустах
И портвейн, что так же розов.

Чей там в таборе костёр?
Чей там конь еще не скраден?
Вечер лапы распростер –
Наливай же, Бога ради.

А цыганка мимо нас
В «Вольво» к табору подъедет.
И в салоне напоказ –
Шкура старого медведя.

КАРАВАЙ НАШ

Каравай наш, каравай,
Чего хочешь выбирай:

Хочешь ландышей букет –
Мая светлого привет,
Хочешь – семечек стакан,
Хочешь – водочки в карман,
Хочешь – что-то под любовь,
Хочешь – зайца под морковь.

Хочешь – рака на горе,
Хочешь песню на заре –
В ней поется, как хорош
Край, в котором ты живешь.
И о том, что без вождей,
Как в пустыне без дождей.

Хочешь утренней зарядки
В обязательном порядке,
Хочешь – дяденьку на вышке,
Хочешь – правду понаслышке,
Хочешь – нары за добро,
Хочешь – в задницу перо.

Хочешь – доброго царя,
Хочешь – всходы Октября,
Хочешь быстро – но примерно,
Хочешь медленно – но верно,
Хочешь – денег без мешка,
Хочешь – каку от горшка...

Как ты тут ни каравайся,
То, что выбрал – тем и майся.

НЕВЕСЁЛЫЙ ПЕРЕПЛЯС

В отсутствие восклицательных знаков

Где счастливая подкова?
Я бы ей подставил глаз:
Эх, раз – ещё снова,
Ещё снова – эх, раз.

Говорят, что власть – основа
В Гондурасе и у нас.
Эх, раз ещё снова –
Хочешь, детка, в Гондурас?

Рыба есть, но нету клёва.
Вся получка – в унитаз.
Эх, раз – ещё снова,
Ещё снова – эх, раз.

Наши души без засова,
Но и кукиш – про запас.
А на тонком льду корова
Вновь пустилась в перепляс.

Эх, раз – ещё снова,
Ещё много, много, много…

1984. Строитель плота

СТРАЩАЛКА УПРЕЖДАЮЩАЯ

«Среди долины ровныя...»
(Русская народная песня)

Майским дождичкам конец –
Лету знойному черед,
И в благословенный лес
Устремляется народ.

Будь ты трезвый или пьяный –
Всем дарован воздух пряный,
И поэтому, придурок,
Не бросай в лесу окурок!

Среди пустыни ровныя
В песке – дыра огромная,
Где мы от солнца прячемся
Уже который год.

Но всё равно – огромное,
Как та пустыня ровныя –
Нас ласковое солнышко
Достанет и сожрёт.

Кругом пески немерены –
И уж давно не верим мы,
Что здесь шумели некогда
Тенистые леса.
И что от искры крохотной
Сгорели так безропотно –
Тайга, и лес, и рощица,
И прочая краса...

В тайге сгорел посёлочек,
Стоявший между ёлочек,
Коровник со свинарником
И город областной,
Столица легендарная
И каланча пожарная –
Все погорело начисто
От искорки простой.

И вот – пустыня ровная,
А в ней дыра огромная,
Где мы с тобою.
Вот...

СОН В НОГУ

Нынче сон какой-то замороченный:
Шпалы, рельсы, общие места.
На вагоне надпись неразборчиво –
То ли «Сочи», то ли «Воркута».

Ночь глядит украдкой в щель вагонную,
Тужится недальняя гроза,
И кладёт луна версту погонную
На мои притихшие глаза.

Где-то ждут простые, безыскусные –
Стало быть, родимые до слёз.
Но стучатся в темя мысли гнусные:
А на свой ли сел я паровоз?

С нижней полки падаю на верхнюю.
Мой ли сон уходит в темноту?..
Дёрнулись вагоны и поехали,
Эти в Сочи, те – на Воркуту.

Машинист моргает озабоченно,
Тлеет непроспавшийся гудок.
Впереди дорога наворочена:
Шпалы вдоль, а рельсы поперёк.

2012.
Курилы, о. Итуруп.
С Сергеем Анциновым

СТРАЩАЛКА НИКОТИНОВАЯ

Это не тайна, что мраком покрыта,
Знает об этом, естественно, каждый:
Лошадь любая отбросит копыта,
Если курить не завяжет однажды

Мне откровенно жалко лошадь:
Она б могла еще работать,
Коня любить.
Но умерла от никотина –
Такая сильная скотина.
Кого винить?

Дала, как говорится, дуба:
Вначале пожелтели зубы
И смрад пошёл.
Потом (хоть вы заржите в голос!)
Полез из пышной гривы волос –
Нехорошо...

А через день и вовсе пала –
На всем скаку,
И вечность каплями стекала
По мундштуку.

Лошадки смерть с двойною силой
Гнетёт меня,
Когда я вижу с другой кобылой
Её коня!
Вот...

СТРАЩАЛКА О ТЕЛЕФОННОЙ ТРУБКЕ

Ко всем, кто любит что-нибудь
Ломать, корёжить, рвать и гнуть.
Для вас, не понаслышке,
История мальчишки…

Мальчик трубку оборвал
В будке телефонной
И с добычей побежал
Улочкою тёмной.

Ночь глухая – хоть умри,
Тьма на целом свете,
Потому что фонари
Раскололи дети.

Он старательно пыхтел,
Напрягая шею,
И в потёмках улетел
Головой в траншею.

Вывих правого плеча,
Сломанные ноги –
Где найти ему врача
На пустой дороге?

Мы уже не позвоним
Нынче в эту полночь,
Чтоб приехала за ним
Скоростная помощь.

Так с обрывками шнура
Телефонных линий
И лежал он до утра –
Молодой и синий.
Вот…

СТРАЩАЛКА-ОТВЕЧАЛКА

Вижу я вопрос, никак,
В любопытных глазках:
Почему всегда Дурак
Побеждает в сказках?
Нелегко ответить вам,
Дорогие дети.
Обратитесь к дуракам –
Пусть они ответят.

Представьте, ребята,
Что мы – дураки,
И с нами скандалить
Отнюдь не с руки.
А если точнее –
Совсем не к лицу,
Допустим, какому-нибудь
Мудрецу.

Он весь в созерцании
Собственных грез
И глух к проявленью
Дурацких угроз.
Но мы не такие –
И, битву трубя,
Совсем не глухи
К проявленью себя.

К тому же нас больше,
В конце-то концов,
Чем собранных вместе
Земных мудрецов.
И встанет победная
Наша заря!
Ну как, ребятишки –
Не страшно?
А зря...
Вот.

1 АПРЕЛЯ

То ли яблоки на сливах,
То ли новая строка.
Здравствуй, праздник всех смешливых,
Необидчивых пока!

Петухи едва проснутся –
И на дело по газам!
Если курицы несутся,
Ты не верь своим глазам.

Не держи себя за лоха,
На мякине не колись.
Жди в курятнике подвоха –
Или лучше сам снесись.

В небе радуга-стропила,
Скоро двинет ледоход.
Мне столетняя Ненила
Рассказала анекдот.

Как среди апрельских игр
Шутит Африка-страна,
Мол, у вас, товарищ негр,
В чёрном белая спина.

Если день грозит непрухой
Или с юмором запор –
Познакомься со старухой,
Что смеётся до сих пор.

Нам в печали не загнуться,
И порою плеть-не плеть –
Если повод улыбнуться
Есть во всём, коль захотеть.

…Он закружит каруселью,
Да уйдёт и был таков –
День вселенского веселья
Незлобивых дураков!

СТРАНА ЮГ

В далёкой стране под названием Юг
Живут симпатичные люди вокруг:
И нрав у них очень весёлый,
И каждый по-своему голый.

В забавной стране под названием Юг
Царит атмосфера удобных услуг.
И в каждом торговом окошке
Бананы дешевле картошки.

В счастливой стране под названием Юг
С утра – ни морозов, к обеду – ни вьюг,
А к вечеру – нету волненья
В разрезе того отопленья.

Я в эту страну под названием Юг
Однажды уеду – мне хочется, друг,
Почувствовать вкус ананаса!
Вот только б дожить до аванса.

Аванс плюс получка, заначка в пальто –
Я к югу уеду на старом авто.
Снега поменяю на клевер.
… Чтоб снова вернуться на Север.

Уж очень я сильно потею, мой друг,
В стране под названием Юг.

ЛЮДИ – НЕ ПТИЦЫ

Певчая птичка яйцо отложила,
Вышли коты поорать на крыльцо.
Птичка запела, как будто завыла,
Но отложила второе яйцо.

Люди – не птицы, но тоже туда же:
Лишь бы запеть, а потом отложить.
Так мой приятель твердил не однажды:
«Быть, мол, хочу – но могу и не быть».

Что-то не ладится нынче в апреле –
Утром колотит, ночами знобит.
Я никого не хочу в самом деле,
Вот у пернатых – завидный инстинкт!

Да и у них не заладилось, что ли,
Зелены вечно лишь ель да сосна.
Певчие птички на юг упороли,
А через день приключилась … весна.

1984. «Разрешаю вам промолчать все, что вы обо мне думаете!»

НЕ ВСЯКИЙ ВРУНГЕЛЬ СТАНЕТ КАПИТАНОМ

2011. Радиопередача «Почитайка».
Мария-Изабелла,
Ольга и Кристина Вавилины
с Капитаном Врунгелем

2007–2012.
Радиотеатр «Почитайка»

2012. Телепередачи «Почитайка»

НЕ ВСЯКИЙ ВРУНГЕЛЬ СТАНЕТ КАПИТАНОМ...

Не ради красного словца, не ради рифмы
Мы собрались сегодня вместе, как всегда, —
А чтоб волшебные сказания и мифы
К нам на беседу заходили иногда.

И если кто-то почему-то усомнится,
Что эти мифы интересней, чем кино,
Пусть он полюбит книг прекрасные страницы
И нам поведает об этом заодно…

Юрий Панюшкин

«…Откровенно говоря, лично мне очень приятно то, что вытворяет наш дружный коллектив «почитайцев». И как-то само собой все чаще и чаще возникает в душе благодарное ощущение того, что с «Почитайкой» я подружился еще в моем глубоком детстве. А то чем иначе объяснить, что если для иных моих сверстников детские фантазии порой сродни диковинке, то для меня, благодаря все той же «Почитайке», фантазировать с оглядкой на детство — это здорово!».

Так писал в далеком 2010 году Юрий Михайлович Панюшкин, полюбившийся всей тольяттинской детворе в образе профессора Харитона Спиридоновича Врунгеля, славного внука великого деда.

Как же Юра обожал этот придуманный им самим персонаж! Помню, когда только прорабатывалась его роль в радиопередаче, он примчался к нам домой и начал взахлеб, немного заикаясь (как это было с ним всегда, когда он волновался), объяснять:

— Внук Христофора Бонифатьевича Врунгеля путешествует на фрегате «Стрёмный»! Потому что он во всем превзошел своего великого предка! И если на яхте «Победа» отвалилось всего две буквы и она стала «Бедой», то у меня отвалится целых восемь букв от гордого имени «Целеустремленный»!

...И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОЛШЕБНОЙ БИБЛИОТЕКИ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ МИФОВ, ЛЕГЕНД, БЫЛИН И СКАЗАНИЙ

А чтобы было понятно, о чем, собственно говоря, речь, предлагаю вашему вниманию небольшой отрывок из повести-сказки, написанной Юрием Михайловичем и мной по материалам радиотеатра «Почитайка».

...Феюшка, Кристина и Беллочка мирно попивали чаёк, купаясь в уютных сумерках затихающего города.

...Неожиданно всё вокруг засверкало, заискрилось, зафырчало и... в центре Волшебной библиотеки образовалось таинственное облако.

Жители сказочной страны сидели, боясь пошевелиться, и сладко ужасались новому приключению.

Приключение не заставило себя долго ждать: туман быстро обретал конкретные формы, и в скором времени стали видны очертания парусного корабля. Каюта капитана открылась, и на пороге материализовался красивый статный мужчина, который, сразу взяв «быка за рога», улыбаясь, произнёс:

— Не пугайтесь, мои дорогие, многоуважаемые почитайцы! Кстати, здравствуйте! Как говорится, слухами планета полнится, вот я и решил заглянуть в вашу знаменитую Волшебную библиотеку!

— А вы кто?! — затаив дыхание, спросили жители Волшебной библиотеки.

— Я?! Неужели вы меня не узнаёте?! Я же знаменитый профессор Врунгель! Но сейчас не обо мне! Милые мои, не нарушайте правил гостеприимства — я ведь ваш гость! Может, представитесь?

— Я — феюшка Олюшка, библиотекарь этой Волшебной библиотеки! — вежливо присев, ответила, мило светя радужными крылышками, дама неопределённого возраста.

— А мы — её помощники Кристина и Беллочка! — ответили две аккуратненькие девчушки.

— И всё же, уважаемый профессор Врунгель! — вновь вступила в диалог быстро приходящая в себя феечка. — Не хочу показаться невежливой, но я вас не знаю, хотя вы удивительно напоминаете мне нашего обожаемого капитана Христофора Бонифатьевича!

— Милая Олюшка, вы абсолютно правы: я внук своего знаменитого дедушки — Харитон Спиридонович Врунгель, профессор, смею повториться, и глава «ВИДИМО»!

— Дорогой профессор, вы полны загадок! А что такое «ВИДИМО»? — заинтересовалась Кристина. Девочка всегда отличалась повышенной любознательностью.

— Милый ребёнок, это же элементарно: Всепланетарный Институт Древних Историко-Мифологических Открытий! Сокращённо «ВИДИМО»! — удивлённо поправив очки, ответствовал прославленный учёный.

— Всё чудесатее и чудесатее, феюшка, как странно новый учебный год начинается! Уважаемый Харитон Спиридонович, можно вас спросить: а чем видимо-невидимо занимается ваш институт? — вступила в беседу Беллочка, потряхивая большими белыми бантами.

— Как приятно встретить пытливый детский ум, дорогие мои! С удовольствием отвечу: недавно я изобрёл фрегат времени «Целеустремлённый», — тут знаменитый путешественник неожиданно погрустнел и тихо заметил: — Вот на нём и путешествую по мифам, былинам, сказаниям и легендам планеты ЗЕМЛЯ…

— Дорогой профессор, что-то вы погрустнели, — не на шутку забеспокоилась гостеприимная феюшка.

— А как тут не загрустить? — промолвил профессор с чувством неподдельной кручины. — Ведь судьба деда всюду преследует меня! Взять хотя бы и название: у Христофора была яхта «Беда», (так как, если вы помните, от Победы отлетело две буквы), а у меня, когда фрегат буквально чуть-чуть задел кратер Везувия, отпало целых восемь букв!!!

— Даже не могу себе представить, что получилось, — ахнула Кристина.

— Лучше и не представлять! — с чувством сказал Харитон Спиридоныч, — вместо гордого названия «Целеустремлённый» получилось почти неприличное прозвище — «Стрёмный»!

— Не горюйте, дорогой Харитон Спиридонович! Ведь если вы, так сказать, пошли в своего деда, то никакое название вам не помешает! А хотите, я спою для вас песенку о том, что был бы корабль, а чудеса и победы ему обязательно встретятся? — заботливо предложила Беллочка.

— Это был бы знатный бальзам на мои пока ещё не очень старые раны! — приободрился бравый путешественник.

В полях, в лесах и за горой,
За морем с рифами
Нам открываются порой
Легенды с мифами.

Там историческая пыль —
Да так уложена,
Что отличить от мифа быль
Бывает сложно нам.

Яга с пластмассовой ногой,
Профессор кислых щей — Кощей
И даже что-то из вещей
Вполне мифических вообще.

На самобранке — пироги
К еде пригодные,
Вот два лаптя с одной ноги,
Но скороходные.

И выполняя чей-то план
Или желания,
Летит ковёр-аэроплан
Без расписания.

И там, где всё наоборот,
Ты вдруг почувствуешь вот-вот,
Что по усам твоим течёт
Вполне мифический — но мёд!

(Все зааплодировали…)

Если засмотришься
ты на Мальвину –
Погубишь, водитель,
себя и машину!

Старше ли ты, круче ли –
окажи подмогу:
Помоги мяучеле
перейти дорогу!

Морским волнам –
морской привет!
Для вас,
в волну влюбленный,
Покрашу рифы
в красный цвет,
А горизонт – в зеленый!

— Уважаемый Харитон Спиридонович, — неожиданно засуетилась феечка, — вы не представляете, как мне хочется вместе со всеми прямо сейчас полететь на вашем фрегате времени «Стрёмный», но путешествие придётся отложить!

— Нуууууу! Почемуууууу?! — загудел разочарованный хор.

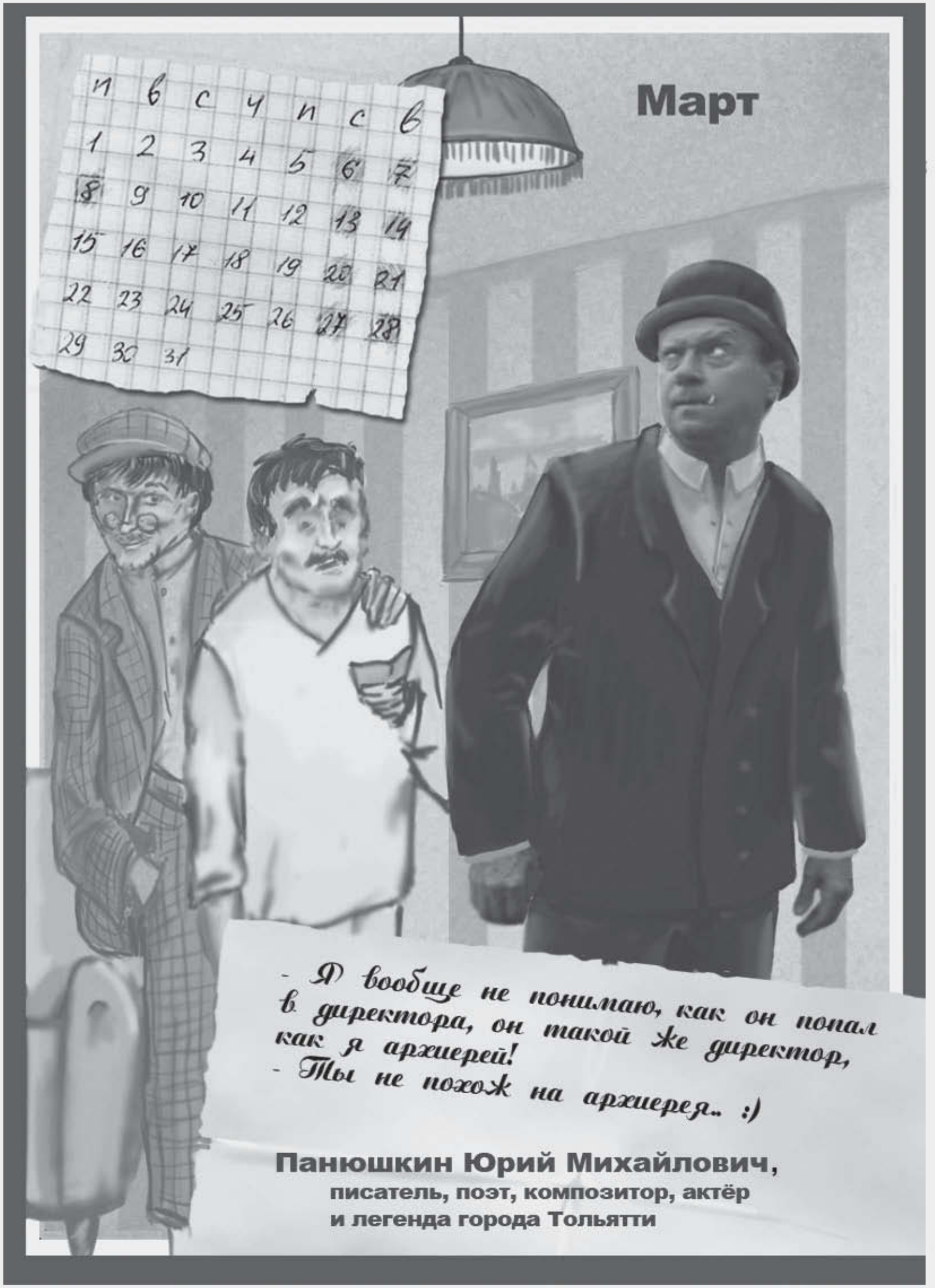
— Да потому, что наше время истекло, — негромким, обещающим вернуться эхом ответил им голос феюшки, — пока, пока, дорогие наши любимые читатели!!! До новых встреч во времени и пространстве!..

Волшебная библиотека не прощается с тобой, Юра!

До новых встреч во времени и пространстве…

Ольга ВАВИЛИНА, феюшка Волшебной библиотеки,
а по совместительству замдиректора МБУК «Библиотеки Тольятти»

Если кто-то, поленившись вдруг,
Правила в уме себе не сложит,
То потом тебе, мой юный друг,
Никакая фея не поможет!



Панюшкин Юрий Михайлович,
писатель, поэт, композитор, актёр
и легенда города Тольятти

ПЕСЕНКА ВРУНГЕЛЯ

Вот так уж получается,
Что взрослые фантазии
От детских отличаются,
А значит потому –

Докажет вам в округе любой шалун,
Что этот самый Врунгель – совсем не врун!

В морях моя фантазия
Немножечко наивная:
Вчера акулу гладил я,
Как будто хомячка, –

Зато у нас в округе любой шалун
Заметит вам, что Врунгель – совсем не врун!

Взрослеть не возбраняется,
Но всё-таки, но всё-таки,
Пусть детство повторяется –
Хотя бы иногда,

Вот потому в округе, в округе любой шалун
Так верит в то, что Врунгель – совсем не врун!

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

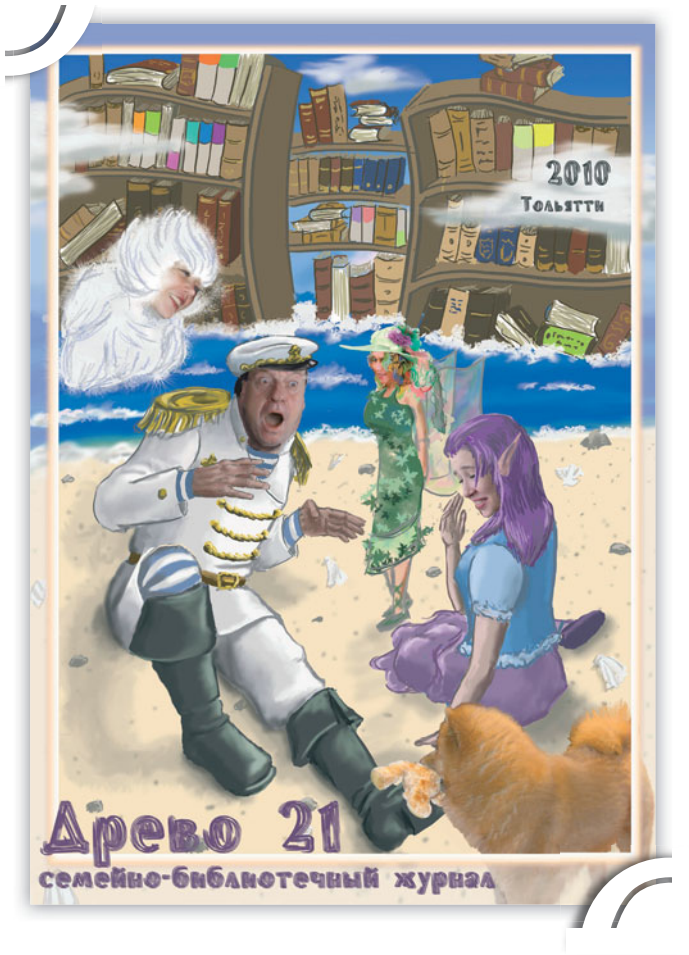
Я помню, ребятушки, как иногда
С Толстым мы катались на яхте «Беда».
И он повторял, что не знал до сих пор
Рассказчика круче, чем вы, Христофор!
Рассказчика круче, чем я, Христофор!

Сверкали на солнце – всегда и везде –
Солёные брызги в его бороде.
Великий писатель, но очень простой:
Товарищ мой – Лев Николаич Толстой,
Товарищ мой – Лев Николаич Толстой!

Он поздно ложился и рано вставал,
Овсянку солёной водой запивал.
К тому же на палубе нашей «Беды»
На память оставил босые следы,
На память оставил босые следы!

Гусиным пером – так вот день ото дня –
Писал он Безухова лично с меня...
А Врунгель душой никогда не кривит,
Спросите Ростову – она подтвердит,
Спросите Ростову – она подтвердит!

Пересеку проспект, естественно, как надо,
Тот строгий светофор нисколько не виня.
Иду к домам Библиотеки Автограда –
Где знанья с опытом сойдутся у меня!



АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

Наша встреча была не случайна –
Мы Неву бороздили тогда.
Я ведь тоже поэт изначально,
Только нету кудрей – вот беда.

Были скромными наши подарки:
Он стихами со мной говорил,
И под питерским солнцем неярким
Пару строк я ему подарил.

Что, мол, чудное помню мгновенье,
Где русалка сидит на ветвях...
А потом уже стихотворенье
Написал он об этих страстях.

А на Сенатской площади,
Где Пётр верхом на лошади,
Для нас уже готовили шашлык
Один тунгус и друг степей – калмык.

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

Это быль, а не вымысел и не лукавый обман,
Вы об этом, детишки, небось, не читали нигде:
То, что сказочник – выдумщик Андерсен Ганс Христиан
Свои сказки так часто писал у меня на «Беде».

Он рассказывал их иногда – даже лучше, чем я!
И хотелось под парусом плыть горизонту за край,
Где волшебной покажется наша большая Земля,
Где гуляют по палубе под руку Герда и Кай…

Я не вру, и конечно, матросы мои подтвердят
То, как после приливов, отливов, штормов и дождей
Для него мы искали по берегу Гадких утят,
Ну а он превращал их в Прекрасных больших лебедей!

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Кто бы мне напомнил, а не то я подзабыл:
Где помощник Лом себе оленя раздобыл.
И рванул в Лапландию безбрежную –
Чтоб увидеть королеву Снежную!

Старая лапландка мне поведала потом,
Как катался на оленях с Королевой Лом.
И как он – без отдыха, без продыха –
Ей шептал слова земные на ухо.

Что потом случилось – просто так не разобрать:
Королева парня не желала отпускать.
Лом, как не хотите ли,
Хоть и рассудительный,
Но пообещал ей, что вернётся вновь.

И она из снежной
Снова стала нежной...
Вот что с королевами делает любовь.

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК

Вы под стол ещё ходили пешком,
А я был уже знаком с Маршаком.
И конечно, это нет – не секрет:
Сочинять всегда любил Самуил.

По листу пером умело водил,
Да к тому ж ещё и переводил.
Из-за этого ему самому
Позавидовал вот так Пастернак.

И однажды очень лёгкой рукой
Перевёл Шекспира тот и другой.
А Шекспиру, что с того – ничего,
Не обиделся Вильям ни на грамм.

Говорил ему всегда: «Молодец!» –
Папа Яков – Самуилов отец.
И старался он, как мог, тот сынок,
И отцу из года в год – перевод.

Я, ребята, вам душой не кривлю,
Что того поэта шибко люблю.
Нашим встречам в аккурат буду рад.
Только так, великий русский – Маршак!

ДАНИИЛ ХАРМС

Был однажды утром замечательный рассвет
(Вечером рассвет, как ни старайся – не встаёт).
Мы ему послали наш задумчивый привет
И пошли по морю – строго задом наперёд.
А волны пенились, как добрый квас,
Хотя такой попьёте вы едва ли.
И улыбался мой приятель – Хармс,
А Лом и Фукс ему его читали.
А потом – и вовсе наяву, а не во сне –
Мы отдали в воду пару наших якорей.
И рванули боком против ветра по волне:
Так оно всегда гораздо шибче и быстрей!
А волны пенились, как добрый квас,
Хотя такой попьёте вы едва ли.
И улыбался мой приятель – Хармс,
А Лом и Фукс ему его читали.
Если было трудно – никого он не винил,
Хоть, бывало, гнулся даже корабельный лом.
Славный фантазёр, поэт, писатель Даниил –
Тот, что вышел в дальний путь и не вернулся в дом…
Я помню: волны пенились, как квас,
Хотя такой попьёте вы едва ли.
Но улыбался мой приятель – Хармс.
А мы его читаем – как читали.

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

В плаваньях довольно дальних,
Что уж тут ни говори,
Много встреч бывало славных,
И одна – с Экзюпери.

Он полётом наслаждался,
Но вечернею порой
Самолёт его сломался
В небе – прямо над «Бедой».

Разгорались по порядку
Звёзды, будто фонари,
И на яхту к нам посадку
Совершил Экзюпери.

Лом достал болты и смазку,
Самолётик починил,
А за это тут же сказку
Нам писатель сочинил:

О том, как однажды в безлюдной пустыне
Чудного мальчонку он встретил, и вот
Тот век отшумел, но зато и поныне
Та сказка, ребята, представьте, живёт!

Верная книга оставит крылато
В памяти доброй следы.
Мы – Почитайцы!
Вступайте, ребята,
В славные наши ряды!

С умным хорошо беседовать.
Только помни об одном:
Если всем советам следовать,
Можно тронуться умом.

Лом пошёл недавно в лавочку
(По совету от друзей)
И принёс на яхту парочку
Деревянных якорей.

Фуксу кто-то дал совет такой:
Чтобы палубе блестеть,
Вам её необходимо – ой! –
Рыбьим жиром натереть...

И когда со скользкой палубы
Врунгель за борт улетел, –
С якорями деревянными
Лом на помощь подоспел.

Можно в море утопающим
Якорь бросить «на авось»...
Но запомните, товарищи:
Что совет совету – рознь.

2008-2009. Автобус «Театр на колесах»

Я мог бы на пальму без лишних забот
Вскарабкаться, как дрессированный кот.
И даже на яхте, на мачту притом –
А, впрочем, куда мне с моим животом?!

Но есть и такие, в пример не другим,
Что даже гимнаст позавидует им:
На мачту вскарабкаться – сущий пустяк!
Поправь меня, Маугли, если не так.

Вот помню, такое забудешь едва ль:
Как рвал он бананы с кокосовых пальм
И в детских забавах легко, без труда
Летал на лианах – туда и сюда.

Руками, ногами себе помогал,
Скажу по секрету: «Я б, точно, упал!».
А чтобы не падать, как было вчера,
Сегодня зарядку я сделал с утра!

На яхту в порту итальянском одном
Ворвался мужчина, как в собственный дом
(Похожий на овощ, ни дать и ни взять),
И сразу – на камбуз чего-то искать.
У Лома и Фукса глаза повылазили,

При виде таких безобразий на камбузе.
И с криком: «Плыви к своему огороду!» –
Швырнули его в средиземную воду...
Тут вижу: из камбуза выскочил вдруг
Мальчишка, похожий на репчатый лук.

С весёлой улыбкой ко мне подбежал:
«Спасибо вам, Врунгель!» – и руку пожал.

К Родари ему, мол, пора поспешить –
Чтоб сказку закончить и пе-е-есню сложить!

ЛЬЮИС КЭРОЛЛ. АЛИСА

Как приготовить чай, когда заварки маловато:
Берите всё подряд, к чему дотянется рука.
Ну, скажем – лук, чеснок, немного перца и салата,
А чтоб он был темней, в него добавьте уголька...

Наверно потому, с таким вот детским изумленьем
(Узнав, что будет чай, который даже я не пил) –
Не в лодке, а на банке с апельсиновым вареньем
Алиса приплыла, и Лом ей чашку уступил!

За нею Заяц плыл, по пояс сидя в чёрной Шляпе,
За ним – Чеширский Кот на Белом Кролике верхом.
И каждый что-то нёс к столу в своей волшебной лапе,
Всё то, что можно от души запить моим чайком.

Но получилось так, что эта крошечка Алиска
От чая моего так вдруг сумела подрасти,
Что впору стали ей уже не банка и не миска, –
И на «Беде» её пришлось до Англии везти!
О, йес!

ПАМЕЛА ТРЕВЕРС. МЭРИ ПОППИНС

Помню, как-то в плаванье недальнем
Приключилась на «Беде» беда:
Фукс и Лом соскучились по няням,
Как с детьми бывает иногда.

И когда мы проходили полюс,
То уже совсем невдалеке
Нас ждала на льдине Мэри Поппинс –
С неизменным зонтиком в руке.

Я-то думал, будет всё иначе:
Песни на ночь, сказки на воде –
Только скоро все мы, чуть не плача,
Бегали от Поппинс по «Беде»...

И когда она вдруг улетела,
Стало ясно сердцу и уму:
Что морским волкам, по сути дела,
Няни в океане ни к чему!

АСТРИД ЛИНДГРЕН. ПЕППИ

Ну, почему, почему бы и нет.
Это же так вероятно:
То, что находят в сказках ответ
Все, а не только ребята.

Славная сказка, как добрый намёк,
Вроде бы и ниоткуда:
Здравствуйте, Пеппи Длинныйчулок,
Светлое детское чудо!

Будет мартышка сидеть на плече,
Лошадь гулять по террраске...
Будет добро побеждать вообще,
А не в придуманной сказке.

Мы подрастаем – ну, что же с того,
Лишь не забыть бы всем нам бы:
Что кукарямбнее в нас – ничего,
Кроме самой Кукарямбы!

ПОЧИТАЙКА-2009
ДРЕВО-21

Ах, тётя Бастинда,
Немножко обидно:
Вы такая взрослая, а так себя ведёте.
Знаю, что ответите,
Мол, Врунгель, вы заметьте,
Что так себя ведут
Не только сказочные тёти.

Но, тётя Бастинда,
Одно очевидно:
Такое настроение для нас совсем некстати,
И пёсик наш Тотошка –
Собака ведь, не кошка –
И может вас за это всё
Немножко покусати.

Так что же, Бастинда:
Что видно – то видно.
А то, чего не видно – мы не раз ещё услышим.
Поскольку не Утайка
Вся наша ПОЧИТАЙКА, –
Где мы живём, как все,
Зато по-сказочному дышим!

Дорогая «Почитайка»,
В океане этим летом
Показалось, что Незнайка –
Это я. Ко мне с приветом
Подбегают Фукс и Лом,
Винтик-Шпунтик – два в одном.

Хорошо, что был будильник!
Завели его сначала
И залезли в холодильник,
Чтоб жара не доконала.
Полчаса сидели в нём
Коротышки – три в одном.

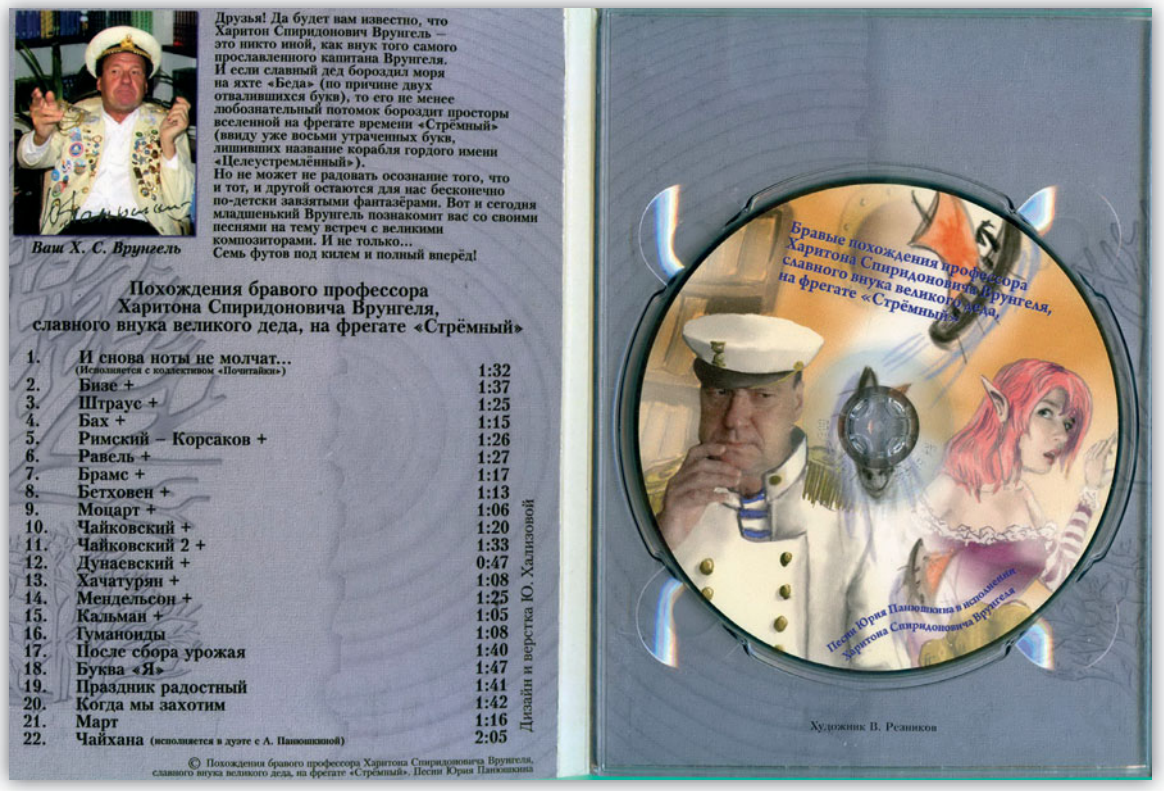
Да, на яхте – это, хлопцы,
Не зимой на тракторе.
Вот оно, какое солнце –
Летом на экваторе!

Не во сне, а наяву –
Мы готовили халву
Как-то всей командою.
Ах, какой я молодец,
Что рецептом, наконец,
Вас сейчас порадую.

Нам морской капусты взять
Нужно килограммов пять,
И бананов дюжину.
Лом у Лома попросить
И тем ломом замесить
Эту массу нужно вам.

Всыплем сахара мешок,
Отнесём на солнцепек –
Волноваться нет причин:
Ром вольём, ну, а потом
Корабельным топором
Мелко-мелко измельчим.
ВОТ И ВЕСЬ РЕЦЕПТ ХАЛВЫ!

2010-е. Альбом Бравые похождения...



ДРАГУНСКИЙ. ДЕНИСКА КОРАБЛЁВ

На «Беде» под Новый год
Приготовили мы торт.
Да к тому ж у Лома с Фуксом
День рождения вот-вот –
С поздравлениями.

Только сели мы за стол,
Мальчик в гости к нам зашёл.
– Здравствуй, Врунгель, будь здоров!
Я – Дениска Кораблёв
От Драгунского.

Был накормлен карапуз
Калачами из медуз,
А когда вошёл во вкус,
Заказал китовый ус
С кулебякою.

Холодца из осьминога
Он поел совсем немного,
Каракатицу не стал,
Потому что есть устал.
Не до сладкого!

Я ж пока его кормил,
Видно, что-то упустил.
Потому что Фукс и Лом,
Извините, целиком торт наш
Слопали.

За буквой – Слово век от века,
Но кто бы что бы ни сказал:
Вся наша жизнь – библиотека,
В которой мы – читальный зал.

КАРЛСОН

Ну, кто же знал заранее,
Что в море возле Дании
Случится шторм такой,
Что просто – вот те на!
И тут, конечно, братцы, я
По корабельной рации
На помощь вызвал Карлсона!

Он был, как помощь на дому,
Штанишки свесил за корму
И запустил свой знаменитый двигатель.
Нам гарантирован успех –
Летели мы быстрее всех.
И вот я здесь, как видите!

Такого больше не найти!
С ним было здорово в пути
И весело, и в этом нет сомнения,
Особенно, когда за час
Он съел наш годовой запас
Клубничного варенья!

НОВЫЙ ГОД НА «БЕДЕ»

Новый год на «Беде» –
Это не в Караганде,
Не на Волге, не на Темзе,
Не в Париже и не в Пензе.

Не под белым кустом,
Не на острове пустом,
Не в Марокко, не в Ла-Манше –
Там, тем более, не наши.

Новый год на «Беде» –
Это сразу и везде,
Где ни с бухты и барахты
С нами Врунгели и яхты!

Кто фантазию, как я,
Отличает от вранья?
Таких я жду заранее
У нас в кают-компании.

АНТИПИРАТСКАЯ!!!

Я был когда-то маленьким,
Пускали мы кораблики
И представляли то, что нам хотелось представлять.
В любой войне с пиратами
Отвагу мы не прятали,
Не забывая песенку при этом напевать:

Играем мы не в фантики,
И чайки нам не вороны,
И ни какому ветру нас, как мачту, не согнуть.
Плывите вы, пиратики,
На все четыре стороны,
Но лучше – в одну сторону, чтоб там и потонуть.

Настало время новое,
Но те года бедовые
В морях, давно нешуточных, нельзя нам забывать.
Где никогда при случае
Пират не станет лучше, и
Мы вспомним нашу песенку, чтоб снова напевать:

Играем мы не в фантики,
И чайки нам не вороны,
И никакому ветру нас, как мачту, не согнуть.
Плывите вы, пиратики,
На все четыре стороны,
Но лучше – в одну сторону, чтоб там и потонуть.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Есть, поверьте мне, песня отдельная,
Оттого, что она – колыбельная.
Потому что я помню, как пела мне мама,
Когда было мне лет предостаточно мало:

– Я тебя, малыш, обманывать не стану,
Но в какой-то день и час
Капитальным капи-капитаном
Станешь ты, сынок у нас.

А ещё, как щекотка-царапина,
Мне запомнилась песенка папина.
Потому что, вот так ни на что не похоже,
Он однажды мне пел колыбельную тоже:

– Я тебя, сынок, обманывать не стану –
Если не уснёшь сейчас,
Капитальным капи-капитаном
Вряд ли станешь ты у нас.
Спи!!!

ФЕВРАЛЬ

Снег пушистый по земле –
И в лесу, и в поле.
Только жаль, что в феврале
Яхты на приколе.

Я бы по морю пошёл –
Расступитесь, ну-ка!
Но «Беда» – не ледокол,
Вот какая штука.

И поэтому зимой
Снятся мне, хоть плачь ты,
Над весёлою волной
Паруса и мачты.

Ох, уж эта мне волна!
Не одна, заметьте.
А за ней ещё одна,
Там, глядишь, и третья.
Раз, два, три, четыре, пять,
Десять... двадцать... тридцать.
Значит, в феврале опять
Будет море сниться.

КОТЫ

Везде, где только быть я смог,
Встречал котов и кошек –
И в сапогах, и без сапог,
В полоску, и в горошек.

Там на борту «Беды» моей
Всегда стояла миска.
И кот веселый много дней
Захаживал на «Вискас».

Вот так без лишней суеты
Скажу я без прикрас вам,
Что эти кошки и коты
Умеют плавать брассом.

Когда ж был берег недалёк,
И солнце село низко,
Кот подарил мне свой сапог,
А я на память – миску.

У ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ...

У дорожного движения
Не случится осложнения,
Если сам ты в то движение
Не добавишь осложнение...

Скажем, в море (вот умора!)
Не бывает светофора.
Но зато для капитана
Есть и карта, и маяк.
Чтоб судам на самом деле
Не сидеть на каждой мели,
А всегда держать по морю
Верный курс – и только так!

А почему?
Да потому что...

У дорожного движения
Не случится осложнения,
Если сам ты в то движение
Не добавишь осложнение!

ПРО СТЕНЬКУ РАЗИНА

Поведал мне знакомый дед
Двухсот пятидесяти лет,
Смотритель Жигулёвского кордона:
Что если и была она,
То не персидская княжна,
А дочка самого Тутанхамона!
Когда б не безобразия
В лице Степана Разина,
Её не угораздило б
Нырять в круговорот.
И фараон с обидою
Прилёг под пирамидою!
И превратился в мумию,
Да так и не встаёт!

ЗА ВЕСЬ ЯПОНСКИЙ ФЛОТ...

Мне, кстати, очень нравятся хорошие японцы,
Которые в Японии живут, ни дать – ни взять.
Да там и просыпаются, едва восходит солнце,
И сразу за работу: раз-два-три-четыре-пять!

Гордятся те японцы Фудзиямой настоящей,
И по-японски сакура бормочет им листвой.
Там каждый (даже двоечник) японоговорящий,
И достопримечательный у них городовой.

На океанах и морях я повидал немало.
Конечно, мог бы рассказать, но хвастать не люблю!
И если у японцев не хватает адмирала,
Как Лом мне посоветует – так я и поступлю.

Везде в любой флотилии нужны такие кадры –
Расскажет вам об этом и дельфин, и кашалот.
Я за собою поведу великие эскадры,
Но не отдам свою «Беду» за весь японский флот!!!

И ДОБРОЕ ЧУДО, И ДОБРЫЙ ГЕРОЙ

Какое красивое, доброе счастье –
Вернуться домой, где милее всего!
И знать, что уже никакое ненастье
С тобой не случится под крышей его.

Какая красивая, милая сказка,
Которую сам сочиняешь порой.
И веришь, что это совсем не напрасно:
И доброе чудо, и добрый герой.

Какая красивая, добрая тема,
Где всё хорошо – и для вас, и для нас.
Всем нам эта тема нужна непременно –
Сегодня и завтра, вчера и сейчас.

И нам эта тема нужна непременно,
Где всё хорошо – и для вас, и для нас.

КОГДА ТЫ ВЫБИРАЕШЬ…

Кому-то всё равно, кому-то знаково
Ненастье или солнце дня погожего.
А дальше всё как будто одинаково,
Но приглядишься – ничего похожего.

Когда ты выбираешь либо-либо,
Усвой себе заранее и чётко:
Что всякая селёдка – это рыба,
Но не всякая рыба – селёдка.

Когда мечта под облака стремится,
Однажды ты поймёшь вполне резонно:
Что всякая ворона – это птица,
Но не всякая птица – ворона.

И уж, конечно – поздно или рано –
Поймёте вы совсем не понаслышке:
Что всякая мартышка – обезьяна,
Но не все обезьяны – мартышки.

Бывает, что нередко между нами
Случаются пустые разговоры.
Бывают фантазёры болтунами,
Но не все болтуны – фантазёры.

Не путайте фантазию с обманом.
Чтоб было вам и ясно, и понятно:
Не всякий «Врунгель» станет капитаном –
И это удивительно приятно!

2010-е. Грушинский. Чайхана

БУКВА «Я»

Кто вразнобой, кто в унисон,
Кто крякает, кто брякает,
А кто-то так в себя влюблён,
Что слишком много якает.

Недавно встретил короля, –
Что нынче так естественно.
Он замок в форме буквы «Я»
Отгрохал непосредственно.

И пироги, и кренделя
(Такого не припомните)
Напоминали букву «Я»
В его столовой комнате.

Жена на «я» и сын на «я»,
И сам на «я» – как водится.
Но у любого короля
Соперники находятся.

Ведь у соседа-короля
Был тоже замок с вензелем.
И тоже в форме буквы «Я»,
Как бутерброды с кренделем.

И вот два наших короля
Сошлись в пылу сражения,
Поскольку эта буква «Я»
Не терпит возражения.

Одна им вышла колея,
Хоть ты кому и как не льсти:
Лежат под общей буквой «Я»
Две индивидуальности.

БУТЕРБРОД

Не скупись, товарищ дорогой,
Как у нас ведётся и поётся:
Бутербродом поделись с роднёй –
И родня к тебе не раз ещё вернётся!

Смешное настроение, хорошая погода,
И облачко весёлое над крышами плывёт.
А у меня в ладошочке кусочек бутерброда,
Хотя недавно целым был, тот самый бутерброд.

Из дома, помню, вышла я, на лавочку присела –
И бутерброд в моей руке огромен был, как дом!
Его я мысленно в тот час уже почти что съела,
Но тут случилось то, во что поверите с трудом.

Появились, как из пушки –
Два котёнка, два щенка,
Две старушки-хохотушки,
Два забавных старичка:
– Шли мы лесом, шли мы бродом
К вам сюда издалека.
Угостите бутербродом
Нас, пожалуйста, слегка.

А потом со мной плясали
Два котёнка, два щенка,
Две старушки трали-вали,
Два забавных старичка...

Смешное настроение, хорошая погода,
И облачко весёлое над крышами плывёт.
И хоть остался лишь всего кусочек бутерброда –
Но мне ни капельки не жаль тот самый бутерброд.
Вот!

РЫБКИ

Шёл я магазина мимо
И купил, как идиот,
Добродушного налима.
Кто же знал, что он поёт?!

В нашем доме – драма,
Потому что мама
Подарила мне двух говорящих рыбок.
Я ж просила зайчика
Или попугайчика.
А теперь, поверьте, мне не до улыбок.

Эти рыбки – две подружки,
Две ужасные болтушки,
То кричат, а то поют попеременке.
Что же это, это что же?!
Каждый день – одно и то же!
К нам соседи головой стучат по стенке.

Как, сама не зная,
Бабушка глухая
Тоже вдруг запела невпопад, не в ноты.
Тут же без сомнения
Появилось мнение,
Что в родне у бабушки были ... бегемоты.

Папа наш, без смеха,
За город уехал,
Чтоб от этих рыбок отдохнуть на даче.
Привезёт мне зайчика
Или попугайчика.
А не то с ума сойду я тоже, не иначе.

Эти рыбки – две подружки,
Две ужасные болтушки,
То кричат, а то поют попеременке.
Что же это, это что же?!
Каждый день – одно и то же!
А соседи головой стучат по стенке.

СТАТЬ БЫ ХОТЕЛА ЗЕБРОЮ

Стать бы хотела зеброю,
Но не простой, а с крыльями,
И над речною вербою
Взмыть от земных оков.
Чтоб рыбаки серьёзные
Фразу такую выдали:
«Зебры летают – стало быть,
Будет хороший клёв!».

Стать бы хотела кошкою,
Но не простой, а с ластами.
Плыть к маяку, что в полночи
Глазом кота горит.
Чтоб моряки суровые
Друг перед другом хвастали:
«Кошки-то как расплавались,
Вот что любовь творит!».

Вот бы мне стать жирафою,
Но не простой, а с домиком.
С тем, что уж не развалится
Ни при какой ходьбе.
Чтобы меня с улиткою
Спутав, зоолог бодренький
Хлопнулся тут же в обморок –
Мол, ни фига себе!

Мало ль кому захочется
Быть или стать немедленно –
Рысью, медведем, соколом,
Или уйти ко львам...
Только поверьте на слово –
Это не своевременно.
И потому, сограждане,
Скромно замечу вам:

Чтоб над счастливой лодкою
Воздух от смеха лопался,
Чтобы любовь прекрасная
Стала твоей судьбой;
Чтобы, тебя завидевши,
В обморок друг не хлопался –
Надо всего-то навсего
Попросту быть собой.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Была мечта у мальчика,
У маленького мальчика,
Чтоб угостить морковкой
Очень солнечного зайчика.

Нам детские фантазии
Порой сродни диковинке.
Но зайчик, тем не менее,
Сидел на подоконнике.

И он смотрел на мальчика –
То прямо, то украдкою, –
Тихонечко посапывал
И ждал морковку сладкую.

ПЕСЕНКА ПРО ПУШУНА

В настроении приличном,
Не мечтая о другом,
Я фантазией напичкан,
Как ватрушка творогом.
Но ни словом и ни взглядом
Не совру вам, люди я:
Далеко – и очень рядом
Есть страна Пушундия.

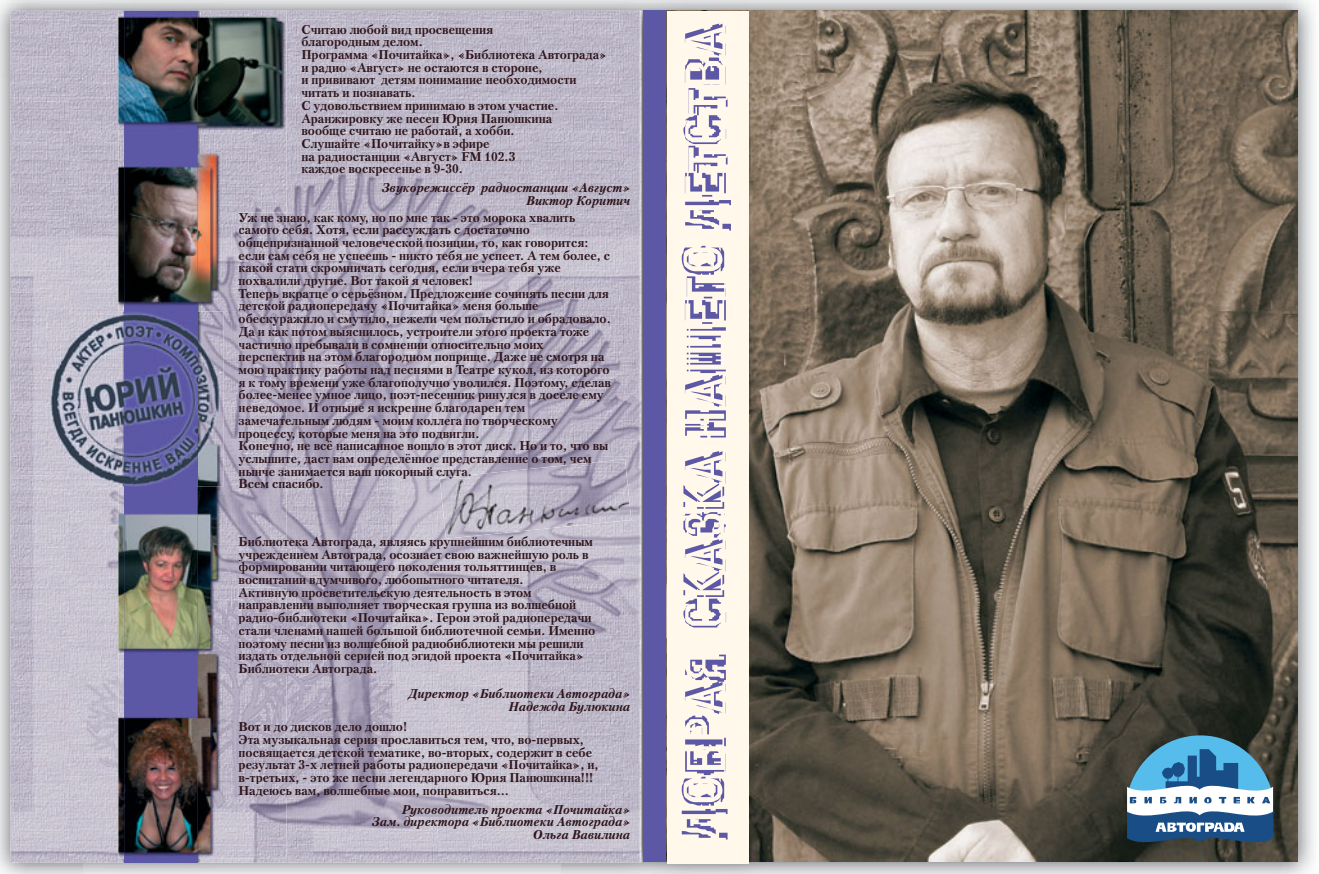
Замечательная малость,
Что в пределах той страны:
Там живут, другим не в тягость,
Озорные пушуны.
Если к ним приходит лихо,
Знаю точно, всё равно
Вам они ответят тихо:
«Мы грустили озорно… ».

Гуляют с утра по летней росе,
То песню поют, то стих.
То парой, то врозь, а то сразу все
И много их…

Там клубком пушистым солнце
Над пушунскою горой.
И вокруг – пушунок вьётся,
Пушунят весёлый рой.
И хохочут пушунята,
И слова – как пух легки.
Где пушистые котята –
Там пушистые щенки.

Снег пушистый выпадает
Ежегодно среди зим.
Только не надоедает
Почему-то это им.
Кто-то спросит: «Да неужто
Эта песня Пушуну?».
Почему?! Да потому что,
Потому что потому.

Помимо баллад и прочих стихов,
Художников и картин,
Признаться готов: среди пушунов
Такой – один!



РОМАНС ДОЧКИ БАБЫ-ЯГИ

Ах, повезло ж родиться мне Баба-Яговой дочкою
Среди лесов нехоженых, поганок и груздей.
И мать моя – Яга меня зовёт болотной кочкою,
Хоть я, конечно, выгляжу гораздо гораздей.

Скажите, люди добрые, какого чёрта лысого
Явилось наважденье, что в Иванушку влюблюсь?
А он верхом на лошади всё мимо да бессмысленно.
Ох, Ванька, ты дождёсся, что в болоте утоплюсь.

Под кваканье лягушек я мечтала не о вас ли?
Мне снилось предложение – то сердца, то руки.
С моим приданым будете, как сыр кататься в масле.
Куда же подевались вы, Иваны-дураки?!

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ

По жизни дано, как известно, немногим
Понять поучительный смысл мифологий.
Такой, например, что совсем не со зла
Кассандра немножечко ведьмой была.

И ведьмою, и предсказательницей –
В одном симпатичном античном лице.
А будь там мужчины слегка поумней,
Не стали б играть в деревянных коней.

Тут, как говорится, какие вопросы:
Открылись ворота – вот конь на колёсах.
Троянцы кричали, что им повезло,
А ночью из лошади выползло зло.

Большой ты начальник, купец или воин,
Не каждый, поверьте, Кассандры достоин.
И это совсем не пустые слова:
Хорошая ведьма – всему голова!

ПЕСНЯ ЛЕШЕГО

Не мучайтесь вопросами,
И если чем я грешен,
То только тем, что взрослые
Детей пугают лешим.

Но тем и этим невдомёк,
Что безобидный, как пенёк,
Живу в своём лесу я,
По доброте тоскуя.

И конному, и пешему
Скажу я без утайки:
Идите все вы к лешему –
Он ждёт вас на лужайке.

Но им, как видно, невдомёк,
Что безобидный, как пенёк,
Живу один в лесу я,
Расплакаться рискуя.

В ПОЛЯХ, В ЛЕСАХ И ЗА ГОРОЙ

Случай забавный со мной приключился.
Только представьте на миг:
Как-то я раз Домовым нарядился
На новогодний пикник.

В пляску пустился, а всё было мало,
В общем – совсем обалдел.
И посреди новогоднего бала
Ёлку затылком задел.

Ёлка упала – и тут, как из пушки,
Стыд плясуна обуял:
Встал вместо ёлки, напялил игрушки,
Так вот всю ночь простоял.

Гости, хоть были слегка огорошены,
Мненье возникло у них –
Что попадаются люди хорошие
Даже среди домовых.

ПЕСНЯ СТРАЖНИКА

У ворот круглый год – вот моя работа,
Чтоб без спросу комар в них не пролетел!
У соседних царей кто-то спёр ворота,
И теперь без ворот стража не у дел.

Эх, трава-мурава, огурцы на грядке!
Кто с утра покричал – к вечеру затих.
У соседних царей нынче всё в порядке:
Тишь да гладь, никого – даже их самих.

Вот ещё год-другой, там глядишь – и пенсия,
Буду петь под гармонь, создавать уют.
А чтоб было чего вспоминать за песнями,
Пусть воротами мне пенсию дают...

Мне б законный выходной да кусочек праздника,
Но на страже стоит стражник круглый год.
Потому что без ворот не бывает стражника,
А не будет стражника – не будет и ворот.

НОВОГОДНИЙ ДОМОВОЙ

В нашем доме – шифоньер.
В шифоньере, например:
Туфли, брюки и рубахи,
Две старинные папахи,

Джинсы, юбка и бушлат,
Новый бабушкин халат.
И костюмы, и пальто...
Только – это всё не то.

Потому что не в пример
Шифоньерам шифоньер,
Где живёт один такой
Мой любимый Домовой!

Если мне приснится он –
У меня хороший сон.
Жаль, что днём его опять
В шифоньере не сыскать.

Кто не верит в домовых –
Мне немного жалко их.
Приходите, дам ответ,
Только не включайте свет.

А то он испугается –
И больше не появится.

Все получается, как подобает.
Зрители – без возражения,
Если всегда кукловод соблюдает
Правила кукловождения!

ИЗДЕРЖКИ СКРОМНОСТИ

БОДРИТЕ
ВЕТЕР
ЮРИЙ
ПАНЮШКИН

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРОЗАИК

В 1990-е годы мы с Юрием Панюшкиным осуществили несколько издательских проектов. Авторские книжки были экзотичными — это сборник неподцензурных стихов «Пиво, секс и авторская песня» (1996) и миниатюрное издание юмористических песен и рассказов «Про Нину-комсомолку, хулигана и секретаря ячейки» (2000). Иллюстрировал обе книги художник Владислав Южаков. Было еще несколько коллективных сборников, но это уже обычные поэтические книжки.

Юрий Михайлович, Юра был человеком обязательным и исполнительным, работать с ним было довольно комфортно. Именно на волне этого сотрудничества возникла идея сделать собрание сочинений автора. Я ёрнически называл это издание «посмертным», поскольку предполагалось, что в него будет включено абсолютно всё, созданное автором. Предложил Юре написать свою подробную биографию — либо самому изложить, либо я буду к нему приходить, и он методично и поэтапно будет наговаривать мне на диктофон историю своей жизни: детство, школа, армия и т. д. Тогда, двадцать с небольшим лет назад, этот проект даже не был начат, все ограничилось несколькими разговорами: Панюшкин отнесся к нему легкомысленно и иронично, особенно его рассмешила мысль о «посмертном» собрании сочинений, а я не был настойчив, полагая, что у нас еще бездна времени впереди, и мы всегда сможем вернуться к этой теме.

Подталкивая Юрия Панюшкина к написанию неких мемуаров, я все-таки понимал, что по жанру это будет иметь отношение к беллетристике, а не к документальному повествованию. В качестве примера можно найти в нескольких изданиях биографию, написанную самим Юрой: да, это вполне беллетризованный рассказ о самом себе, а не скудная лаконичная анкета, заполненная для какого-нибудь отдела кадров. Словом, не только обстоятельства и вдохновение, но даже друзья и близкие подталкивали Юрия Панюшкина к написанию прозы.

Не думаю, что автор считал свои прозаические опыты безделицей. Уже в 2010-е годы, готовя какие-то публикации, я видел, как Юрий Михайлович приносил машинопись 1970-х годов и газетные вырезки примерно того же периода. Значит, не выкинул, отложил в сторонку, сберег, рассчитывая, что это когда-нибудь пригодится.

Повестей и романов, к нашему сожалению, Юра не писал. Это были короткие рассказы, а то и вовсе бесконечная череда афоризмов.

Дело тут вот в чём. В 1970-е и 1980-е годы почти во всей советской периодике существовали юмористические колонки, а то и полосы: в еженедельнике — обязательно, а в ежедневной газете — в пятничном или субботнем выпуске. Я знаю несколько авторов, которые сотрудничали едва ли не со всеми изданиями Советского Союза. Не избежал этой участи и Панюшкин.

А для газеты с её ограниченными площадями самый приемлемый жанр — конечно же, миниатюра, анекдот, афоризм.

В 1990-е годы Юрия Панюшкина охотно печатали в тольяттинской газете «Площадь Свободы», а после 2003 года стали регулярно выходить его произведения в тольяттинской же газете «Вольный город». Как нередко бывает — спрос корректирует жанры, в которых работает автор. Вот и Юра писал то, что востребовано. Я бы не сказал, что это было на потребу публике. Но Юрий Михайлович рассчитывал на широкую аудиторию, у него даже книга 2007 года называлась «Чтобы быть большинству понятным».

На чем строились прозаические тексты Панюшкина? На парадоксе и клоунаде. Он ставил своих героев в заведомо невероятную ситуацию, причем не всегда, как автор, находил выход из этой ситуации, предлагая читателям самим домыслить: что же могло случиться с героем? К тому же сама структура текста, комичная конструкция изначально настраивали читателя на то, что сейчас вы столкнётесь с чем-то немыслимым, чего в обычной жизни быть не может.

Раз уж Юрий Михайлович Панюшкин был поэтом, бардом, сочиняющим и исполняющим популярные песни, то он и не воспринимался окружающими как прозаик. Стихи и песни — да, это публиковалось часто и неоднократно. Проза была сопутствующим довеском, не самой главной составляющей в творчестве автора.

Я сейчас думаю: а ведь никому так и не пришло в голову собрать все прозаические опыты Юры и издать их отдельной книгой. Обособленные, вырванные из контекста песенного творчества, лишённые бардовской составляющей, эти тексты смотрелись бы по-другому. Наверняка есть люди, совсем не знакомые с творчеством Панюшкина. Мне была бы интересна их реакция, если бы они начали знакомство с творчеством автора именно с прозаических произведений.

Вот и наступила пора посмертных (уже без кавычек) изданий, над которыми мы так беспечно смеялись в 1990-е. И нет уже разделения на вторичность или первичность тех или иных жанров. Понятно, что песни и стихи Юрия Михайловича Панюшкина широко известны читателям и слушателям именно в силу своей жанровой специфики. Сейчас, полагаю, пришла пора вчитаться в прозу певца и барда. Думаю, сегодня она воспринимается иначе, чем год или два назад.

Вячеслав СМИРНОВ, член Союза российских писателей,
член Ассоциации театральных критиков

2007...

Бодрите ветер!

Укроп тем хорош, что по осени за ним не надо убирать листву.

Профиль осени – не всегда анфас поэта.

Не подражайте – да неподражаемы будете.

Прежде чем просчитывать дистанцию, просчитайте тех, кто желает вас обойти.

Замечено, что человек впадает в ступор чаще от зависти, чем от страха за собственную жизнь.

Между тираном и палачом разница в зарплате.

И среди лизоблюдов встречаются гурманы.

О Янусе с восхищением: «Он такой разносторонний!».

Дарёный конь ненавидит рентгеноскопию!

Какая муха вас не укусила?!!

Не скромничай. Поставь себя на моё место.

Не кромсай висок тупым ножом. Дождись, когда изобретут острый порох.

Он не просто был не ангелом. Но ещё хуже.

– **Я** к вам.
– Зачем?!!
– Тогда, не к вам.
– Почему?!!!

Любой вопрос решаем. Особенно, когда в этом нет необходимости.

В очереди за Счастьем все крайние.

Выбирай: враг с насмешкой или друг с ухмылкой?

Не быть синоптику наставником сапёра.

У меня, в отличие от вас, интересная жизнь! Где-то завалялась…

Скоро сказки сказываются, да не скоро издаются.

Столько *полной* фигни – что *худой* не протиснуться.

Устал быть выше других?!! Передохни, облокотившись на облако.

Зануда – это тот, у кого в супе плавают две мухи вместо одной – как у всех.

Весенняя распутница.

Встречают по обложке – читают по уму.

Не трудитесь оплодотворять ложь, она – саморазмножаема.

Если и казаться глупцом, то только для того, чтобы этим кого-то удивить.

Весёлая совесть – грустная привычка.

Слишком долгий выбор оставляет вас без его последствий.

Если женился на самой молодой и самой красивой, самой богатой и самой умной – значит, стал жертвой обстоятельств.

Не всем же быть на первых ролях. Кому-то достаются и *очень* первые.

Написал в графе «Место жительства»: Родина. Потребовали уточнить.

Не исключено, что друг моего врага – наставник врага моего друга.

Не опережайте события, которым всё равно кому ударить в спину.

Поэт – не мстит. Он жалит гордой рифмой!

Не всё во благо, что к нему принуждает.

«**С**амовлюблённый Нарцисс!» – пример словесного перебора.

И самые рослые полководцы завидовали Наполеону…

Интересно: а слону не видать своих ушей?

А вам не страшно оттого, что вас кто-то боится?

«**В**от счастье-то!» – съехидничал кто-то при встрече со Счастьем.

Снежинки, касаясь друг друга, не тают, в отличие от людей.

Хотел застрелиться – отговорили. Пойду утоплюсь.

Чего смешного в том, что кто-то упал?! Ведь не насмерть же…

О, сколько сладости в слове «приторность»!

Мнение о ком-то: «Он – большая не редкость».

Играя как Моцарт, помни о последствиях.

Сойди! Не стой на достигнутом.

Глухонемая собака внутри себя лает громче других.

Чем больше желающих оказать вам бескорыстную помощь, тем богаче выбор в её составляющей.

Моё не «за» и не «против» – вовсе не означает, будто я ещё и «воздержался».

Пизанская башня завидует человеку: *как он до сих пор не рухнул, живя под таким углом?*!

Лишая меня права голоса, вы себя лишаете права однажды услышать моё молчание.

Для полёта мечты опасайтесь подделок горючего.

Итоги – злопамятны. Подводите их пореже.

Мера наказания не всегда наказание в меру.

В человеческом учебнике все задачи – первоочередные!

Преимущество предмета перед своей тенью в том, что к полудню он не становится короче.

С высоты птичьего помёта.

На кладбище каких только птиц не услышишь! Кроме кукушки.

Не индивидуальничай! Сохраняй моральный облик большинства.

Весна в присутствии женщины.

Чтобы дольше быть на виду – надо время от времени видоизменяться.

Случается, что сбежавшие из плена иллюзий норовят вернуться обратно.

«**С**емь с половиной пядей во лбу! Кто больше?!!»

Если всем станет жить хорошо, то кто ж тогда будет работать?

Заглянуть внутрь себя сложнее всего старшей матрёшке.

Летающие коровы – «пернатокопытны».

Транспарант в спортзале: «Чрезмерное занятие спортом приводит к здоровому образу жизни!».

Мы, даже если и не голодаем и не бедствуем, то всё равно надеемся на лучшее.

Зачем человеку руки, и откуда они чешутся?

Будешь помнить всех – себя забудешь.

Женщина! Проявите характер – отдайтесь мужчине!

У меня две проблемы. Одна и другая. Они настолько разные, что создают друг друга.

От кого-то голого – не услышишь нового.

Сомневаться в чём-то легче всего, когда тебя об этом не просят.

Припечатать непечатным словом.

Сам себя не успеешь – никто тебя не успеет.

За обеденным столом не должно быть лишнего, особенно – еды.

Облака, разбавленные небом.

Луна безразлична к тем, кто на неё воет. Вот и воют на неё все, кому ни попадя.

Остановиться, оглянуться. И вновь бежать спиной вперёд.

И мёртвая змея способна ужалить, если только о *ней* и думать.

Прогрессирующая скромность чревата застенчивой озлобленностью.

Комар пищал так жалобно, что хотелось его поддержать, подставив голое плечо.

Мужчина! Рядом с обнажённой женщиной постарайся выглядеть достойно голым.

Не плюй в торнадо – засосёт!

Натянутые отношения хороши для тетивы и лучника.

У переполняющего вас чувства требуйте отстоя пены.

Не рой другому яму. Найди того, кто сделает это лучше.

Бывает, что и финишная ленточка разрывает грудь.

Знавал я одного марафонца, который любил, чтобы за ним побегали.

У белой зависти – смуглое дитя.

А стоит ли ждать, когда другие скажут о тебе то, что ты хотел сказать о них.

Не плюй на свои неудачи. Побереги слюну для чужих успехов.

Хуже меня никто не сыграет лучше.

Кого б перекричать, пока нет рядом водопада.

Человек любопытен настолько, насколько это ему не нужно.

Мечтал о своём. Кричал о своём. Стоял на своём. Упал на своём. Хоронили чужие…

Грустному не до веселья. Весёлому не до грусти. Счастливому не до них.

Слыть глупцом – не порок, если ты этого достоин.

Дождю в день рожденья подарили зонтик от солнца.

Не целуйте розу в стебель!

Храпи в себя!

Прежде чем плохо летать, научись хорошо ползать.

Не бойся выглядеть смешным в зеркале, если это – зеркало Эпохи.

Если ветер попутный, то почему он меня обгоняет?

И словно о чём-то вспомнив, за окном пробежал дождь в обратную сторону.

Паруса! Не обижайте ветер.

– **П**рооперируйте меня так, как если бы себя самого.
– Хорошо. Но это будет вдвое дороже.

Обращение к специалисту по язвам: «Ищи свищи!».

На приём к психиатру сумасшедшая очередь.

И зёрна раздора нуждаются в поливе.

Не обижайте ребёнка! Особенно в присутствии его любимых игрушек.

И ежесекундно купаясь в роскоши, можно покрыться коростой.

Голодный убил сытого и съел. Аппетит не убавился.

Всё в меру – особенно мера.

Комплимент: «На вашем месте любой дурак был бы гением».

Более всех в отпуске нуждается безработный.

Не раньте душу – плюйте *наповал*!

Индеец, не стой под стрелой!

Был у отца сын дурак. И ещё двое.

– **В**ы казните поэта?
– Это для вас – поэт. А для меня он, прежде всего – человек! – всплакнул палач.

Скольких водка догубила! А сколько недогубленных!!!

Снова споткнулся, но не упал. И кто-то вздохнул: «Ну, когда же?!».

Прелестный казус *перепоя* – очнуться утром в постели с собственной женой.

Не всё ль равно живцу, в какой он рыбе?

Грядущую ошибку исправлять труднее, если ты уже успел над нею посмеяться.

Когда узнал, что гипотенуза больше катета – жить стало ещё страшнее.

То, что себе дороже, лучше брать напрокат.

Господи, зачем ты дал мне жизнь барана среди таких пастухов!

Смирительная рубашка не нуждается в предварительной примерке.

Не замечал, чтобы кошки жевали зерно. Зато голодные гордые птицы не прочь поклевать остатки кошачьего корма.

Не увидел отражения в зеркале? Не пугайся! Просто плюнь на себя и протри.

Человек рождается со слюной на губах, чтоб затем превратить её в пену у рта.

Хочешь глотать большие куски – стань пламенем.

Вы – правы! Но позвольте с вами не согласиться.

Меня решили оскорбить, назвав здравомыслящим идиотом.

Решил Иван-дурак как-то один раз поумнеть. Один раз и поумнел.

Веер летит над безлюдной пустыней и думает: «Кому я здесь нужен?!» … И правильно думает.

Искать соломинку в стогу иголок.

Незваный гость интернационален.

Титаник утонул не оттого, что долго принимал решение, а потому, что у Айсберга не хватило ума подвинуться.

Любой календарь – это подарок на время.

Если вам суждено утонуть – можете смело лезть в петлю.

Я понял свою ошибку. А она меня – нет.

Опоздай – но приди пораньше.

Эй, добрый, подайте камень!

Хобби смерти – вышивание крестиком.

Чертям в потёмках ангелы мерещатся.

Истопник в аду – святое дело.

Разрешаю вам промолчать всё, что вы обо мне думаете.

Чем в присутствии совести компенсировать отсутствие наглости?

Нева – сестра. Волга – матушка. Байкал – батюшка. Ну как тут не нагадить по-семейному.

Столько хорошей рыбы! А я выбираю свежую.

– **К**ому даром?
– А много?

Оптимисту в лесу приснилась кукушка на бис.

Популярность – падчерица славы, живущая на алименты успеха.

Доказать вам, что я не глупец – у меня ума не хватит.

Среди плохих всё меньше настоящих.

Наипрелестнейшая пошлость!

Скромность украшает. Бесцеремонность – красит.

И у хороших гитаристов случаются *переборы*.

Ты не слышал, как растёт трава?!
… Значит нас уже двое.

Парадокс: при таких связях и такой интеллект!

Тому, кто знает, где упасть, потом не о чем вспоминать – кроме соломки.

Легче договориться с двумя кривдами, чем с одной правдой.

К приезду барина не мы заборы красим, а заборы красят нас.

На эшафоте быстрее. На Голгофе почётнее. Если ты ещё не выбрал – пойди и утопись.

Любовь пробивает. Ревность рикошетит.

Гуманоиды действительно существуют. Но зовут их по-другому. Сообщу, когда они меня вернут.

Всему свой срок, включая пожизненный.

Новый день ещё не начался, а у меня такое чувство, что я уже проспал что-то интересное.

Патология тяжёлых намерений происходит от недостатка врождённого легкомыслия.

Не разменивайся на пустяки, они это сделают за тебя.

Предел мечтаний – самому стать деньгами!

Катаракта информации. И как следствие – слепая вера.

Отступайте красиво – это деморализует наступающих.

Чтобы на корабле сократить крысиное поголовье, время от времени объявляйте ложную тревогу.

Бывает, что и в семье уродов не без урода.

Богатая мудрость в гробу – не повод для оптимизма её наследников по завещанию.

Любовь – как трамвай в пустыне: его нет, но кто-то видел.

В окружении без меры *добрых*, становишься не в меру *задумчивым*.

– **Б**оже, как она хороша!
– *Которая*, сын мой?

Услугой за услугу – пожизненная очередь.

Охотнику не нужна сама утка. Но его тяготит, что её убьёт кто-то другой.

Не огорчай обезьян уверенностью в твоём внеземном происхождении.

На вид – простой Юпитер, а запросы бычьи.

В банке Тридевятого царства кто-то взял кредит под залог шапки-невидимки.

Предприимчивая скромность.

Куда смог – успел! Куда надо – опоздал…

Долго ждать – забудешь, как бежать навстречу.

Натянутая улыбка – предвестник печальных морщин.

У вас прекрасная роспись! Распишитесь в моём бессилии.

Когда о нём говорили: «Вы просто гений!», – его смущало слово «*просто*».

Диагноз: «Припадки неистовой скромности».

Человек подошёл к зеркалу и, смущаясь, произнёс: «Вселенная несовершенна… как я».

Больнее всего падать с высоты самомнения.

Делайте добро! Хотя бы для развлечения добрых.

Молчание – золото. Шёпот – серебро. Болтовня – свинец.

Судя по тому, как быстро всё произошло – это была ж и з н ь.

Привилегия приговорённых к расстрелу солдат в том, что им не надо вставать по ранжиру…

«**С**ветлая ты головушка!», – польстил палач блондину.

От доносчика, похороненного днём, ночью пришёл донос: «Соседи молчат, как убитые».

Замечено, что некоторые поэты не гнушаются стихами, когда не идёт проза.

Элитный легион из вампиров благородных кровей.

Будь бескорыстен! И тебя всегда поддержат те, кому это *выгодно*.

Не каждый Днепр позволит *какой-то* птице долететь до его середины.

Пожалуйста, приведите себя в порядок. И лучше – добровольно!!!

Ночной афоризм способен на логическую точку, если бы не утреннее многоточие…

Я люблю вас бескорыстно, просто так… Вот только бы ещё вспомнить – по какому поводу…

Брак по расчёту не лишён искренней любви. Например – к тому же *расчёту*.

На все советы *себя* не угодишь.

Тренируйте мимику, перед тем как прилюдно задуматься над вопросом, заранее зная ответ.

Одной *правды* не бывает. Вам какую?

Если я один из вас – означает ли это, что вы одни из меня?

Над старым новое смеётся беззубым ртом ничейного младенца.

Стабильная ложь в обнимку с переменчивой правдой.

Ненормированный рабочий сон.

Вдруг ощущаешь досаду от того, что любимые тобой пороки уже кому-то свойственны.

Счастье не в деньгах, а в том, у кого ты их занимаешь.

Скупой не намекнёт – жадный напомнит.

Бывает, что и стоматологу не всё равно, кому заглядывать в рот.

Быть самим собой или всё-таки *ещё* лучше?

Удержался на грани позора, чтобы сгинуть на грани славы…

Труднее всего скрыть следы преступления там, где ты его не совершал.

Хорошая мина при плохой игре в сапёра.

Мудрость распята на кресте опыта.

И века не прошло – как нам вновь захотелось расстаться.

«**З**ачем вся эта возня?» – говорят те, кто ничего в *возне* не понимает!

Жираф – как часовой в саване. И тоже умеет спать стоя.

Среди *своих* и слон бывает с виду неприметен.

Канонада затишья.

Из железных нервов хорошая ограда на могиле лопнувшего терпения.

Корове на льду не давайте точки опоры, иначе эта дура перевернёт ваш ледовый дворец.

Невнятный покой сродни ложной тревоге.

Меньше всего я похож на лампочку, но и у меня случаются минуты просветленья.

Начни с того, чтоб что-то полюбить.

Чтобы не верить – надо больше сомневаться. А чтобы верить – надо сомневаться ещё больше.

Когда вы кричали мне, что я деградирую, у вас было такое лицо, что я не мог деградировать иначе.

Ожидание настороженности.

Так много чужих ошибок, что и не до своих.

Не способен напугать до смеха, так хотя бы рассмеши до слёз.

От перемены мест шагаемых дорога не меняется.

Замечу с долей вероятности, что если вам на голову упадёт кирпич – вы узнаете об этом первым.

Что же в нас *нашего*, если даже имя собственное нам дают со стороны.

А возможно ли зубы молочные сбить до сметанных?

Для заблудших овец лучшие пастбища – это головы, их приютившие.

Если в кабине машиниста дурно пахнет – значит, кто-то бежит впереди паровоза.

Становитесь великими! В очередь.

Порадуй близких! Шагни в вечность при жизни.

Нет, господа! Рановато нам ещё называться «товарищами».

Как это ни странно, но быть самим собой или очень похожим на себя – не одно и то же.

Неопределённость начала процесса – самая хвастливая гостья на празднике конечного результата.

Фразу «Всем молчать!!!» надо кричать шёпотом.

Не забывайте о том, о чём вас забыли предупредить.

Вот смотрю на вас и думаю… А когда не думаю, то и смотреть не хочется.

Правила не писаны для дураков и влюблённых. Но чаще для влюблённых дураков.

Если ты перепил на празднике, то *праздник* здесь при чём?

При решении актуальных задач на переднем плане возникает задний ум.

Плохому часовщику маятник мешает.

У того, кто убеждён, что всё плохое позади, впереди ещё меньше хорошего.

Неужели прожить долго и счастливо надо только для того, чтобы затем умереть с кем-то в один день.

Никогда не знаешь, чего ожидать от ожидаемого.

Так хочется понять! Знать бы ещё – что…

Объявление: «Сочиню колыбельную тому, кто долго не хочет укладываться в голове».

Свои мысли не так беспокоят, как чужие.

Стоит ли кричать: «Вы не так меня поняли!», чтобы услышать в ответ: «А мы и не собирались».

Парадокс иных ситуаций в их очевидности.

Дорога не догадывалась, что она труднопроходима, пока на ней не споткнулись МЫ.

Бодрите ветер!

НАГРАДЫ

Свидетельство № 06
о награждении

Настоящее свидетельствует:
О присвоении звания

Лауреат
национальной общественной
премии
«ПРИЗНАНИЕ»
в области авторской песни

ЮРИЮ ПАНЮШКИНУ

и удостоверяет
награждение лауреата
золотой медалью
«БАРД РОССИИ»
за выдающиеся
творческие достижения

Председатель
оргкомитета премии

Ноябрь

БАРД РОССИИ

А было это так... С Анатолием Олейниковым – основателем и руководителем Новосибирского центра Владимира Высоцкого – меня познакомил Александр Моисеевич Городницкий на очередных гастролях, где я выступал в качестве его аккомпаниатора. Тогда я и узнал, что ежегодно за выдающийся вклад в развитие авторской песни награждаются наши великие мастера. Награды такие уже получили Александр Городницкий, Юрий Кукин, Вадим Егоров, Сергей Никитин и некоторые другие авторы. С Толей Олейниковым мы нашли много общего во взглядах, вкусах, отношении к жанру и стали друзьями.

И вот в очередной приезд в Новосибирск на фестиваль «Свой остров» Толя в разговоре со мной посетовал, что не может найти номинанта на звание «Бард России» на следующий год. Я, не объявляя автора, спел ему Юркиного «Гадкого утенка». Там все понятно, это посвящение Высоцкому...

Последовала удивленно-возмущённая пауза, а за ней слова: «Где ты был раньше, почему я этого не слышал (кто это?!), и срочно его сюда, в Новосибирск!!!». Я еще попел Юркины песни и закрепил этим решение, что это «Бард России». Мне поручили провести переговоры с автором и доставить его до места.

Так и произошло… Мы прилетели на церемонию, где было все торжественно и серьезно. После выступления Юры его наградили золотой медалью (52 грамма) и сертификатом лауреата премии «Бард России». Медаль вручала Изольда Высоцкая!!! Юра был рад этому событию в своей творческой биографии, но совершенно серьёзно мне сказал: «Сашка, самое главное – довезти это до дома!».

В этих словах был резон. Если вспоминать наши с Юрой поездки и гастроли – то, действительно, бывали ситуации на грани… То самолёт нас забудет забрать, то замок в бане сломается и не выйти, то крутые ребята задерживают рейс, пока Юра читает на диктофон стихи, которые вчера понравились на посиделках их боссу. Но здесь всё получилось правильно и красиво. И было очень хорошо, потому что был Юра, Юрка, Юрок, Михалыч!!!

Александр ИСАЕВ,
лауреат Грушинских фестивалей

2014. Юрий Панюшкин, Изольда Высоцкая и Александр Исаев

ФОНД им. ВАЛЕРИЯ ГРУШИНА • «БИБЛИОТЕКА АВТОГРАДА» • XXI век

2014.
Медаль «Бард России»

2014. Новосибирск,
Золотая премия «Признание»

2010. Победитель в номинации
«За заслуги
перед городским сообществом»

ПАНЮШКИН ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Юрий Панюшкин:
– член Союза театральных деятелей Российской Федерации (с 1995);
– член Тольяттинской писательской организации (с 1994),
– член Союза Российских писателей (с 1999).

Первая пластинка с песнями Юрия Панюшкина «Есть такая страна – Жигули» вышла в 1990 году на Всесоюзной фирме грамзаписи ВТПО «Фирма «Мелодия».

Лауреат (1978), а затем почетный гость и член жюри фестивалей авторской песни имени Валерия Грушина, а также фестивалей в Норильске, Челябинске, Ульяновске, Казани, Ноябрьске, Нижневартовске, Сургуте, Магадане, II национальном фестивале «ДНЕШНИТЕ БАРДОВЕ» г. Казанлык (Болгария, 2006) и многих других.

Занесен в «Историко-культурную энциклопедию Самарского края» (Самара, 1995), книгу-альбом «Тольятти. Дела и люди» (Тольятти, 2007), книгу-альбом «Территория будущего» (Самара, 2013).

Вошел в «Антологию авторской песни. 100 бардов. 600 песен» (ЭКСМО, 2008), «Это надо сберечь. Произведения самарских композиторов для голоса и вокального ансамбля. Выпуск 2» (Самара, 2007); сборник «Поэзия XX века», хрестоматийный материал для учащихся 11-х классов (Самара, 1996).

Награжден Благодарностью Самарской губернской Думы «За активную общественную работу и вклад в военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения Самарской области» (23 мая 2017).

На I Международном форуме «Высоцкий – XXI век» (Новосибирск, 2014) Юрию Панюшкину присвоено звание лауреата национальной общественной премии «ПРИЗНАНИЕ» и удостоверено золотой медалью «БАРД РОССИИ» за выдающиеся творческие достижения (№ 005).

Награжден Почетной грамотой Думы городского округа Тольятти «За значимые результаты в общественной деятельности, сфере развития культуры городского округа Тольятти и в связи с 60-летием» (2012), победитель конкурса «Креативный город» в номинации «За заслуги перед городским сообществом» Фонда Сергея Жилкина (2010), награжден Почетным знаком Ротари-клуба г.Тольятти «За Взаимопонимание и Мир» и дипломом «За активную жизненную позицию и верность идеалам служения обществу» (2004).

Панюшкин Юрий Михайлович — артист Тольяттинского театра кукол «Пилигрим» — награжден грамотой Департамента культуры Администрации Самарской области «За значительный вклад в развитие культуры города Тольятти и в связи с 30-летием со дня открытия театра» (2003).

Ранее:

Грамота Управления по туризму и экскурсиям Министерства обороны СССР «За активное участие в Четвертом Всеармейском слете туристов, посвящённом 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», 1985);

Диплом лауреата за активную пропаганду политической песни и большое содействие в проведении V фестиваля политической песни памяти Виктора Хары (Тольятти-ВАЗ, 1978);

Диплом лауреата телевизионного конкурса «В эфире — песня» (Куйбышев, 1978);

Диплом Первой степени среди авторов I фестиваля самодеятельной гитарной патриотической песни «Поволжье-78» (Ульяновск, 1978).

ФОНД им. ВАЛЕРИЯ ГРУШИНА • «БИБЛИОТЕКА АВТОГРАДА» • XXI век

ВСЕМ МИРОМ

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ №_____ НА _____

– рублей –

Настоящим удостоверяется благотворительное пожертвование

_____

(фамилия, имя, отчество)

на издание книги-альбома Ю.М. ПАНЮШКИНА
«НЕ ПРОСИТЕ НАС СОЛГАТЬ...»

«На свете лишь любовь и песня имеют истинную власть!»
Ю. М. Панюшкин

Книга-альбом самого известного тольяттинского и одного из известнейших российских бардов Юрия Михайловича Панюшкина выпускается к 50-летию Грушинского фестиваля. Юрий был не только лауреатом фестиваля, но и одним из организаторов, ведущим «Чайханы».
Удивительные песни Юрия Панюшкина знают и поют по всей России. Песни «Пожелай мне всего на прощание» и «Такая ночь, она как самый крепкий чай» стали гимнами Жигулёвской кругосветки.
Самая известная награда тольяттинского поэта - звание «Лауреат национальной премии «Признание» в области авторской песни». Вместе с ней он получил золотую медаль «Бард России» Фонда по увековечиванию памяти Владимира Высоцкого.
Юрий Панюшкин был человеком очень интересным и многогранным. Долгие годы работая в городском театре кукол, он стал любимцем тольяттинской детворы и её наставником. Увлечение водным туризмом сделало его одним из известнейших путешественников нашей области. Дважды ему удалось пройти легендарным маршрутом Валерия Грушина по реке Уде. За его спиной прохождение матросом Северного морского пути, он побывал практически во всех географических районах России. Обо всём этом будет рассказано в нашем издании. В альбоме будут впервые опубликованы редкие фотографии Юрия Михайловича из архива семьи и друзей.

Глава городского округа Тольятти
С.А. АНТАШЕВ

Президент Торгово-промышленной палаты г. Тольятти
В.Н. Шамрай

Председатель правления ОТОО
«Тольяттинская писательская организация»
Б.А.Скотневский

Грушинская Академия

Библиотеки Тольятти

Альшевская Ольга Николаевна
Андрианова Любовь Степановна
Архипова Наталья Олеговна
Афонина Наталья Владимировна
Бакланова Варвара Александровна
Батрова Татьяна Владимировна
Балашова Ольга Викторовна
Беляева Ольга Владимировна
Бирюкова Галина Владимировна
Бобкова Ирина Геннадьевна
Бобренков Вячеслав Викторович
Боброва Инна Михайловна
Бондарь Любовь Ивановна
Бородай Екатерина Вячеславовна
Браташова Людмила Александровна
Брохман Лариса Ефимовна
Будина Наталья Васильевна
Булюкина Надежда Валентиновна
Бухтоярова Марина Викторовна
Вихляева Ольга Андреевна
Вихляева Татьяна Васильевна
Вавилина Кристина Витальевна
Вавилина Мария-Изабелла Витальевна
Вавилина Ольга Александровна
Варванин Виктор Васильевич
Варламова Светлана Николаевна
Вахтурова Снежана Николаевна
Вихляева Татьяна Васильевна
Возилов Алексей Александрович
Востриков Алексей Викторович
Габдуллина Иркя Равиловна
Гарина Ольга Владимировна
Гладуш Елена Валериевна
Гога Ольга Ивановна
Голубок Наталья Геннадьевна
Горбунов Николай Павлович
Горбунова Светлана Александровна
Гостева Галина Николаевна
Гремина Людмила Андреевна
Гришина Татьяна Андреевна
Гурьяков Евгений Борисович
Гусева Елена Александровна
Девятова Ирина Анатольевна
Дроздецкий Юрий Михайлович
Евдокимов Геннадий Михайлович
Егорова Екатерина Ивановна
Ерофеев Алексей
Ерофеева Яна Юрьевна
Ефремова Наталья Викторовна
Железин Илья Александрович
Жуков Владимир Анатольевич
Запивахин Сергей Анатольевич
Запивахина Наталья Александровна
Зарудняя Наталья Васильевна
Зеленцов Александр Юрьевич
Зеленцов Юрий Анатольевич
Зильберштейн Людмила Владимировна
Зильберштейн Михаил Рудольфович
Зимихина Ирина Витальевна
Золотницына Наталья Владимировна
Ильюк Екатерина Сергеевна
Ионова Оксана Михайловна
Ищук Екатерина Николаевна
Каримова Найля Хабировна
Карпов Юрий Павлович
Кейльман Мария Борисовна
Киреев Анатолий Николаевич
Киршина Тамара Владимировна
Кокина Елена Георгиевна
Колосов Владимир Аркадьевич
Кондрусева Елена Васильевна
Коренной Владимир Лукич
Косливцева Олеся Алексеевна
Котельников Дмитрий Иванович
Кузьмичева Наталья Владимировна
Кулагин Олег Юрьевич
Кулижская Лариса Анатольевна
Курочкин Александр Владимирович
Кучуков Игорь Вильданович
Лесняков Богдан
Лёксин Николай Евгеньевич
Луничева Оксана Владимировна
Макарова Виктория Дмитриевна
Мальцева Наталья Александровна
Малышев Илья Александрович
Мартыненко Татьяна Викторовна
Марцымова Ирина Владимировна
Марышкина Розыгуль Сейитхановна
Мельникова Екатерина Анатольевна
Мирзагасанова Владлена Гвамеддин кызы
Мирзоева Инесса Геннадьевна
Мозгунова Марина Робертовна
Молчанова Надежда Николаевна
Нефедов Александр Викторович
Новикова Татьяна Александровна
Носкова Нина Павловна
Павлышина Ирина Александровна
Павидис Светлана Николаевна
Пахомова Вера Александровна
Пелевина Наталья Сергеевна
Петрова Наталья Владимировна
Петренко Юлия Владимировна
Пинемасова Любовь Александровна
Погодина Марина Алексеевна
Подоляко Виталий Евгеньевич
Прасолов Евгений Николаевич
Прокопьева Ольга Владимировна
Прокопьева Полина Анатольевна
Резунова Елена Владимировна
Реснянский Михаил Михайлович
Романов Виталий Иванович
Романова Ольга Геннадьевна
Рыбкин Сергей Николаевич
Савкина Нина Николаевна
Самохин Дмитрий Петрович
Санталова Алла Александровна
Сарбаев Сергей Тимофеевич
Свешников Михаил Николаевич
Свиридова Наталия Ильинична
Селезнёв Михаил Федорович
Сергеев Леонид Александрович
Ситникова Нурия Файзрахмановна
Скаткова Оксана Анатольевна
Скнарева Нина Владимировна
Смотрицкая Марина Евгеньевна
Сульдина Евгения Ивановна
Сучков Вячеслав Владимирович
Таисия Александровна З.
Тарасова Дарья Сергеевна
Телепегина Галия Галимовна
Тимофеев Сергей Валентинович
Ткачева Ольга Николаевна
Токарева Елена Олеговна
Толкачева Ирина Петровна
Тонковидова Наталья Александровна
Тукмачев Анна Павловна
Уланов Степан Андреевич
Урядова Ольга Ивановна
Уханова Наталья Леонидовна
Федосеева Ирина Алексеевна
Фирсов Михаил Эмильевич
Цирульников Борис Альбертович
Чевозерова Галина Владимировна
Чекирко Людмила Владимировна
Черепанова Наталья Николаевна
Черных Елена Алексеевна
Чубаркин Артур Владимирович
Шадрина Оксана Владимировна
Шамрай Виктор Николаевич
Швецова Ольга Евгеньевна
Швецова-Скрипинская Галина Петровна
Шерстобитова Татьяна Александровна
Шеховцова Светлана Алексеевна
Ширяев Руслан Яковлевич
Шмидт Лариса Александровна
Эстулин Григорий Эдуардович
Юдина Светлана Юрьевна
Юнусова Венера Ганиевна
Юсупова Валентина Алексеевна

СОДЕРЖАНИЕ

Стальной гигант. Виталий Шабанов 4

1. Я НЕ БЫЛ НИГДЕ, КРОМЕ ПЕСЕН 8

Юрка, Юрка. Олег Митяев 11

2. Я ПОЮ О ТЕБЕ 30

Ой, как трудно быть гением! 32

3. ШЁЛ ПО ГОРОДУ ПОЭТ 48

Вот такой он был, Юрок! Руслан Ширяев 51

4. ВСЁ ПРОИСХОДИТ НА ЗЕМЛЕ 66

Рождение барда. Табрис Карамалов 68

5. НАЧЕКАНИТ ОСЕНЬ ЗЛАТА 86

Рыцарь дорог. Феликс Суркис 88

6. НЕ ПРОСИТЕ НАС СОЛГАТЬ 98

Песни «за жизнь». Артур Чубаркин 100

7. С НАМИ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ 110

Мой друг, Юра Панюшкин. Борис Кейльман 112

8. ЭГЕЙ, СОЛДАТ! 130

Канадские центы. Александр Свиридов 132

9. В ПРЕДЕЛАХ СКАЗОЧНОЙ СТРАНЫ 140

Музыкальная душа поэта. Григорий Эстулин 142

10. ЭТУ ДАМУ НЕ ПОКРЫТЬ МНЕ ВАЛЬТОМ 156

Прощай, Юра! Антонина Шамрай 158

11. ВИДНО, В БУБЕН МНЕ НЕ БИТЬ 168

Не сердитесь, чем могу… Константин Тарасов 171

12. НЕ ВСЯКИЙ ВРУНГЕЛЬ СТАНЕТ КАПИТАНОМ 180

Не всякий Врунгель станет капитаном. Ольга Вавилина 183

13. ИЗДЕРЖКИ СКРОМНОСТИ 204

Неизвестный прозаик. Вячеслав Смирнов 206

НАГРАДЫ 216

Бард России. Александр Исаев 218

ВСЕМ МИРОМ 222

Антология авторской песни. Серия «ГИТАРА ВРЕМЕНИ»:

Грушинский (Фестивальная летопись 1968–2000 гг.)

Заповедная страна (Песни бардов Самарского края)

Берег надежд (Песни ленинградских авторов 1950–1960 гг.)

В. Вихорев. В океане времени

А. Яшунская. С вами вместе

Янтарная струна (Песни бардов Калининградской области)

Б. Полоскин. Музыкальные истории

В. Шабанов. Ребус под названьем Русь

Ю. Панюшкин. Чтобы быть большинству понятным

Духовная лирика

Поющая душа (Песни ленинградских авторов 1970-х гг.)

А. Тимофеев. Приснился мне сон...

Руководитель проекта В.К. Шабанов

Проект Библиотеки Автограда «Тольятти. Избранное»:

Дендрарий-1

Первый ректор

Дендрарий-2

О. Вавилина. Система Кислюка

Ю. Панюшкин. В начале повторения пути

С. Дьячков. Книга Бытия

Дендрарий-3

А. Рудой. Выходки

Ю. Панюшкин. В начале повторения пути. 2-е дополненное издание

Редактор и составитель О.А. Вавилина

Дизайн и верстка: Ю.А. Хализова

Технический редактор Г.В. Карасёва

Ответственный за выпуск Н.В. Чумак

Проект Фонда им. Валерия Грушина и Библиотеки Автограда «Гитара Времени. Избранное»:

Грушинский XXI век

Грушинское братство

Ю. Панюшкин. Принцесса и флибустьер

Т. Карамалов. Гольфстрим впадает в Волгу

В. Шабанов, В. Шемшученко. Мы родом из Грушинского

А.Д. Рудой. Поддавки. Выходки. 2-томник, 2-е дополненное издание

Л. Фельдблит. Заплакать... Засмеяться... Или забеременеть...

Г. Герцовский. Белое и черное

А.С. Воронцов. Вначале была жизнь. 2-томник.

Ю. Панюшкин. Бодрите ветер

С. Дьячков. Крайняя книга

Ставь ногу в след … (сборник / составитель А.В. Гордеев)

Пилигримы времени (сборник / составитель Э. Филь)

Руководители проекта: В.К. Шабанов, О.А. Вавилина

Литературно-художественное издание

Панюшкин Юрий Михайлович
«НЕ ПРОСИТЕ НАС СОЛГАТЬ…»

Антология

Редакторы: В.К. Шабанов, О.А. Вавилина
Корректор В.С. Павлова
Дизайн и вёрстка: Ю.А. Хализова, О.А. Вавилина
Технический редактор Г.В. Карасева
Ответственная за выпуск Н.В. Чумак

Подписано в печать 12.07.2018. Формат 70×108/6.
Печать художественная цифровая. Усл. п. л. 52,97.
Тираж 100 экз. Заказ № 3-442-18.

«Тольяттинские Библиотеки» и Фонд им. Валерия Грушина:
проект «Гитара времени. Избранное»
445037, г. Тольятти, ул. Юбилейная, 31 Е, офис 207.

Издательство Тольяттинского государственного университета
445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

Объединяя несколько лет назад волевым решением два самостоятельных тольяттинских книжных проекта: чисто песенный «Гитара Времени» и мировоззренческий «Тольятти. Избранное» – мы, честно говоря, точно не представляли себе, во что это выльется. У нас была уверенность в том, что книги проектов найдут своих читателей (как это было и раньше) но смогут ли, в результате слияния, они объединить и читателей – мы не знали. Ведь, что греха таить, одной из теневых, неназванных причин слияния были и соображения, не скажу, что меркантильные, но технические: нам становилось легче работать над книгами. А, поскольку оба проекта изначально не были коммерческими и делались на дружно поносимом ныне энтузиазме, это было важно. К счастью, худшие наши опасения не подтвердились. Выпущенные под общей обложкой книги объединённого проекта быстро стали бестселлерами. Уже сами читатели стали требовать у нас новых изданий.

Кроме того, проект стал своеобразным рупором оргкомитета Грушинского фестиваля, который получил возможность напрямую обращаться на наших страницах к участникам этого грандиозного праздника и напоминать им подзабытые страницы истории. И это, в конце концов, помогло в какой-то степени прекратить продолжавшиеся довольно долго попытки разрушить фестиваль, разбить его на две половины.

Людей, где бы они ни жили и как бы ни добывали хлеб насущный, всегда тянуло и будет тянуть к творчеству. Чистые листы бумаги, клавиши или струны музыкальных инструментов одинаково завораживают и делают трудоголиками – как графоманов, так и гениев. Причём творят те и другие, не жалея ни сил, ни времени – не ради славы и материального благополучия. Мы говорим сейчас об обычных нормальных людях, а не о «профессионалах», стимулом к творчеству для которых является рубль, творениями которых до сих пор заполонены многочисленные телевизионные каналы и страницы газет и журналов. Наш проект – не для них, стать его участником за деньги нельзя. Чтобы стать нашим автором, нужно получить признание людей, а не функционеров.

Нынешнее издание – альбом «Не просите нас солгать…» является для нас, по сути, этапным. Это практически полное собрание стихов и песен любимейшего несколькими поколениями грушинцев, одного из талантливейших бардов страны – нашего земляка Юрия Михайловича Панюшкина, год назад ушедшего из жизни. Знаменательно, что осуществляется оно в год 50-летия Грушинского фестиваля, которому и посвящено.

Юрия Михайловича по праву зовут певцом Жигулей, которым он посвятил не одну замечательную песню, но мало кто знает, что он в составе самарских туристских групп совершил и два похода высшей категории сложности по реке Уде, что в Восточном Саяне, последней реке Валерия Грушина. В альбоме есть и песни, написанные Юрием в тех походах (под скалой с горельефом Валерия).

Виталий ШАБАНОВ,
президент фонда имени Валерия Грушина (Тольятти),
заслуженный путешественник России

…Села писать и мысли встали дыбом. С чего начать?! Куда податься???! ТОЛЬЯТТИ…

Очень опасное слово. Стоит произнести его вслух и… дискуссий, а то и тотальных разборок, не избежать. Задействованы будут все без исключения. И каждый внесет (причем пренепременно!) посильную лепту. Кто-то с пеной у рта будет требовать сменить название с Тольятти на Ставрополь-upon-Волга (иначе нам удачи не видать). Другой будет костерить Мора и его окрестности – за развал АвтоВАЗа (и, кстати, правильно).

А иные взовьются гитарным бардовским разливом (ибо Груша-то наша, песня-то жива!)… И не будет конца и края задушевной ругани и братской войнушки на тему: «Как и когда погибнет наш любимый и дико обожаемый город?!»

А я не побоюсь и влезу в драку! Прямо-таки прыгну в самую кучу-малу и громко крикну… Да нет, пожалуй, даже завоплю дурным голосом: «Да никогда!!! Не видать вам гибели моего родного города, как своих ушей и грозно покусанных локтей! Не мы его строили, не мы его и хоронить будем! Отцы-основатели нашего могучего и славного Тольятти свои жизни положили на то, чтобы город жил, работал и процветал. Не буду их (отцов, то есть) перечислять, а то опять диспут завяжется на тему, что кого-то не упомянула. (Вы все сами знаете – о ком я.) Так вот, продолжу… И вот эта могучая ЭНЕРГЕТИКА этих великих людей держала, держит и будет держать наш ГРАД на плаву – всем ветрам назло!!! И ничего я никому доказывать не собираюсь! Вам ведь не все равно?! Живете здесь?! Спорите?! А значит (пусть и втайне от себя) – ЛЮБИТЕ это МЕСТО ОБЕТОВАННОЕ?!

Ну и вот. Значит, все и хорошо. Жизнь продолжается. Город живет. А остальное все – бонус…»

P.S.: Ну, а мой вклад в благополучие и процветание города:
- – это 20-летний стаж работы в Тольяттинских Библиотеках
- – радио- и телепередача «Почитайка», совместно с Юрием Панюшкиным
- – телепередача «Книжный эксперт» на ВАЗ ТВ
- – семейно-познавательный библиотечно-благотворительный центр «Зебра»
- – Бельканто-club (совместно с Тольяттинской консерваторией)
- – участие в благотворительных спектаклях «Фонда Тольятти»
- – проект «Тольятти. Избранное. Гитара времени», с 35-м юбилейным выпуском которого вы сейчас и знакомитесь.

P.P.S.: Под статьей Виталия Шабанова подписываюсь целиком и полностью. Лучше и не скажешь…

Ольга ВАВИЛИНА,
замдиректора по инновациям
МБУК «Тольяттинские библиотеки»
внучка профессора А. Н. Резникова,
одного из отцов-основателей града Тольятти